Д-р ИОСИФ КАРНЕР

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПРАВА

Перевод научн. сотр. Инст. Сов. Пр. Л. В. ГЕРКАН

под редакцией

Проф. Я. А. БЕРМАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Д-р ИОСИФ КАРНЕР

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПРАВА

Перевод научн. сотр. Инст. Сов. Пр. Л. В. ГЕРКАН

под редакцией

Проф. Я. А. БЕРМАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз № 3273. Главлит № 5025. Москва. Тираж 3000 экз.

„Мосполиграф“ 11-я типо-литография „Пролетарское Слово“, Б. Переяславская 46.

ВВЕДЕНИЕ.

Не без некоторого колебания решился я опубликовать настоящую работу. Поскольку она относится к области, пограничной между экономией и юриспруденцией, она предполагает существование законченной системы этих обеих наук. Пока речь идет об экономии, я спокоен, ибо я опираюсь на марксову критику политической экономии. Но *критику буржуазной юриспруденции* еще нужно создавать, а научный социализм сильно в ней нуждается. С большой охотой я бы применил к этой работе римское правило „nonum prematur in annum“ и держал бы ее в портфеле до тех пор, пока она могла бы войти в качестве составной части в более обширное целое и тем была бы застрахована от некоторых возможных недоразумений. Но время не терпит. Борющемуся за свои цели социализму дорог каждый лишний аргумент, хотя бы последний представлял лишь частицу полной истины, социализм же не может обеспечить своим защитникам того досуга, который позволяет буржуазным ученым спокойно ждать иногда до глубокой старости, или даже до смерти, того момента, когда результаты их изысканий вполне созреют; не может социализм считаться и с тем видом авторского тщеславия, который не позволяет ученым предстать перед читателями, не потревожив теней всех своих предшественников. К тому же буржуазия перестала укрощать ученых-социалистов горечью долголетнего изгнания, создавшего им возможность доводить до конца свои работы. Сейчас мы вынуждены выполнять свои работы по частям и искать истину только совместно и у нас нет более права задерживать у себя отдельные камни того здания, которое мы собираемся соорудить в будущем. Мы не смеем и не должны скрывать от читателей результатов нашей работы, даже

если последние представляют только половину всей истины, ибо их дополнят наши непосредственные преемники. Мы не должны бояться частичных ошибок, ибо нас поправит следующий за нами. Наша наука уже не есть плод индивидуального творчества, а коллективный труд многих. Наш ежедневный труд—не система, а очерк, эскиз. В заслугу отдельному исследователю должно вменяться даже и то, что он избирает новые пути работы, даже если этот путь окажется ошибочным! Ибо мы должны быть благодарны заблуждавшемуся по крайней мере за то, что он предохранил нас в будущем от ошибки.

Проблема юридической надстройки является в настоящее время, может быть, наиболее спорной. Определяется ли действительно вообще право хозяйством, в каких пределах и в какой форме, ведет ли право свое собственное, независимое от экономии существование—вот вопросы, представляющие для нас большой теоретический и практический интерес. Врастаем ли мы также и в области права органически в государство будущего или мы должны найти наше право, „социальное право", при помощи размышления, чтобы заменить им буржуазное право и осчастливить этим путем будущее человечество, опираясь только на наши творческие силы? Тысячи обращаются к нам с вопросом: каковы будут особенности правового порядка будущего? Вопрошатели допускают, что в области экономии действуют коллективистические тенденции, но ведь все так называемые социальные институты, как, напр., страхование рабочих, всецело опираются на частное право, на частную собственность—единственным социальным их элементом является принуждение. Так как частная собственность определяет как в целом, так и в деталях, все наши жизненные отношения—сегодня так же, как и в незапамятные времена,—то нас спрашивают, считаем ли мы возможным поставить на место частной собственности путем простого декретирования нечто совершенно от нее отличное, не разрушая в то же время самого общества, если только мы не намерены организовать общество исключительно на почве принудительного, казарменного типа права. И такие представления свойственны не только нашим противникам. Вопрос о юридической надстройке должен быть, наконец, когда-нибудь поставлен методически, и эту задачу и

ставит своею целью предлагаемая работа. Она изучает правовые институты—и прежде всего собственность —с двух их сторон: со стороны юридической и экономической. Она различает, таким образом, в институтах права, с одной стороны, нормы, из которых они состоят, и социальные их функции—с другой. Далее, она ставит вопрос: может ли правовой институт, не изменяя своей юридической сущности, т.-е. без изменения самих правовых норм, подвергнуться изменению в своих экономических и социальных функциях? Может ли, следовательно, хозяйство, хотя право и стремится регулировать и связать его, подвергнуться преобразованию при застывшем праве, возможно ли хозяйственное развитие без одновременного, адэкватного изменения законов?

Если это возможно, то тогда право, хотя и является условием хозяйства, никоим образом не может считаться причиной изменения и развития хозяйственных отношений; тогда не право определяет хозяйство, а другие, вне-правовые факты. Но как скоро этот вопрос разрешен в ту или другую сторону, с неизбежностью перед нами встает обратный вопрос: если при неизменном юридическом составе правового института изменились его социальные функции, то не должно ли это изменение влиять изменяющим образом и на закон, не должны ли подвергнуться преобразованию и составляющие его нормы? В какой форме хозяйственные изменения влияют на изменения права? Из этих двух вопросов я в настоящей работе ставлю прежде всего первый, т.-е. вопрос о социальных функциях правовых институтов.

Проблема эта есть, прежде всего, чисто теоретическая, капиталистические же формы собственности служат только простым материалом для иллюстраций, и я мог бы с точки зрения поставленной теоретической задачи ограничиться только эпизодическими ссылками на них. Но мне представлялось очень важным дать в то же время наглядное изображение грандиозного развития и преобразования права, которое, однако, почти не коснулось юридической природы институтов и которое, таким образом, должно было по необходимости остаться совершенно незамеченным для чисто юридического мышления. Это побудило меня взять на себя также и задачу изобразить социальные функции самих наших правовых институтов. Само собой разумеется, что я

вынужден был ограничиться в этих рамках анализом только весьма немногих институтов и их важнейших функций в нашем обществе, поскольку целью моей было извлечение только главнейших выводов и выявление метода таких исследований.

Исчерпывающее изображение изменений в функциях институтов может быть дано в громадном историко-правовом труде, который едва ли по силам одиночному исследователю.

Ограничивая рамки своего рассмотрения только развитием капиталистической собственности, я получаю возможность проанализировать важнейшие типы наших правовых институтов в их функциях, при чем полученные результаты явятся в то же время опорным пунктом для следующей работы, которая будет посвящена изменениям в праве, и в особенности—„превращению“ буржуазного права в социальное право грядущей общественности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Двойственный характер институтов права.

1. Их юридическая природа.

Правовой порядок, рассматриваемый со стороны формы, в которой он действует в жизни в качестве закона, административного распоряжения, кодекса и т. д., представляет бесконечную сумму различных императивов, которые общество [1]) обращает к индивиду. Всякое право есть волевое отношение и, прежде всего, подчинение индивидуальной воли воле коллективной. В какой форме возникает эта коллективная воля, которая, однако, ни в какой мере не есть общая воля, каким путем из ясно формулированного императива [2]) возникает правовая норма [3]), которая в изъявительной форме, в форме известного утверждения или определения, регулирует взаимоотношения людей, подобно тому, как закон природы регулирует изменения вещей, как из отдельных императивов образуется закон, этот вопрос нас здесь не интересует. С этой точки зрения в задачи юриспруденции не входит исследование вопроса о том, как из конкретных императивов, с которыми один индивид обращается к другому, развивается общий, абстрактный императив, „норма“, которая от имени „общества“ адресуется к неопределенному числу индивидов; юриспруденция принимает все содержащиеся в положительном законе положения права, как данные, выводит из них нормы, анализирует их и систематизирует. Она

---

[1]) „Рассматривать общество как единый субъект, значит... рассматривать его неправильно, спекулятивно“. Маркс—в недавно опубликованном введении к „Критике политической экономии“ (см. „Neue Zeit“, год XXI, I том, стр. 718). С точки зрения юридической организованное в государство общество есть единство, субъект права.

[2]) „Не убий!“—„Не пожелай добра ближнего твоего!“

[3]) „Кто умышленно лишит жизни человека, тот присуждается за убийство к смертной казни“ (Импер. Угол. Улож., ст. 211).—„Рассматриваемая как право, собственность есть полномочие обращаться по своему усмотрению с сущностью и выгодами вещи и не допускать к пользованию ею всех остальных“ (Австр. Гражд. Улож., ст. 354).

не может охватить хаотическую массу норм, изобразить их и учить им, не приводя их в известный порядок; она группирует их по их юридическим признакам, свойственным им именно как нормам, т.-е. как формальные отношения отдельных воль. Социальное действие каждой отдельной нормы лежит, естественно, по ту сторону этой ее юридической сущности и, следовательно, по ту сторону задач правовой систематики, совершенно так же, как применение табака лежит по ту сторону ботаники.

Правовая систематика оценивает поэтому каждую норму иначе, чем политическая экономия; она спрашивает, служит ли эта норма основанием некоторых субъективных прав, какова природа этих последних, имеют ли они абсолютный или относительный характер, личный или вещный. В классификации прав решающее значение имеет их юридическая природа, ее основной задачей является решение вопросов о приобретении, об ограждении от нарушений и об утрате права: нормальное, беспрепятственное осуществление права не является предметом рассмотрения юриспруденции, а именно оно определяет ценность права в жизни. Таким образом, юриспруденция рассматривает комплексы норм, как известные единства, как правовые институты, исходя из формально-юридических соображений, и поступает совершенно правильно, ибо она руководствуется в этом своим особым и необходимым методом.

Вульгарная экономия, которая сама является принявшим методическую форму смешением понятий, требует также и от юриста смешения экономического и юридического метода. Право собственности, каким оно является у цивилистов, право собственности римских юристов, неподвижная, индивидуалистическая собственность, собственность, как понятие господства, и т. д., возбуждает ее живейшее неудовольствие [1]).

Как в глазах буржуазного экономиста все является стоимостью—стакан воды в пустыне, баритон в опере или услуги проститутки,—точно так же для них все есть „собственность“: требования кредиторов, права изобретателей и патентные права, и т. п. и даже собственность на „отношения“ и „права“ должна найти себе место в определении собственности [2]). Если к тому же еще есть возможность сослаться при этом на средневековое немецкое право [3]), то этим самым удачно демонстрируется „односторонность современной науки“ гражданского права, которая настолько ограничена, что считает возможным излагать современное частное право

---

[1]) Сравни у Адольфа Вагнера, „Основы полит. экон.“, 3 изд., II. 1—3, стр. 185 и § 126 и след.

[2]) Сравни. Адольф Вагнер. „Основы и т.-д.“, 3 изд., 1—3, стр. 268.

[3]) Там же, стр. 268.

в таком виде, какой оно получает в действующем законодательстве.

Наша юриспруденция повинна еще в некоторых других такого же рода мнимых односторонностях: как известно, существует гражданское, уголовное и административное право собственности—юриспруденция и даже сам законодатель в этом случае раздробляет один институт на три части. Кроме того, гражданское право собственности без гражданского процесса кажется каким-то фантомом. Наука права в таком разграничении отдельных дисциплин опирается на известные методические и практические соображения. Следует ли отсюда, что в понятие собственности должны быть включены также и административно-правовые ограничения и повинности собственников, как, напр., поземельные налоги и т. п.? И, действительно, Вагнер настаивает на том, чтобы частно-правовые определения „по указанным основаниям включали также возможность законных ограничений в их правах на распоряжение имуществами и даже обязанности к известным действиям“ [1]). Такие требования представляются смешными в глазах юриста и даже чудовищными, ибо он знает, что всякое субъективное право обусловлено каким-либо объективным законом, что оно не существует вне последнего и что этот закон всегда „имеет возможность“ возложить на граждан определенные ограничения или обязать их к известным действиям. Иначе пришлось бы требовать от юриста-теоретика по поводу каждого формулируемого им определения того или другого института повторения основных принципов учения о государстве и праве.

Превратилось ли бы этим путем наше действующее право частной собственности в социальную собственность (что представляется, конечно, прямым contradictio in adjecto)? И что еще можно было бы таким путем доказать, кроме того, что собственник не может считаться сувереном, а остается все-таки всегда подданным? Собственность безусловно относится к сфере частного права, т.-е. к сфере капиталистического производства, и поэтому, именно, эта безусловность представляется для экономиста наиболее характерной ее чертой. Если я затушую эту сторону дела, то вся частно-капиталистическая система хозяйства расплывется в тот неопределенный хаос смешения „с одной стороны“ и „с другой стороны“, на почве которого апологеты этой системы стряпают свои „Основы“, „Руководства“ и „Учебники“ для купцов и студентов.

Ничто в большей степени не преграждает пути к познанию, чем синкретизм всех методов. Правовые институты

[1]) Там же, стр. 268.

приобретают свою индивидуальность в качестве таковых, т.-е. в качестве комплексов норм, только через однородность и единство образующих их норм. Но нечто совершенно иное представляет собой их влияние на факты жизни, лежащие по ту сторону норм. Наша работа стремится иллюстрировать правильность этого утверждения на многочисленных примерах. Вот некоторые образчики. Одна и та же правовая форма договора служит бесконечному ряду хозяйственных и внехозяйственных целей—браку совершенно так же, как и продажной любви, договор же займа в частности служит так же „филантропическому хозяйству", как и ростовщичеству. И, наоборот, одна и та же экономическая задача может быть осуществлена при помощи различных правовых институтов; так, напр., совместная обработка земли может быть осуществлена в форме договора товарищества или в форме договора найма, в котором вознаграждение выплачивается натурой в виде части добытого продукта. Институт срочной передачи во владение земельных участков экономически ничем не отличается от некоторых завещательных распоряжений. В этом различии между правовым институтом, как таковым, с одной стороны, и исходящим от него и лежащим вне его действием института, с другой—находят свое объяснение и факты неприменимости в жизни или мертворожденности некоторых законов. Этим объясняется также и факт сохранения в некоторых местах Германии благодаря завещательным распоряжениям остатков старых земельных порядков, несмотря на законодательную отмену соответствующего им права. В этом различии, в этом постоянном обособлении правовой формы от социальной материи и находит свое объяснение развитие права.

Чтобы составить себе вполне ясное представление об этом развитии, методически необходимо строго разграничить форму от материи, и было бы крайне вредно для всякого углубленного воззрения на природу права растворение этого различения в тумане психолого-этической фразеологии.

Правовые институты обладают таким же двойственным характером, как и все почти в этом буржуазном мире, как товар, как производство, или как Вернер Зомбарт. Формально-юридически они представляются разделенными на параграфы, отпечатанными на все-выносящей бумаге, более или менее хорошо стилизованными положениями, нормами, ведущими столь же абстрактное существование, как и недвижимое и движимое имущество какой-нибудь железной дороги, когда оно получает свое выражение в форме акции железнодорожного общества, или как золотой запас какого-нибудь банка, изображенный в банкноте. То самое акционерное общество, которое экономически превращает наемный труд горнорабочего в биржевые цен-

ности, юридически преобразовывает его в параграфы своего устава. Как фетиш-товар относится к потребительной ценности, точно так же фетиш-закон относится к фактическим отношениям людей друг к другу. Формально-юридически каждый институт права представляет собой комплекс норм, сумму императивов. Таково, напр., право собственности, верховный императив которого гласит: „Никто не имеет права изымать вещь, принадлежащую А, из его распоряжения, никто не должен нарушать спокойного владения. А этой вещью и т. д.". Везде, где имеется налицо известная совокупность норм, юрист видит тот же институт собственности, независимо от того, идет ли дело об участке земли, охотничьей собаке, ломте хлеба или неимеющем никакой экономической ценности семейном портрете. Задача юриспруденции сводится к техническому оформлению, систематическому изложению, логической обработке и практическому применению всего материала норм и исчерпывается этими операциями. Она по самому существу своему является задачей положительной и исторической, как и ее терминология и арсенал ее понятий; она должна быть эмпирической, совершенно так же, как чисто эмпирическими вещами являются Corpus juris civilis, как Саксонское Зерцало или как Гражданское Уложение Германской Империи.

Но институт права регулирует фактические отношения живых людей, сменяющих друг друга поколений,—словом, постоянно меняющиеся явления, и представляет, как и право вообще, только одну сторону их бытия. И вот возникает вопрос: какую роль играет или должно играть право по отношению к обществу, что оно дает этому обществу? Как создает общество свое право и как право создает свое общество? Здесь уже норма не является началом и концом чисто интеллектуальной работы, но известным звеном в цепи причинных зависимостей: следствием чего является право и какие следствия влечет за собой право? Только здесь и полагается начало той ветви правоведения, которая не может считаться только практическим изучением права, только юриспруденцией, а является наукой права. И эта последняя есть также наука эмпирическая, но объектом ее эмпирии является не Corpus juris, не кодекс, не данный эмпирически положительный текст закона. Если бы мы взяли ее в смысле простой юриспруденции, то в отношении ее было бы вполне справедливо изречение Канта: „Чисто эмпирическое учение о праве есть голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая, может быть, и красива, но только, к сожалению, лишена мозга"[1]). Наука о праве поэтому начинается как раз там, где кончается юриспруденция, и наука эта приводит право в

---

[1]) „Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre".

связь со всеми неправовыми явлениями нашей жизни и включает право в общий механизм общественного бытия, как известную его часть, как некоторое колесо этого механизма.

2. Социальные функции права.

Из всех вопросов, на которые должна дать ответ наука права, нас интересует только один: взаимная зависимость экономики и закона.

Допущение „взаимной зависимости“ не находится в противоречии с марксистским основным воззрением на природу юридической надстройки. Что законы влияют изменяющим образом на хозяйство, это—настолько очевидный факт, что Марксу, разумеется, и не могло притти в голову отрицать его: „Влияние законов на упрочение отношений распределения и в силу этого воздействие их на производство подлежит особой разработке“ („Neue Zeit“, стр. 744). Спрашивается только: чем обусловливается, в свою очередь, это влияние законов? „Действительно трудный пункт, который здесь нужно разрешить, это—то, каким образом производственные отношения и правоотношения проходят неодинаковый путь развития, примером чему может служить отношение римского гражданского права к современному производству“ (там же, стр. 779).

Возьмем, напр., какой-нибудь конкретный правовой порядок вместе с его конкретным экономическим базисом в определенный момент его развития. Все хозяйственные формы суть в то же время правовые институты, все хозяйственные действия суть в то же время или правовые сделки или осуществление субъективных прав, или чисто фактические отношения, возникающие при конкретных правовых предпосылках [1]).

Обращение товаров в буржуазном обществе совершается исключительно в форме правовой сделки, в форме купли и продажи и производных от них сделок, в формах обязательственного права. Но производство не есть само по себе правовая сделка: у крестьянина оно является только осуществлением его права собственности, в капиталистическом строе производство представляется одновременно осуществлением

---

[1]) Правовая сделка и хозяйственное действие не покрывают друг друга. Так, потребление какого-нибудь пищевого средства есть одновременно физиологический, экономический и волевой процесс, но не волевой процесс в форме правовой сделки.

права собственности со стороны капиталиста и исполнением принятых на себя обязательств со стороны рабочего,—таким образом является отчасти правовой сделкой, отчасти осуществлением обязательства. Простая экономическая категория с этой точки зрения представляется комбинацией нескольких юридических и, следовательно, категории эти не совпадают.

Одному, отграниченному с точки зрения экономической науки, индивидуализированному процессу служат несколько определенных правовых институтов и эту их роль я называю экономической функцией этих институтов.

Но каждый экономический процесс, который мы рассматриваем теоретически изолированным, является, в свою очередь, лишь выделенной мысленно частью целого общественного процесса производства и воспроизводства. Рассматриваемая в связи с этим целым экономическая функция превращается в социальную функцию правового института.

Никто ни раньше, ни после не сумел с такой ясностью и полнотой понять и изобразить в каждом отдельном моменте экономии, в каждом частичном процессе, как бы он ни был незначителен, функцию соответствующих им правовых институтов, как Карл Маркс. Ни одна экономическая система, как мы увидим ниже, не дает такого ключа к уразумению связи хозяйства и права, как его система—предшественники и преемники Маркса или не замечали проблемы, или не оценили в полной мере ее значения.

Пока мы рассматриваем известный общественный уклад в положении покоя, т.-е. как бы фиксированным в одном моменте времени, мы можем говорить только о взаимной зависимости правового института и хозяйственного процесса, при чем оба в своем единстве образуют один хозяйственный институт, оба изображают одну и ту же вещь, только рассматриваемую сначала под углом зрения субъективного волеобразования, как волевое отношение, а потом как естественно-технический процесс.

И это вполне понятно—на камне, находящемся в покое, можно так же мало изучать законы падения тел, как мало можно научиться поваренному искусству у того повара, которого поцелуй спящей царевны погрузил в сон. Все, что мы можем узнать здесь, в состоянии покоя, это то, что хотя хозяйственный процесс и правовой институт не покрывают друг друга, но представляют собой две неразрывно связанные друг с другом стороны одной и той же вещи. Это-то совместное и нераздельное их существование нам и нужно прежде всего зафиксировать и описать.

Но такое рассмотрение констатирует только факт их взаимной определяемости, но еще не дает никакой возможности понять природу этого факта, каузальную сторону его. Мы

должны изучать процесс в его историческом развитии, наблюдать шаг за шагом переход от изученного этим путем общественного уклада к ближайшему. Только в этом движении, в исторической последовательности хозяйственных и правовых форм, может обнаружиться закономерность развития. Если я изберу для этой цели любые две следующие друг за другом эпохи, то хотя результаты и будут действительны по отношению к исследуемому переходному периоду, но не будут иметь общеобязательного значения. На вопрос: „какие функции выполняет право вообще?“ я мог бы дать ответ только в том случае, если я индуктивно изучу все данные в исторической их последовательности общественные формации, от самых примитивных до самых сложных. Я получу таким путем общее понятие об организации общества и вместе с тем представление об общих функциях права.

Этот прием никоим образом не противоречит тому взгляду, по которому каждая отдельная ступень развития имеет свои совершенно особые свойства и закономерности. Маркс часто указывает на существование и правомерность такой всеобщей высшей абстракции. Так, в недавно опубликованном фрагменте он говорит: „Все эпохи в области производства имеют некоторые общие им признаки, общие определения. Производство вообще есть абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет нечто общее, фиксирует его и этим путем освобождает от повторений“... „единство, которое вытекает из того, что субъект—человечество, и объект—природа, остаются те же“ („Neue Zeit“, стр. 712). Тем не менее Маркс отзывается об этих общих определениях достаточно пренебрежительно, так что наши сомнения в их целесообразности получают новое подтверждение. Основание, из которого он исходит, сводится, во-первых, к манере буржуазных экономистов, до сих пор ими еще не оставленной, изображать категории капиталистического строя как нечто вечное и, таким образом, их как бы канонизировать, и, во-вторых, та задача, которую он себе поставил — изучать и изобразить одну определенную эпоху: но тогда „именно то, что составляет сущность ее развития, как раз и будет заключаться в том, что отличает ее от этого всеобщего и однородного“. Если бы Маркс, наоборот, ограничился одним только установлением особых, конкретных черт эпохи, рассматриваемой статически, то он дал бы только простое описание ее, как это делают руководители университетских семинариев, но законы развития общества все-таки ускользнули бы от его внимания. Маркс же стремится, напротив, во всех стадиях своего исследования рассматривать данную историческую формацию, как простое проявление всеобщего, на-ряду с предшествующими формациями и этими пу-

тем открывает закон развития. Вот что—чтобы иллюстрировать это на каком-нибудь примере —Маркс говорит о прибавочной стоимости: „Прибавочный труд становится всеобщим историческим явлением, как скоро производительность человеческой рабочей силы начинает превышать непосредственные потребности человека, но она принимает в феодальную эпоху иную форму, чем в капиталистическую—там—форму отработочной ренты и здесь—прибавочной стоимости“ („Капитал“, I, стр. 476).

В нашем исследовании мы не можем отказаться от общего обзора функций правовых институтов: каждая исторически обусловленная отдельная функция получает надлежащее место в совокупности исторических форм и только в связи с этой последней получает полное освещение; следовательно, историческая схема функций, во всяком случае, имеет ценность, как способ ориентации. Да и как иначе могла бы известная конкретная особенность быть изображена, как не путем приведения ее в связь с всеобщим. „Конкретное потому именно и конкретно, что оно является соединением множества частных определений, т.-е. единством разнообразного. Мышлению оно поэтому представляется как продукт синтеза, как результат“. Предпосылкой всякого общественного порядка является обобществленный человек, т.-е. человек на той ступени развития, когда, во-первых, в общественной группе уже развились язык, сознание и орудия труда (toolmaking animal!) и, во-вторых, сама группа уже стала сознательной общественностью.

Общество животных связано физиологическо-биологическим законом, законом природы. По мере того, как человек начинает сознавать связующий группу закон природы в такой форме, что группа сознательно осуществляет то, что она должна делать в силу закона природы, закон природы становится нормой коллективного поведения. Каким путем осознанные естественные законы сохранения вида превращаются в социальные нормы и, наконец, в положительный закон, каким способом общественные законы все более и более удаляются в отношении формы и действия от законов природы, как эти законы приобретают свое особое развитие и, наконец, принимают в связи с прогрессирующим разделением труда и общественной дифференциацией антагонистические формы,—изобразить все эти процессы не входит в задачу настоящих очерков. Здесь достаточно будет лишь отметить, что правовой порядок, как формулировка причинных зависимостей в сознательной, метастазированной форме, в телеологическом их изображении, в императивах, которые обращаются к индивидам от имени общественности и определяют их деятельность с такой же силой, как раньше

инстинкт и унаследованное предрасположение,—этот порядок образует общественный строй, формирует общественный порядок [1]).

Если сохранение вида является естественным законом каждого общества, то каждый хозяйственный процесс и, следовательно, каждый правовой институт является функцией сохранения вида; сохранение же вида есть не что иное, как производство и воспроизводство материальной жизни на все более (в смысле тенденции) расширенном основании, как оно формулировано Марксом—Энгельсом, т.-е. производство и воспроизводство как человеческих индивидов, так и условий их существования [2]).

Основные стадии этого процесса сохранения вида мы можем извлечь из современного хозяйственного строя. „Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее сложная историческая организация производства. Категории, являющиеся выражением свойственных ему отношений, понимание их взаимной зависимости обеспечивают в то же время понимание структуры и производственных отношений всех исчезнувших общественных форм“ („Neue Zeit“, стр. 776).

I. Рассмотрим процесс воспроизводства вида сначала статически, как простое производство, во временном сосуществовании на протяжении, примерно, одного поколения. Тогда он представится нам как нечто двойственное: как материальный процесс жизни, как он, скажем, совершается в каком-нибудь пчелином улье, и, во-вторых, так, как

---

[1]) Здесь мы не можем также и привести доказательства того, что этот правовой порядок есть не что иное, как субъективно осознанная форма причинных необходимостей, что право не только не может считаться и в отдаленной степени последней причиной, сопричиной или частичным условием социального развития, но не является даже следствием в смысле закона причинности, а только простой специфически-определенной формой материальных процессов, поскольку последние проявляются в качестве человечески-общественных.

[2]) „Капитал“, I, стр. 528. «Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он должен быть непрерывным или периодически снова и снова проходить одинаковые стадии. Так же мало, как данное общество может перестать потреблять, столь же мало оно может перестать производить. Рассматриваемый в этой связи, каждый общественный процесс производства есть в то же время процесс воспроизводства».—I, стр. 561: „В самых различных экономических общественных формах имеет место не только простое воспроизводство, но и, хотя и в различном масштабе, воспроизводство на расширенном основании“.—Энгельс, „Происхождение“, стр. VIII, 4-е изд.: „Согласно материалистическому пониманию истории, в истории определяющим в конечном счете моментом является производство и воспроизводство непосредственной жизни“.

он в то же время протекает в коллективном сознании, в форме волеотношений [1]).

а) На какой бы ступени развития ни находились взаимные отношения людей в обществе, всегда общество, как совокупная воля, должно подчинять себе индивидуальную волю, общество должно в той или иной форме иметь право [2]) распоряжения рабочей силой индивида. Всякое общество есть общество трудящихся и в качестве такового должно иметь свой порядок работы; этот последний юридически является подчинением индивидуальной воли общей воле [3]).

Но общая воля не обладает метафизическим существованием, она не приказывает как некий голос, вещающий с облаков, хотя люди и верили в это в течение трех столетий,—она является на свет, как вооруженная властью индивидуальная воля, подобно меновой ценности, воплощающейся в золоте. Там, где приказывает общая воля,—а она приказывает во всяком обществе,—там она приказывает через индивидов, как через органы ее власти. Не бывает общества без известного порядка власти [4]).

Поскольку общество не делает индивидов командующими и подчиненными, оно соподчиняет их—признает их рав-

[1]) Сравни с этим среди других мест также и следующее: „Это право отношение, развито ли оно легально или нет, есть волеотношение в котором отражается экономическое отношение. Содержание этих право и волеотношений дано экономическим отношением". („Капитал". I, стр. 50)

[2]) Прямо или косвенно,—посредством правового принуждения или косвенного давления путем других учреждений, как в капиталистическом обществе, при помощи лишения наемных рабочих собственности.

[3]) Только капиталистическое общество может дать некоторое основание для ложного представления о том, что в нем не существует никакого правопорядка работы, что труд есть дело свободной воли,—фабрикант знает это лучше, он прибивает к стенам своей фабрики правила внутреннего распорядка, видимые для всех, кроме буржуазных теоретиков права.

„Как создатель потребительных ценностей, как полезная работа, труд является независимым от всех общественных форм условием существования человека. („Капитал", I, стр. 9). В то же время единственной формой, в которой люди могут материально быть связанными с другими людьми, их единственным материальным отношением, как волеотношение является единственным формальным отношением.

[4]) Анархист не может мыслить свободу помимо устранения всякого порядка и, прежде всего, порядка власти. Свобода анархистов, которую нужно отличать от политической, есть отрицание самого общества: „Человеческое право свободы базируется не на соединении человека с человеком, а на разъединении людей. Это—право такого обособления, право обособленного, предоставленного самому себе индивида". („Nachlass", I, стр. 418).

ноправными. Но всякое соподчинение становится возможным только при посредстве правопорядка.

Вне общества, в фингированном внеобщественном состоянии[1]) не может быть и равенства, ибо последнее есть продукт общества и права.

Правовые институты, входящие в состав этих трех видов правопорядка: порядка труда, порядка власти и порядка соподчинения, обладают организаторской функцией, так как обусловливают включение отдельных индивидов в общественное целое[2]).

б) Организованное таким путем общество, совокупность сочлененных воль, простирает свои тысячи рук к природе. „Труд есть, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит, как сила природы" („Капитал", I, 140). Обобществленный человек вступает в связь с природой также в общественной форме, т.-е. общество, как целое, всегда распоряжается по своему усмотрению оккупированной им частью земли и отделенными от последней и ассимилированными человеком веществами. Ни под каким видом никакое сколько-нибудь упорядоченное общество не может отказаться от своего права распоряжения теми благами природы, которые необходимы для его самосохранения, но оно не может присвоить себе эти блага, не может обладать

---

1) Это состояние теоретики естественного права называют естественным состоянием, status naturalis, тогда как оно противоестественно.

2) Во всех видах правового порядка прямое подчинение единичной воли воле коллективной, т.-е. порядку труда и власти обнаруживается с полной ясностью. „Как бы ни оценивали те характерные маски, в которых люди противостоят здесь друг другу, общественные отношения отдельных лиц в процессе труда представляются во всяком случае как их собственные личные отношения и не замаскированы", как это имеет место в капиталистическом обществе, „в форму общественных отношений вещей". Буржуазное общество ухитрилось создать себе иллюзию, что труд есть частное дело, что оно не нуждается ни в каком правовом регулировании труда. Одной из заслуг Маркса—и она одна могла бы обеспечить Марксу бессмертие!—является то, что он доказал, что свобода собственности и рабочего договора, всеобщее соподчинение индивидуальных воль фактически может превратиться в подчинение воль и в принудительные работы каторжников. Дело-то в том, что по ту сторону правопорядка имеются еще „ультрафиолетовые" императивы, которые фабричный надсмотрщик кричит в ухо рабочему под гул машин—сфера права, куда буржуазное право не проникает. Как прозрачны были в сравнении с такими порядками „непосредственные отношения господства и подчинения докапиталистических эпох". („Капитал", I, стр. 46).

ими иначе, чем через посредство образующих его индивидов, которые утилизируют эти блага от его имени, как доверенные лица общества. Каков бы ни был общественный порядок, процесс производства может лишь постольку развиваться непрерывно и без помех, поскольку распоряжение оккупированными и ассимилированными благами подчинено известному регулированию. Каждая ступень хозяйства имеет свой порядок благ, как она имеет свой распорядок труда. Институты права, которые образуют этот порядок благ, подчиняют мир вещей власти отдельных воль (общественное целое существует только через посредство отдельных индивидов—они отдают вещи в обладание отдельных индивидов) таким образом, что эти последние распоряжаются вещами, имеют, владеют ими, детинируют их[1]. „Habere“, „detinere“— вот всеобщая и необходимая правовая форма всякого общественного строя, но она выступает в качестве частной собственности, как мы это дальше увидим, только на переломе двух великих эпох. Правовым институтам, которые закрепляют это распределение благ, этот порядок благ, мы приписываем детенторную функцию. Порядок труда и порядок благ, как способы регулирования права распоряжения рабочей силой и средствами производства, сообщают процессу сохранения вида его правовую определенность формы. В этом процессе различают обыкновенно три материальных стадии: производство, распределение и потребление, и в соответствии с этим правовые институты выполняют три различных функции: производственную, распределительную и потребительную. Каждый член общества должен иметь свою долю в годовой общественной продукции, как бы скудна ни была эта доля; и независимо от того, принимал ли он активное участие в производстве, или нет, он может получить эту долю, составляющую его потребительный фонд, только через посредство правовых институтов. Эту потребительную функцию выполняют в настоящее время, напр., институт узуфрукта (Niessbrauch), крестьянской родительской части, в новейшее время страхование рабочих и субсидиарно, когда оказываются бессильными все правовые институты, призрение бедных.—Распределение сейчас осуществляется в форме обращения товаров и, следовательно, в правовой форме emptio-venditio, в средние же века оно осуществлялось совершенно иначе, в таких правовых формах, как десятина. Производственную функцию выполняют сейчас на-ряду с многочисленными другими институтами, преимущественно право собственности и рабочий договор. Всем

---

[1]) Даже общественное имущество всегда находится в обладании индивидов, точно так же, как полковое знамя в руках знаменосца.

трем перечисленным функциям общей является форма детенции, все три суть не что иное, как элементы порядка благ, рассматриваемые отдельно друг от друга.

II. Если мы будем изучать процесс сохранения общества в его временной последовательности как процесс воспроизводства сменяющих друг друга поколений, то: а) формальная непрерывность производства требует, чтобы на место каждого облеченного властью и каждого трудящегося члена общества, которые выбывают из строя, вступил бы, заменил бы его, явился бы ему на смену новый. Каждая система права имеет свой порядок преемства, имеет свои институты, обладающие функцией преемства; б) но сохранение вида требует не только этого юридического продолжения, но и телесного размножения, взращивания, воспитания и образования подрастающего поколения. В этом заключался первый интерес общества, древнейшая область общественной деятельности. Через правовые институты, выполняющие функцию, связанную с ростом населения, человечество развилось из бродячей группы в общество.

Такова наша схема функций правовых институтов: она обнимает высшие и наиболее общие абстракции, которые столь же правомерны, как абстракции: производство, потребление и вообще общественный порядок. Само собой разумеется, что производство, распределение и потребление каждого конкретного общества совершаются в особой форме, т.-е. посредством особых хозяйственных учреждений, особых технических процессов и соответствующих правовых институтов. Но теперь только мы имеем возможность подыскать для этой особой формы и изменчивости вещей адэкватное выражение и обозначить ее, не прибегая к постоянным повторениям, особым кратким термином.

Правовой институт есть комплекс норм. Если этот последний остался неизменным при всех изменениях в области хозяйства, но функция его изменилась, расширилась или сузилась, или даже отпала, то мы имеем дело с изменением функции. Так, например, мы имеем основание полагать, что все правовые условия, которыми определялась деятельность весталок в Риме, оставались без изменения до прекращения ее, что в относившихся сюда нормах не произошло никаких перемен, хотя за то же время открытие зажигательных орудий сделало излишним экономическую функцию весталок. Поэтому мы можем сказать, что экономический переворот—а открытие было, несомненно, внеправовым актом—положил конец правовому институту.

И, наоборот, мы можем себе представить, что правовой институт сохраняет одну и ту же функцию, и, следовательно, не происходит никакой перемены в его материальном со-

держании, но в то же время изменяется состав норм института, т.-е. прибавились, отпали или заменились другими императивы, при чем материальное содержание приказов не подвергалось изменению. В таком представлении нет ничего немыслимого и антиисторического: так, напр., вексель сохранил все свои функции, хотя отпала связанная с ним раньше ответственность должника в форме ограничения его личной свободы. Совершенно так же институт смертной казни не изменился в своих функциях, хотя отпали некоторые квалифицированные его формы—четвертование, колесование и т. д.

Таким образом мы открываем двоякую возможность развития права: изменение норм и изменение функций. С этой точки зрения перед нами встают следующие проблемы: в какой форме совершаются эти изменения, каким образом они обусловливают друг друга и в чем выражается закономерность этого развития?

Как бы, далее, ни изменялись функции правовых институтов, ни одна функция не может на более или менее продолжительный срок оставаться невыполненной, не подрывая в корне существования самого общества. Каждая выпадающая функция существующего правового института должна быть заполнена другим институтом, правовой порядок не терпит „пустоты“. Ниже мы увидим, что правовые институты могут замещать друг друга в известных пределах [1]). Но обыкновенно для этого нужны новые институты. Откуда появляются эти последние? Каким образом они осуществляют эту замену?

Тот факт, что совокупность всех институтов данной эпохи должна выполнить все общие функции, что, таким образом, право образует некоторое расчлененное, определяемое потребностями общества, целое, я называю органическим характером правопорядка. С этой точки зрения каждый институт права, как часть такого правопорядка, находится ко всем остальным институтам в отношении сродства (Konnexität), и это сродство опирается не на состав входящих в него норм, а на его функцию.

Несмотря на этот органический характер целого правопорядка, несмотря на сродство всех отдельных институтов, история нам показывает непрестанное изменение последних, беспрерывную изменчивость норм и функций. В предлагаемом очерке мы изучаем одну из этих двух форм развития, именно, материальную, т.-е. изменение функций правовых институтов. При этом мы должны, прежде всего, получить ясную картину величины и значения превращений,

[1]) Например, вещное право пользования водой (servitus aquachaustus) может быть с успехом заменено обязанностью собственника терпеть пользование водой на его участке посторонними и т. п.

которые разыгрываются вне закона и его предписаний и ниже уровня коллективного сознания общества, чтобы таким путем составить себе наглядное представление о способах действия права, познать границы его могущества и увеличить остроту нашего зрения в деле решения проблемы изменения самих норм.

Независимо от этого, этим путем мы научаемся лучше понимать и правовой порядок нашего времени. Наблюдая способы действия нынешнего права собственности и стремясь понять смысл его прежних изменений, мы подготовляем почву для познания его будущего развития.

При этом мы в этом очерке стремимся держаться возможно ближе к Марксу. Всюду, где только позволяет место, я предпочитаю приводить его доподлинные слова, особенно слова „Капитала“, этой неисчерпаемой сокровищницы глубоких, открывающих широкие перспективы мыслей. Я ограничиваю рамки этого очерка гражданским правом и, в частности, институтом собственности, этим опорным пунктом нашего правопорядка [1]).

---

[1]) Я игнорирую те изменения в гражданском праве, которые последовали за большими кодификациями, изменения в области норм, так как они почти без исключения являются только разработкой существующего права собственности. Точно так же может быть оставлена в стороне административно- и финансово-правовая надстройка, ибо она относится не к собственности, как таковой, а к собственнику, как подданному государства, и влияет на способ функционирования собственности только в ничтожной степени, и в большинстве случаев только ex post, когда развитие уже бесповоротно совершилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Изменение функций собственности, исходный пункт и метод.

Старое «Erb' und Eigen».

1. Собственность.

Право собственности, dominium, есть полное правовое господство лица над телесной вещью. Оно есть субъективное право, т.-е. предоставленная правовым порядком известному субъекту права власть, оно есть абсолютное право, т.-е. обосновывающие его императивы обращаются ко всем без исключения лицам с требованием не нарушать его. Содержание права — власть распоряжаться вещью, эта власть есть полная: собственнику, как таковому, принадлежит власть распоряжаться [1]) вещью, как ему заблагорассудится: он может пользоваться вещью, использовать ее до конца, уничтожить, бросить на произвол судьбы и т. д.

Эта власть распоряжения вещью не есть, таким образом, простая сумма отдельных полномочий: полномочий пользования, потребления, уничтожения, но бесконечность всех возможностей распоряжения; любая форма употребления вещи представляет собой такое же осуществление права собственности, как и всякая другая. Если законодатель обязывает собственника или же последний обяжет сам себя договором воздержаться от известного способа осуществления своего права, то это ограничение поражает осуществление, а не право, не собственника, не собственность.

---

[1]) Ограничения его личной дееспособности (дитя, расточитель) или обязательства публичного характера (налоги и т. п.) не касаются права собственности ни юридически, ни в его экономических функциях.

По отношению к объекту собственность есть универсальный институт права, так как все телесные вещи, поскольку они юридически квалифицируются, как таковые, а не как вещи extra commercium, могут одинаково быть предметами собственности, не исключая земли. Совершенно так же универсально право собственности и в отношении субъекта: каждый может одинаковым образом обладать собственностью всех видов. Таков характеризующий этот институт состав норм.

Это юридическое понятие есть наиболее простое и наиболее законченное в свете понятие; в этой своей логической, абстрактной, необходимой простоте оно являлось в глазах той эпохи, которая создала его, вечной категорией всякого права, не поддающейся изменению ни в прошлом, ни в будущем. Право собственности имеет своего близнеца—право личной свободы: каждый индивид может, на-ряду со всеми остальными подчиненными норме, делать то, что он хочет. И поскольку не имеет смысла расчленять это право на отдельные полномочия,—право спать, итти гулять, креститься и т. д.,—столь же лишено смысла юридическое расчленение собственности на отдельные полномочия. Эти два института расчленяют человеческое общество на ряд отдельных, несвязанных друг с другом индивидов, а мир вещей на простой агломерат несвязанных между собой кусков природы: человека с человеком, человека с природой, вещь с вещью соединяют в одно целое уже не социальные установления, а другая закономерность, закон природы, который в то же время есть общественный закон, сверхчеловеческая власть, которая, тем не менее, в то же время остается под порогом сознания—иначе она была бы социальным установлением. Этот внутренне-противоречивый закон есть не что иное, как закон стоимости капиталистического способа производства.

Таков юридический состав норм собственности, и вот теперь возникает вопрос о ее социальной функции. Мы начинаем свое исследование с исходного пункта института, простого товарного производства[1]), со status'а nascendi бур-

---

[1]) Совершенно так же, „как ни одна великая эпоха хозяйственного развития и простое товарное производство никогда не господствовало в полной чистоте, но всегда в смешении с другими хозяйственными формами, с натуральным хозяйством, с феодальным хозяйством, цеховым монопольным хозяйством“ (*Каутский*, „Аграрный вопрос“, стр. 60). То обстоятельство, что ни одна хозяйственная форма не была исторически развита в полной чистоте, не избавляет нас все-таки от обязанности исследовать каждую в ее специфических особенностях.

жуазного общества. Ибо в истории человеческих учреждений всегда имеется такой пункт, где правовая форма является адэкватным выражением хозяйственного установления, где надстройка покрывает целиком свой субстрат. Конечно, только в смысле типа, а не в каждом отдельном случае, ибо право, как общая норма, может всегда определять и принимать во внимание лишь типичное [1]). Вот этот-то период я и хочу наглядно изобразить.

В период расцвета ремесленного производства, город состоит обыкновенно из односемейных домов. Вся поэзия „дома" ведет свое происхождение от той эпохи, она воплотилась в бессмертном гимне Шиллера, в „Песне о колоколе". Дом обозначает не только семейство, он обозначает также занятие (торговый дом, Geschäftshaus), самое имущество. „Дом" обозначает не только здание, но как pars pro toto—производство и людей. В эту эпоху „собственность" является не только простой логической формой права, но собственностью определенного человека, его наследственной собственностью: двор и дом со всеми принадлежностями, т.-е. совершенно определенный комплекс вещей в целом, составляет его наследственную собственность; современный же юрист находит здесь лишь простую сумму объектов права собственности.

Эта „собственность" одного лица представляет собой для собственника и его домашних место производства: мастерскую и материальный склад, прядильню и швальню, огород и прочие пашни, обыкновенно также участок городского леса. Она представляет собой также место для товарного оборота—лавку; а так как ремесло является производством на заказчика, то одним актом совершается и купля, и продажа, реализация стоимости и прибавочной стоимости, совершается все распределение; эта собственность представляет собой одновременно и место и организацию потребления, т.-е. квартиру, собственную кухню, кладовую и погреб [2]).

Другими словами, все вещные предпосылки производственного и воспроизводственного процессов в целом, все почти материальные их части фактически составляют еди-

---

[1]) Почти все правовые институты, в которых, как мы увидим, реализуются капиталистические функции собственности, были созданы уже в прежние эпохи, их существование в те эпохи не осталось для меня тайной. Однако они представляют ничтожные исключения из правила, они были ненормальными проявлениями собственности, в настоящее же время это—нормальные формы. Точно так же в настоящее время имеются налицо почти все правовые формы, которые могут найти применение в социалистическом обществе; однако роль их пока незначительна.

[2]) Как об этом мы читаем в книге Fereytag'a „Soll und Haben".

ный универсальный органический мир вещей; этот мир получает свою индивидуальность через посредство индивидуальности собственника: напр., „Дом Шрёдер“.

Само собой разумеется, что этому субстрату соответствует правовой институт, который может охватывать собой целый ряд объектов.

Собственник „rei suae legem dicit“, он — законодатель для этого мира вещей, так как, во-первых, рядом с ним находятся только собственники одинакового свойства—правовой институт может и должен быть и субъективно универсальным,—а, во-вторых, его малый мир вещей почти не влияет на такой же мир соседа. Его господство над этим малым миром совершенно неограничено уже по одному тому, что его сосед не имеет интереса вмешиваться и сам не намерен терпеть вмешательства [1]).

Абсолютность и неограниченность правового института, его субъективная и объективная универсальность являются, таким образом, адэкватным выражением действительного распределения благ. Блага слиты в микрокосмы, собственники же расположены рядом, без органической связи между собой. Таковым представляется нам—в смысле типа—субстрат права.

Этот микрокосм благ, этот факт сам по себе обеспечивал возможность выполнения собственностью производственных функций. Правда, он не возникает самопроизвольно. Всегда великий мир благ имел также свои неразрывные связи, которые приходилось рассекать. Водные стоки, уровень почвы, далее необходимость дорог, в городе — простой факт соседства, тот факт, что когда все поделено, все же граница остается общей,—все эти обстоятельства доказывают, что природа является таким же коллективным целым, как и общество. Однако правовые институты, которые являются продуктом всех этих обстоятельств: сервитуты, право соседства, дорожное право и т. д. далеко не являются формами, разлагающими собственность; напротив, они являются ее условием, связанными с ней институтами [2]), обеспечивающими собственности и возможность выполнения ею ее производственных функций.

Еще более беспрепятственно осуществлялась распределительная функция собственности. Так как при производстве на заказчика товар поступал непосредственно в распоряжение потребителю, то это обеспечивало производителю [3]) реализацию всей стоимости в его пользу, поступление к нему необ-

---

[1]) Это вмешательство происходит лишь вне дома, безлично, в объективной форме, когда малый мир высылает свои блуждающие споры (Schwärmsporen)—отдельный товар: однако и здесь прежде всего происходит регулирование путем обычая и цеховых правил

[2]) Ср. *Жорес* „Из теории и практики“.

[3]) Если пока оставить в стороне труд подмастерьев.

ходимой и прибавочной стоимости, прибавочная стоимость шла в карман трудящегося, не было такого, выкачанного из производителя прибавочного продукта, на счет которого могла бы существовать „публичная власть". Отсюда явилась необходимость обложения собственников или наложения на товарные цены денежной надбавки: прямые и косвенные налоги являются, следовательно, необходимыми публичными институтами, связанными с товарным производством.—Феодальное общество снабжало свои публичные органы непосредственно прибавочным трудом и прибавочным продуктом.

Собственность выполняла также соответствующую функцию размножения: она автоматически приводила размножение в соответствие с запасом благ, воспроизводство рода с воспроизводством вещей, с количеством средств питания. К тому же собственность включала в себя детскую комнату и детский сад и давала подрастающему поколению первые уроки труда. Она регулировала, наконец, также непроизводительное потребление, отведя старым и больным особый угол — Ausnahmsstübchen.

Порядок труда, однако, не определялся собственностью. Содержание подмастерьев и учеников, процесс труда регулировался публичным правом, а в первую эпоху „личной свободой"—по меньшей мере обычаем, „пошлиной". Помощник и ученик жили еще в домашнем сообществе мастера.

Сходную картину представлял собою крестьянский двор в деревне. Здесь дом и двор являлись той типичной формой, к которой сознательно или бессознательно приноровлен был правовой институт. Для каждой страны момент этого приспособления другой, однако исторически он может быть установлен. Это приспособление мы здесь констатируем, не ставя вопроса о том, как оно создалось, определялось ли хозяйство правом, или, наоборот, что̀ было причиной и что̀ следствием. Мы принимаем норму и субстрат ее просто, как рядом существующее, как фактическую исходную точку.

В качестве конечного пункта исследования послужит наше время.

Прежде всего—кардинальный факт: право собственности осталось без изменения — toto coelo. Нормы Code civil, прусского земского права, австрийского гражданского свода законов и т. д. действительны еще теперь, собственность в новом германском гражданском своде законов определяется, пожалуй, еще строже, чем в названных кодификациях: изменения норм нет[1]).

[1]) В крайнем случае наблюдается новая разработка норм.

На самом же деле изменилось столь многое, что **поражаешься**, когда об этом подумаешь [1]).

Односемейный дом, как и весь охватывающий его микрокосм, **буквально** разбит в куски.

Мы уже не имеем более дома, мы имеем квартиру— понятие крова сводится к определенному номеру дома и квартиры: в качестве обитателей мы благополучно экспроприированы.

Что же теперь заступает место односемейного дома? Первая часть его — мастерская, оторвана и носится по волнам; она помещается, в лучшем случае, в подвале, тогда как квартира находится в верхних этажах. Обыкновенно мастерские сконцентрированы в фабрику. Так же склад материалов, прядильня и швальня. Домашние огороды концентрированы за чертой города и превратились в промышленные огороды, так же „приусадебная пашня", прилегающий к дому лес; лавки соединяются в товарные магазины, жилые помещения—в доходные дома, кладовые—в гастрономические магазины, погреба и отчасти и кухни — в рестораны: малый мир разбит на атомы, которые вновь сгруппировались.

Но пойдем дальше: детские комнаты сконцентрировались в публичных заведениях—детских садах, детских приютах, школах, пансионах; комнатки для стариков соединяются в богадельни, кровати больных—в лечебницы, подмастерья и ученик живут вне домашнего сообщества. Даже тещи выброшены без сожаления из квартиры.

Что, таким образом, прежде всего, бросается в глаза, так это—переворот в объектах собственности. Вещный микрокосм разложен, его membra disjecta следуют новому закону группировки, который не заключается уже в индивидуальности субъекта права. Органическая связь вещного мира (см. выше) должна, однако, и теперь выявиться, она должна проявить себя в новом законе группировки, который будет нами формулирован в дальнейшем (ниже III, 4). Однако этот вещный сдвиг не был возможен без фактической смены субъектов. „Собственность" („Eigen") и „наследственная собственность" („Erb' und Eigen)" простого товарного производства должна была, при своем вещном разложении, отделяться так же частями от личности собственника. Эта смена субъектов является со стороны собственника юридическим отчуждением, со стороны приобретателя—присвоением. Она не вынуждена законом, а является фактической экспроприацией и аппроприацией. Маркс употребляет термин экспроприация только в этом смысле фактической, а не законом обусловленной смены субъектов в праве собственности, так же, как и в других родственных правовых

---

[1]) „Двор" изменился в меньшей степени, нежели „дом".

институтах; только в этом смысле Маркс и должен быть понят.

И эта экспроприация захватывает все возрастающее количество людей, как мы все знаем по собственным наблюдениям. Здесь имеется длинная серия несомненных экспроприаций. Значение этого несомненного факта не умаляется от того, что, как это само собой разумеется, — экспроприированные части бывшего микрокосма должны аппроприироваться кем-либо другим; значение этого факта неопровержимо даже тогда, когда каждый из экспроприируемых имел бы после экспроприации по стоимости столько же, что и прежде! По меньшей мере эта серия экспроприаций доказывает, что во всей нашей жизни произошел колоссальный переворот.

Не имеем ли мы здесь повода спросить: „В силу какого закона или какого ряда законов произошел этот переворот?" — подобно тому наивному человеку, который цитируется Карлом Марксом. („Капитал", I, стр. 635 [изд. Поповой]).

Ответ таков: вовсе не законодательный акт с сотнями параграфов стер в порошок тот микрокосм; состав норм в части решающей остался абсолютно тем же, изменений в нормах нет — и, все-таки, какой колосальный переворот!

Посмотрим, что — предполагая равную стоимость того, что приобретается вместо экспроприированной части — находится в конце процесса в руках собственника; мы знаем, что у подавляющего большинства людей не остается почти ничего, однако, мы здесь это оставляем в стороне.

Экпроприированный приобретатель получает, быть может, доходный дом, фабрику, товарный склад и т. д., в каждом случае физическую вещь (простую или совокупную вещь), обладающую совершенно единичной частичной функцией, на-ряду с этим деньги; правда, это — вещь с универсальной функцией, — далее, некоторое предметы потребления и т. д. Современная собственность лица, современное имущество — совершенно другого рода, чем прежняя „наследственная собственность". Это — не малый мир вещей, который получает свою индивидуализацию путем целевого отношения к собственнику. Вместо „Дома Шредер" появляется обозначение: машиностроительный завод и т. д. Обыкновенно современное имущество представляет собой бессвязный аггрегат вещей, из которых только потребительные блага имеют отношение к их собственнику. Остальные сгруппированы и индивидуализированы по своим технически-экономическим функциям: доходный дом, фабрика, товарный склад и так далее.

Карл Маркс показал во всех подробностях, какие естественно-общественные законы (но отнюдь не правовые нормы!) вызвали эту эволюцию. Он исходит — так же, как и

мы по его примеру—из простого товарного производства и доказывает, что, прежде всего, при нем все товары должны выменяваться по своей стоимости, т.-е. по затраченному на них среднему общественно-необходимому рабочему времени, что, далее, цена и стоимость обыкновенно совпадают. На этой хозяйственной ступени сливаются земля, сырье, своя и чужая рабочая сила приблизительно в равных отношениях, так что все условия производства неразличимы, стоимость и прибавочная стоимость, земельная рента, прибыль, короче говоря, все экономические категории сводятся к труду и трудовому доходу. На этой ступени бросается также в глаза тот факт, что лишь труд образует стоимость, создает стоимости.

Истинный творческий акт мышления начинается у Маркса лишь там, где он доказывает необходимость перехода простого товарного производства в капиталистический способ производства и где он анализирует этот последний. Этот анализ представляет в то же время выдающуюся ценность для историка права. Он раскрыл ему ту истину, что изменения социальной функции нормы должны в результате совершить в ней переворот, что право определяется экономическими отношениями.

Итак, развитие правового института—и это нужно подчеркнуть—пока происходило на его двух полюсах: субъект права и объект права. Содержание субъективного права, полная юридическая власть личности над юридической вещью, не подвергалось процессу изменения,—а только оно одно означало бы изменение в самих нормах [1]).

Все изменение свелось, с одной стороны, к экспроприации субъекта, собственника, к аппроприации со стороны „имущего“, с другой стороны, к расчленению объекта, „наследственной собственности“, на его элементы и новой их группировке в виде современной собственности. Маркс дал научный анализ этого всемирно-исторического процесса. Нам остается лишь следовать его анализу.

2. Право личной свободы.

Институт собственности относится индифферентно к субъекту и объекту. Он исполняет de jure лишь детенторную функ-

---

[1]) Изменения в нормах были бы возможны и на обоих полюсах: ограничение правоспособности и отнесение большего числа вещей к res extra commercium. На самом деле не произошло ни того, ни другого. Превращение частной собственности в государственную собственность, объявление монополии на некоторые вещные блага не представляют собой изменения юридического содержания института собственности. Публичная собственность, как известно, регулируется нормами частного права.

цию: кто бы ни имел какое-либо благо, всегда право защищает его владение, его распорядительную власть над объекттом. Частный правопорядок довольствуется сознанием, что материальное богатство находится в крепких руках; ему безразлично, как его употребят эти руки и что это за руки. Всякий способен иметь собственность, даже дитя, даже nasciturus (еще не рожденный), и каждый собственник имеет общее полномочие. Его не интересует, к чему прилагаются трудовые силы общества: он не знает планомерного регулирования труда, не знает обязательности трудиться—наш правопорядок по своей юридической внешности столь же пригоден был бы для елисейских полей, для „зефирно-легкой" жизни без труда и обязанности—и эта иллюзия, естественно, вдохновляла творцов его—деятелей буржуазной революции, — и в глазах их она выростала до сверхчеловеческой мудрости.

Таким образом, буржуазное общество de jure не имеет особого распорядка благ и труда, в то время как все средневековое право представляет собой сознательное общественное регулирование сферы благ и рабочих сил. Общество, как с о з н а т е л ь н а я организация человечества, как ю р и д и ч е с к о е с у щ е с т в о отрекается здесь от своего сознания, ослепляет себя, чтобы не видеть, как распределены блага, затыкает свои уши, чтобы не слышать воплей рабочих; как юридическое существо, как коллективная воля, оно совершенно пасует перед индивидуальной волей [1]).

Хотя общество и притворяется мертвым, однако, оно живет, а так как оно молчит, то кричат камни, бездушные вещи. Человек производит и воспроизводит себя все еще в о б щ е с т в е н н о й форме, но общественность устанавливается под порогом его сознания, как распорядок благ и труда, который не является общественным уставом, а законом природы, но законом природы, и в то же время социальным законом, порядком, который исполнен противоречий, и в этом его характере фетишизма никем не был постигнут, кроме Карла Маркса. Несознательное, так называемое, гражданское общество—в отличие от политического, государственного общества — возвышается, как тупая сила природы над индивидуумами, как призрачно-нечеловеческое существо, которое не обращается к своим членам с прямыми императивами, не приказывает, не грозит и не наказывает в юридической форме, а которое хочет, чтобы его постигли спекулятивным путем, и которое

---

[1]) Насколько современное право уже собирается приступить к прямому регулированию труда и распределению благ, нас пока не интересует. Картина капиталистического развития в его восходящей линии лишь в незначительной мере изменится, если мы оставим в стороне эти незначительные случаи государственного вмешательства.

уничтожает того, кто его не понял, которое достигает своих целей через посредство вещей, которое подчиняет людей вещам.

Однако мы видели, что простое товарное производство представляло собой органическую систему права и хозяйства; откуда же берется повод к изменениям? Та эпоха имела стародавний публичный трудовой порядок, который функционировал сносно; она имела различного рода соответствующие правовые институты, прежде всего, для неимущих (церковное имущество и т. д.). Целые легионы бедняков, нищих, бродяг и монахов, бывших сами продуктом разложения прежних общественных формаций, жили частями прибавочного продукта работающих собственников. В настоящее время трудно составить себе представление о бесчисленном множестве бедняков тех времен. Они поглощали без труда большую часть общественного прибавочного продукта и социальным вопросом того времени являлось не то: „что станет с рабочими?", а: „как включить бродягу в общественный процесс труда, как сделать из нищего—рабочего?" Процесс „первоначального накопления" разрешит проблему, подробности которой нас здесь не интересуют. Вместо публичной трудовой конституции выступил на первый план частноправовой институт, который до тех пор имел лишь вспомогательный характер и который вскоре, без всякого расширения сферы действия закона и установления нового, просто практически сделался нормальным институтом: это было locatio—conductio operarum, частноправовой договор личного найма. Для того, чтобы создать ему место и устранить все пределы для его развития, товаропроизводители разрушили обычный трудовой порядок [1]) революционным путем и поставили на его место отрицание всякого сознательного общественного регулирования труда,—право личной свободы. Этот институт можно было бы не в смысле юридическом, а в смысле его функций правильно назвать правом собственности личности на свою рабочую силу. Это право для имущих классов представляет, однако, как мы увидим, нечто гораздо большее и совершенно другое, нежели самоопределение работающего индивидуума. Сперва, правда, завоевание личной свободы касалось всего общества, оно было универсальным. И как раз с этой свободой у ее энтузиастов соединялась надежда, что она сделает всех работающих собственниками. Однако, абсолютный отвлеченный принцип свободы, так же, как и всякий отвлеченный

---

[1]) „Средневековый цеховой строй, ограничивая незначительным maximum'ом число рабочих, которых дозволялось занимать одному хозяину, стремился насильственно воспрепятствовать превращению мастера-ремесленника в капиталиста". („Капитал", I, стр. 242, издание Поповой).

принцип, сам по себе пуст и является одной лишь правовой формой. Как он должен был заполниться социальной материей, это решали не красивые мечты его передовых бойцов и кодификаторов, а факты внеправового характера. Социальные функции этого родственного собственности института, его экономическое значение для неимущей части общества Маркс изображает следующим образом:

„Рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь постольку, поскольку владелец ее, рабочей силой которого она является, сам предлагает на рынке или продает ее. Для того, чтобы владелец ее мог продавать ее в качестве товара, нужно, чтобы он мог ею располагать, чтобы он был, следовательно, свободным собственником своей рабочей силы, своей личности... Второе существенное условие... таково: владелец рабочей силы вместо того, чтобы иметь возможность продавать товары, в которых воплотился его труд, вынужден предлагать в качестве товара свою рабочую силу, которая существует лишь вместе с его живой плотью и в ней...

...Для превращения денег в капитал владелец денег должен, таким образом, найти на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: с одной стороны, рабочий, являясь свободным человеком, должен располагать своей рабочей силой как своим собственным товаром, с другой стороны—у него не должно быть других товаров для продажи, он должен быть свободным от всего, свободным от всяких предметов, необходимых для осуществления его рабочей силы („Капитал“, I, стр. 117, сл. изд. Поповой).

Этим родственным собственности институтом закончилось простое товарное производство, в нем оно достигло высшей точки своего развития; достигнув ее, оно превратилось в капиталистический способ производства, при чем право, это активное сознание общества, осталось без изменения. Следовательно, движущая сила развития с момента завершения товарного производства заключалась только в нем самом. Если хозяйство и право были взаимно адэкватны, если право было приспособлено к этому хозяйству, имея своим назначением закрепить его в этой конкретной форме, то всякое дальнейшее развитие, которое не изменяло самого права, должно было отделить хозяйство от права. И с этого именно момента развитие этого процесса и получает для нас интерес.

3. Социально-характеристичная маска личности и экономическая форма вещи.

Между отдельными людьми теперь уже не существует другой связи, кроме „do, ut des“ — „даю — беру“, и „do, ut facias“:

я плачу, чтобы ты за это работал. Ценности и рабочие силы не распределяются центральной волей по социальным функциям общества; они подчиняются процессу обращения. Подобно тому, как в кругообращении воды одна и та же часть естественной материи постоянно меняет свою физическую форму (аггрегатное состояние) и свою геологическую форму (источник, ручей, река, море, облако, глетчер и т. д.), точно так же каждая часть оккупированной и ассимилированной естественной материи имеет особую техническую и социальную функцию в каждой стадии циркуляционного процесса. И то же самое по отношению к человеку: как артисты выступают то в одной, то в другой роли, так и отдельные личности получают свое специальное амплуа в общей жизненной драме вида; они имеют свои „экономические характеристичные маски", и каждая из них соответствует отдельному сценическому „явлению", в котором они участвуют [1]; этой экономической характеристичной маской определяется социальная функция индивидуума в общем процессе общественной жизни.

Марксова экономика врезывается таким образом в самую сердцевину процесса вещей и рассматривает его с его наиболее существенной, наиболее жизненной стороны, как жизненный процесс человеческого вида. Теория предельной полезности рассматривает социальные феномены, исходя из психики изолированного индивидуума, т.-е. из экономической перспективы лягушки. Маркс, прежде всего, видит общество в целом и совокупность его богатств, громадное скопление товаров, массы людей и взаимодействие людей и вещей; прежде всего, он их рассматривает статически, т.-е. в данное время, напр., в производственном году, а затем динамически, в последовательной смене производственных годов, поколений. При этом массы товаров, как оказывается, находятся в процессе постоянного перемещения, а люди — в процессе постоянного движения. В этом процессе

[1]) Само собой разумеется, что личность не исчерпывается одной лишь своей экономической ролью; так, например: человек, играющий в хозяйственной драме характерную роль „ростовщика", может быть в частной жизни любителем искусства и даже филантропом и быть членом этического общества. Всякий серьезный психолог поставит вопрос так: какими способами экономическая возможность и необходимость ростовщичества приспособляет для этой роли человеческую душу, каковы, далее, характерные признаки этой ростовщической души. Маркс во многих местах дает, ссылаясь часто на таких писателей, как Бальзак и др., остроумный анализ экономических характеров: общая психология человеческого „вида", само собою разумеется, является предпосылкой экономики; Маркс не останавливается на таких трюизмах, но важно то, что экономика, и совершенно определенная экономика, является предпосылкой обычая кровной мести, вассальной верности, психологии ростовщиков и капиталистов, психологии рабочих!

индивидуальное потребление продуктов труда, например, является лишь промежуточной стадией, и эти продукты этим самым не выпадают из процесса; они вновь появляются в жизни вида в качестве воспроизведенной рабочей силы. Индивидуальное потребление является воспроизводством человечества. Насколько верно то, что человечество существует в действительности и существует в своей общественной форме, настолько не подлежит сомнению, *что этот процесс производства и воспроизводства, взятый в целом, совпадает с экономической проблемой вообще*. И так же несомненно, что вся так называемая индивидуалистическая и индивидуально-психологическая экономия способна разрешать всякого рода психологические, философские и т. д., и т. д. проблемы, но совершенно не может даже подойти к *экономической* проблеме[1]).

В этом целом процессе *каждая стадия* (производство. обмен, потребление) и каждый *элемент* (товар: вещь и рабочая сила) в *каждой отдельной стадии* исполняют точно определенную роль, обусловленную каузальной зависимостью от общества в целом; форма (форма ценности, форма эквивалентности, форма капитала и т. д.) является у Маркса не чем иным, как определенным, мысленно фиксированным элементом процесса в известной его стадии, и та роль, которую этот элемент играет в этом процессе, и является его функцией.

Так, например, денежная форма: „*ее специфическая общественная функция*, а, следовательно, и ее общественная монополия, — это играть роль всеобщего эквивалента в рамках товарного мира“.—То же можно найти

[1]) О субъективных теориях, о психологической школе следует заметить следующее: противопоставление субъективного и объективного метода вообще неправильно. Никто из экономистов, кроме Маркса, не обрисовал так тонко психологию деятелей производства, никто кроме него не анализировал так остроумно и так тщательно в каждой стадии производства хозяйственную мотивацию индивидуальных воль. Общие места так называемого общего учения о мотивах Маркс предполагает уже известными и развивает специальное учение о мотивах индивидуумов в их специальной функции в качестве „экономических типов“. Он проводит *единство* субъективного и объективного методов, вполне отчетливое соединение внешнего и внутреннего процессов. И даже более —его учение показывает, что каждый единичный, одновременно субъективный и объективный процесс определяется существованием общества, общественной зависимостью людей и вещей. Его метод, в отличие от Менгеровского—не индивидуально, а *социально-психологический*, но отнюдь не исключительно психологический.

в бесчисленных местах „Капитала“ относительно других элементов производства [1]).

Можно так охарактеризовать точку зрения Маркса: она определяет для каждого элемента производства (для рабочей силы и силы природы, для человека и вещи, для субъекта и объекта собственности в их самых отдаленных производных формах и комбинациях, во всех стадиях процесса сохранения вида) его социальную функцию, его значение для жизни человеческого вида.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Превращение мелкой частной собственности в капиталистическую собственность и связанные с последней правовые институты.

1. Собственность и договор рабочего найма.

Объектом собственности, говоря вообще, является оккупированная часть природы, телесная вещь. В своей естественной форме объект собственности играет служебно-техническую роль по отношению к человеку, служит для него, прежде всего, средством труда, поскольку он сам по себе не созрел для потребления, и вступает в такой форме в процесс производства.

Субъект собственности выступает в характерной маске владельца вещи. Этот владелец вещи является в простом товарном производстве одновременно производителем и пользователем своего собственного труда. Он объединяет в своем лице все экономические характеры, которые в дальнейшем отделяются друг от друга. Через правовой порядок, который объявляет его „независимым“ от других индивидов, он приобретает свойство юридической личности [2]).

Рядом с личностью, которая одновременно является владельцем вещи, стоит личность, которая так же свободна, но ничего не имеет. Она раньше носила характеристическую маску „нищего“, получила затем юридическую фигуру „бедняка“ и быстро превращается в „рабочего“.

---

[1]) „Капитал“, I, стр. 44: „Различные работы являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции—семьи, которая имеет свое собственное естественно развившееся разделение труда“. Мы увидим из дальнейших цитат, что Маркс всюду сохраняет эту терминологию.

[2]) Человек не является сам по себе личностью: только право делает его личностью. Раб не есть личность, хотя он и является человеком.

Испанские нищие средневековья составляли рыцарское сословие, они носили берет, шпагу и гитару, они жили от добавочного продукта собственников в силу юридического титула, дарованного им евангелием: работа после изгнания из рая есть проклятие собственности, отсутствие же собственности дает, действительно, божественное право на безделье. Характеристическая маска нищего, как видно, была приятна и почетна,—она и до сего времени сохранилась как привилегия в лице почтенной фигуры нищенствующего монаха. Однако мирянин-нищий теперь отжил свое время: бедняк должен работать, бедняк и рабочий считались синонимами еще во времена Адама Смита. Он поступает в мастерскую цехового мастера,—он добывает ценность, потребительную ценность. „Капиталистическое производство... в действительности начинается только тогда, когда один и тот же капитал занимает одновременно более или менее крупное число рабочих... Мастерская цехового мастера просто расширена“ („Капитал“, I. стр. 285). В мастерскую собирается большее количество рабочих сил. Тем самым прежняя, чисто-владельческая собственность получает тотчас новые функции.

Подмастерье и ученик жили в домашнем сообществе мастера. Публично-правовое отношение власти, которое было конструировано по образцу германской patria potestas и служило целям воспитания, развития и усовершенствования, т.-е. исполняло функции размножения, отменяются чисто фактическим путем. Его место заступает частно-правовой договор do, ut facias. Старый трудовой порядок распадается, нового нет.

Но объект собственности, который теперь превращается в капитал, который приобретает функции капитала, берет на себя задачу воспитания собственника и не-собственника.

„Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала была необходима для того, чтобы число одновременно эксплоатируемых рабочих, а, следовательно, и масса произведенной ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплоататора от ручного труда, т.-е. для превращения мастерка в капиталиста, и для того, чтобы формально создать экономическое отношение... Точно так же и господство капитала над трудом первоначально являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста, и, следовательно, под его надзором“ (ibid., стр. 294 [изд. Поповой, стр 262]).

С развитием кооперации многих наемных рабочих господство капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства становится теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле

сражения.—Эта функция управления, надзора и согласования отдельных действий становится функцией капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. В качестве специфической функции капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности (ibid., стр. 294 сл. [изд. Поповой, 262 сл.]).

Каков характер этого командования? Оно зиждется на договорных началах. Но отношение феодала к вассалу тоже ведь основывалось на договорных началах, и все же оно имело публичный характер. В этом господстве и подчинении, несомненно, заключается отношение власти, которое, несмотря на свою договорную форму, остается господством. Является ли оно все еще отражением отческой власти—mundium'ом? Создано ли оно в пользу господина или подчиненного, является ли оно господством с целью покровительства, или для извлечения выгоды? Прежде всего, побудительной причиной для собственника является желание наибольшего использования капитала, а, значит, наивозможно большей эксплоатации. „Управление капиталиста есть не только особая функция, вытекающая из природы общественного процесса труда и входящая в состав этого последнего; она есть в то же время функция эксплоатации этого общественного процесса труда и, как таковая, обусловлена неизбежным антагонизмом между эксплоататором и объектом его эксплоатации.—Кооперация наемных рабочих есть лишь простой результат деятельности капитала, эксплоатирующего этих рабочих одновременно. Связь их функций и их единство, как производительного тела, лежит вне самих рабочих, в капитале, который их сводит воедино и держит вместе. Поэтому связь их индивидуальных работ противостоит им идеально, как план, практически, как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своей цели". Субъект собственности, как таковой, юридически связан только с вещью, он повелевает только вещью: приказывая юридически собственной вещи, он фактически повелевает людьми, наемными рабочими. Индивидуальный собственник ставит другим индивидам цели, подчиняет их себе и наблюдает за выполнением своих приказов; первое он делает всегда, последнее, по меньшей мере, вначале.

„Как капиталист, прежде всего, избавляется от ручного труда, так теперь он и эту функцию непосредственного и непрерывного надзора... уступает наемным рабочим особой категории... надсмотрщикам... Работа надзора закрепляется, как их исключительная функция" (ibid., стр. 295).

К праву собственности, таким образом, как мы видим, прирастает новая социальная функция. К праву абсолютного господства личности над физической вещью прибавляется,

без всякого изменения норм, за порогом коллективного сознания, „фактическое право“, право, не являющееся законодательной нормой, повелевающая власть, сила, издающая приказы, обязательные приказы. Но что является движущим мотивом этой власти? Капитал стремится и должен стремиться к самовозрастанию.

Команда капитала является общественной необходимостью; но одновременно она есть источник прибыли для собственника, а потому она не есть власть покровителя, а власть эксплоататора и выгодоприобретателя.

Ей соответствует подчинение рабочих, которое одновременно создает их взаимное соподчинение. Происходит ли это соподчинение также на договорных началах? Что создает пассивное сообщество рабочих? Что вызывает связь их функций и их единство в качестве производственного целого? Кооперация частичных рабочих является без сомнения принудительным союзом по всем правилам юридической науки: что его индивидуализирует? Это—„капитал, который их сводит воедино и держит вместе“.

„План“, план работ есть такая же отвлеченная, идеальная норма принудительного союза, как закон для гражданина; стоящий же позади нее капиталист, это—наиконкретнейший „авторитет“, это—„власть чужой воли“.—А чтобы сделать это господство и подчинение органическим, функция верховного надзора вверяется капиталистом особому органу—надсмотрщикам.

Институт собственности порождает, таким образом, особое образование, родственное государству. Из власти над вещью рождается личная власть: „Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием,—наоборот, он становится руководителем промышленности именно потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому, как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и на суде была атрибутом земельной собственности“ (ibid, стр. 297).

Как мы видим, уже в наиболее раннюю эпоху капитализма, в кооперации, вместо старого микрокосма появляется другой, новый; его принципом индивидуализации является капитал, т.-е. техническая совокупность орудий труда, стало-быть, объектов собственности. В этом новообразовании вещь и человек шаг за шагом меняют свои формы, но без участия нормы.

Кооперация становится первоначальной мануфактурой путем дифференциации работы, что обратно влияет на результат работы. „Из индивидуального продукта самостоятельного ремесленника, выполняющего многие операции, товар превращается в общественный продукт союза ремеслен-

ников, из которых каждый выполняет непрерывно одну и ту же частичную операцию" (ibid., стр. 302). „Индивидуальная", „частная" собственность получает функцию образования „ремесленных обществ" без участия воли самих ремесленников, без разрешения общественной власти; она ограничивает их свободу личности; их исторически-традиционное ремесленное искусство ограничивается исполнением „непрерывно одной и той же частичной операции". Она ликвидирует освященный столетиями порядок труда: с одной стороны, она комбинирует изолированные ранее ремесла, отчасти же она разлагает ремесла, бывшие раньше едиными, на их частичные операции:

„Ее конечная форма всегда одна и та же; это—производственный механизм, органами которого являются люди... Каждый отдельный рабочий приурочивается исключительно к одной частичной функции, и его рабочая сила превращается в пожизненный орган этой функции" (ibid., стр. 302 до 303).

Собственность все расширяет круг своего действия в качестве капитала, суживая универсальную сферу правовой свободы личности и приспособляя каждого индивида к одной строго дифференцированной социальной функции: по мере того, как объект собственности превращается в имущественный микро- или макрокосм, он концентрирует рабочие силы и одновременно дифференцирует их, он прикрепляет к каждой своей составной части особые рабочие силы—в качестве своих пожизненных органов. Но далее: „Мануфактура действительно создает виртуозных частичных рабочих, воспроизводя внутри мастерской и систематически развивая до самых крайних пределов то естественное разделение труда, которое она находит в обществе. С другой стороны, совершаемое ею превращение частичной работы в жизненное призвание одного человека соответствует стремлению прежних общественных формаций сделать ремесло наследственным, окостенить его в виде каст... Касты и цехи—порождение того же самого закона природы, который регулирует, напр., дифференциацию растений и животных на виды и разновидности,—с той только разницей, что... ...наследственность.... декретируется, кроме того, как общественный закон" (ibid., стр. 304).

Процесс развития объекта собственности наделяет собственность силой образования видов в пределах genus Homo, дает ей власть египетского царя—и юрист ничего не знает об этой верховной власти! Этот же процесс развивает „иерархию рабочих сил" (ibid., стр. 314), а канонисты об этой иерархии даже не имеют понятия!

Разделение труда внутри мастерской, мануфактурное разделение труда создается властью работонанимателями и соб-

ственника, в то время, как общее разделение труда в обществе возникает автоматически и анархически путем свободной конкуренции между предпринимателями. Таким образом для собственников и не-собственников существуют две противоположных организационных формы труда: разделение труда в мастерской, которое „предполагает концентрацию средств производства в руках капиталиста, „общественное же разделение труда“ предполагает раздробление средств производства между многими, друг от друга независимыми, товаропроизводителями“ (ibid., стр. 320). Первое „предполагает безусловный авторитет капиталиста над людьми, которые составляют лишь простые органы принадлежащего ему общего механизма, общественное же разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого другого авторитета, кроме авторитета конкуренции... То же самое буржуазное сознание, которое прославляет как организацию труда, повышающую его производительные силы, мануфактурное разделение труда и безусловное подчинение частичного рабочего власти капитала... клеймит всякий сознательный общественный контроль и всякое регулирование общественного процесса производства, как посягательство на неприкосновенные права собственности... Чрезвычайно характерно, что восторженные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в одну сплошную фабрику!.. Анархия общественного разделения труда и деспотизм мануфактурного разделения труда взаимно обусловливают друг друга в обществе, в котором господствует капиталистический способ производства“ (ibid., стр. 321).

Мы видим—два „общества“, из которых одно покоится на другом, как и в эпоху сословий. Принудительные союзы, живущие по фабричному праву и образующие придаток капитала, представляют базис, свободный рыночный союз капиталистов составляет верхний слой, бюрократия, живущая по административному праву,—вершину: но ведь так было и раньше—крестьянин жил по дворовому праву (Hofrecht), собственник аллодиального имения—по местному праву, вассал—по ленному праву!

Эволюция собственности не знает остановок, это—Кронос, который пожирает чужих детей. Собственность впитывает в себя умственный труд, она эксплоатирует труд интеллигентного работника. Подобно тому, как мышечная работа должна стать объектом, вещью, чтобы быть гражданином товарного мира, дух изобретателя должен воплотиться в машине. И в этом мире частной собственности умственный труд должен надеть на себя кавдинское ярмо капитализма, дол-

жен стать **объектом собственности** и, как таковой,— стоимостью, стать стоимостью, производящей прибавочную стоимость. И разве мир владельцев мануфактур не имеет права на присвоение результатов труда мыслителей? Разве не они превратили работу мускулов в механические действия, разве не они низвели человека до роли простой машины, чтобы затем человек научился делать машины?

Если мануфактурный период противопоставил рабочей силе простые орудия производства прошлого, в качестве господствующей над ними силы, то крупная **промышленность** отделяет научную работу от ручного труда, воплощает умственный труд в вещи, в виде машины—объекта собственности. Крупная промышленность „отделяет науку в качестве самостоятельной производственной силы труда и заставляет ее служить капиталу“ (ibid., стр. 326). Впрочем, какими глупцами были гениальные изобретатели, которые мечтали о том, что **сберегающая труд** машина сократит страдания человечества! Ведь это представлялось им не подлежащим сомнению, так как она действительно сберегает труд? Разве это могло быть иначе? Но машина ведь сделалась собственностью, объектом собственности. И сейчас же она стала выполнять социальные функции. В качестве нового объекта, разве она не должна была взять на себя новые функции?

„Как специфически-капиталистическая форма общественного процесса труда... она является только особым методом... повышает на счет рабочего самовозрастание стоимости капитала.... Она развивает общественную производительную силу труда **в пользу капиталиста, вместо того, чтобы развивать ее в пользу рабочего**... Она создает новые условия господства капитала над трудом“ (ibid., стр. 330).

Организация господства собственности над рабочей силой еще не была доведена до конца—рабочие, получившие ремесленную подготовку, еще оказывали сопротивление низведению их до уровня частичной функции производственного механизма: „порядка недоставало в работе, и Аркрайт создал этот порядок“ (ibid., стр. 333). Рабочий еще был **субъектом** труда, **носителем** процесса труда, переработанное сырье, примененное орудие были лишь средствами, безжизненный **объект собственности** еще не вполне господствовал над живым трудом—не было порядка! Но объект собственности превратился в машину, в автомата: „Автомат сам является субъектом, а рабочие составляют только сознательные органы, приуроченные к его бессознательным органам и с ними вместе подчиненные центральной движущей силы“ (ibid., стр. 384).

Наконец-то хаос превращается в идилию: „В этих огромных мастерских благодетельная сила пара собирает вокруг себя мириады подданных“ [1]).

„В мануфактуре и в ремесле рабочий заставляет орудие труда служить себе, на фабрике же он сам служит машине... В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого организма, на фабрике—мертвый механизм существует независимо от них: они присоединяются к этому мертвому механизму, как его живые придатки... Всякое капиталистическое производство... характеризуется тем, что условия труда применяют рабочего, а не он—условия труда. Но только машинное производство придает этому извращенному отношению технически-осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомата орудие труда во время самого процесса труда выступает против рабочего, как капитал, как мертвый труд, который господствует над живой рабочей силой и высасывает ее. Отделение духовных сил процесса производства от ручного труда и превращение их в силы, посредством которых капитал правит трудом, окончательно завершается в крупной промышленности, покоящейся на машинном фундаменте (ibid., стр. 387, 388).

В юридическом определении собственности объект права не играет роли, один объект не хуже и не лучше другого. Нормальное содержание понятия „собственность“ так же невинно, как алгебраическая формула, как $v = \frac{g}{2} t^2$. Поставь в эту формулу ускорения лавину, и она тебя размозжит. Поставь „машину“ в бланкетную норму, и она погубит целые поколения! Машина изменила техническую основу, на которой покоилось разделение труда в мануфактуре. Вследствие этого вместо характерной для мануфактурного периода иерархии специализированных рабочих создалась тенденция автоматической фабрики уравнять и нивелировать работы.

Ремесленник оберегал свое искусство, как алхимик, его особенно специализированная и квалифицированная рабочая сила была ведь его социальной силой, его гордостью, его хлебом насущным, а орудия труда не представляли собой еще социальной силы. И мануфактурный рабочий все еще был индивидуализированной рабочей силой, хотя молодой капитал и включил его в рабочую кооперацию. Теперь же, благодаря капиталу, в рабочем погашается его индивидуальность—технически и морально: „Машины расширяют с самого начала вместе с человеческим материалом эксплоатации... и самую степень последней. „На основе товарного обмена предполагается, что капиталист и рабочий вступают во взаимные отношения как свободные личности... Но те-

---

[1]) Ure, цитированный у Маркса (ibid., стр. 385).

перь капитал покупает малолетних или женщин. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он распоряжался в качестве формально-свободной личности. Теперь он продает жену и детей. Он становится работорговцем" (ibid., стр. 359—360).

Эта частица собственности, именуемая машиной, этот организм из объектов собственности, который называется фабрикой, замещает здесь—хотя и на время—функции другого правового института, функции отеческой и супружеской власти! [1]).

Вследствие эволюции собственности объект собственности „становится в руках капитала... систематическим похищением жизненных условий рабочего" (ibid., стр. 391), объект собственности—машина, орудие труда!—„становится тотчас конкурентом самого рабочего" (ibid., стр. 395) и „самым могущественным боевым оружием для подавления периодических рабочих восстаний, стачек и т. п. возмущений против самодержавия капитала" (стр. 397), осуществляя „тот экономический парадокс, что могущественнейшее средство для сокращения рабочего времени становится самым действительным средством превращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости" (I, стр. 373).

Теперь только можем мы понять, что именно заключает в себе то общее полномочие, которым законодатель снабжает собственника, что о з н а ч а е т абсолютная юридическая власть личности н а д т е л е с н о й в е щ ь ю! Однако, мы далеко еще не пришли к цели—мы ведь рассматривали объект собственности лишь на специальной ступени развития (ступени производства) и в определенной форме, в форме промышленного капитала! Но сначала сформулируем по Марксу функцию этого правового института:

„Техническое подчинение рабочих... своеобразное сочетание трудового организма... создают казарменную дисциплину, которая... доводит до полного развития уже упомянутый выше труд надзора... Фабричный кодекс, в котором капитал, в частноправовом порядке и самовластно, формулирует свое самодержавие над рабочими, не прибегая к столь вообще излюбленной буржуазией системе разделения властей...,—этот кодекс представляет собой лишь капиталистическую карикатуру того общественного регулирования про-

[1]) Поскольку собственность осуществляет эту функцию, общество прежде всего налагает на собственность известные ограничения, ибо эта функция становится здесь впервые самым очевидным образом а н т и с о ц и а л ь н о й; она превращает п о п у л я т о р н у ю функцию (функцию размножения) семейной власти в ее противоположность, делает ее депопуляторной. Освященная веками „отеческая" и „супружеская" власть становится проклятием для детей и жен—та самая власть, которая должна защищать их.

цесса труда, которое становится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном употреблении средств труда и, в особенности, машин. Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя (ibid., стр. 389, 390).

Попытаемся теперь уяснить себе, что в сущности представляет собой собственность: она не есть какой-либо порядок распределения хозяйственных благ, ибо как раз в деле планомерной, сознательной, общественной группировки благ она пасует и защищает только того, кто является владельцем optimo titulo. Какое богатое расчленение, напротив, являет вещное право феодальной эпохи! Буржуазное же право собственности предоставляет хозяйственным благам группировать самих себя. Лишь таким путем они становятся товарами, капиталом, лишь таким путем они организуют и аккумулируют себя по специфическим законам капиталистического оборота. Уже здесь мы видим, что это анонимное, анархическое распределение благ получает власть над людьми, а именно, власть над ними, как над носителями рабочей силы, уже здесь мы видим, что в нашу эпоху это чисто фактическое распределение благ обеспечивает само по себе образование социального порядка в отношениях власти и труда и что этот порядок в отношениях власти и труда остается анонимным для всей буржуазной юриспруденции, что эта последняя не замечает в нем ничего, кроме общей и внешней, чисто формальной границы этого порядка отношений власти и труда, кроме его договорного обоснования.

Институт найма труда есть самодержавие, есть деспотизм со всеми его юридическими признаками. Фабрика есть публичное учреждение, она имеет свой кодекс со всеми признаками книги законов, со всеми разновидностями нормы, не исключая, прежде всего, карательных норм, со своими определенными органами и полномочиями. Трудовой распорядок и обычное право предприятий имеют такое же право на рассмотрение их в качестве правовых институтов, как и дворовое право феодальной эпохи. Последнее также покоилось на частном установлении, на волеизъявлении господина, и потому в деталях одно дворовое право отличалось от другого. Если бы это отличие было абсолютно,—чего, конечно, нельзя предположить,—настолько, что нельзя было бы себе представить возможности ни изучения его, ни изложения, все-таки это право осталось бы составной частью правопорядка того времени. Так же обстоит дело с фабричным правом, с трудовым распорядком предприятий вообще. Без него невозможно изображение нашего правопорядка, так как оно охватывает взаимоотношения большой части народонаселения. Если его невозможно было бы изобразить вследствие

разнообразия его содержания, то все же остался бы главный вопрос:

Какого рода это право?

Все фикции буржуазного права, и, прежде всего, различение частного и публичного права отпадают, как только поставлен этот вопрос: право капиталистов, это—делегированная публичная власть, слепо делегированная ради выгоды власть имущего, трудовое отношение есть посредственное отношение господства, есть публичная повинность службы, совершенно такого же рода, как и феодальное отношение землевладения; единственная разница заключается в том, что теперь это отношение власти основано на договоре, а не на наследовании. Ни одно общество не существовало еще без свойственного ему трудового распорядка; последний существен для каждого общества точно так же, как необходимы органы пищеварения животному организму. Лишь в эпоху простого производства товаров, когда фактически совпадали субъект труда, орудие труда и продукт труда, лишь в эту эпоху собственно процессы производства и воспроизводства,—являясь действительно жизненными процессами общества,—выпадают из сферы социального сознания; совершаясь индивидуально, а также частным образом, они не проявляются вовне в качестве отношений власти и труда. Кооперативный же процесс труда имеет общественный характер, а, следовательно, по своей природе не может быть частным. Правовая материя стала публичной, хотя ее форма, ее юридическое выражение и осталась частноправовой: это совершенно такое же явление, как и формы личной зависимости.

Очевидно, что капиталист в своем предприятии обладает неограниченной законодательной, исполнительной и судебной властью: его господство имеет все признаки государственного абсолютизма и смягчено лишь обосновывающей его договорной природой, а также его расторжимостью в известное время: капитал не знает „разделения властей". Эта чисто юридическая граница отпадает, однако, в тот самый момент, когда мы начинаем мыслить капиталистов и наемных рабочих, как противостоящие друг другу классы. Буржуазии, как классу, в сфере производства, без сомнения, принадлежит de jure по отношению к неимущим классам абсолютная власть, которая на деле ограничивается лишь в собственных интересах буржуазии и вследствие страха перед „подданными силы пара".

Было бы весьма наивно представлять себе какое-либо человеческое общество, (которое ведь не может существовать без „вечной естественной необходимости" труда) обходящимся без распорядка труда, без упорядоченно-распоряди-

тельной власти над входящей в состав его рабочей силой. Раскрыть, где же собственно скрыт этот распорядок труда в данном буржуазном обществе, изучить его природу, анализировать его функции, было заслугой Маркса—и только его заслуга. Естественные социальные законы, на которых покоится в виде правила этот распорядок в обществе, достаточны, однако, лишь до тех пор, покуда действует фактическое прикрепление рабочей силы к объектам собственности. Но общество сбрасывает с себя маску мнимой смерти, как только эта связь ослабевает, и тогда оно внезапно осознает свою миссию регулировать труд, тогда оно осуществляет открыто и в форме законов свою публичную принудительную власть над рабочей силой. „При обыкновенном ходе вещей, рабочий может быть предоставлен естественным законам производства" (ibid., I, стр. 703). Но в тех случаях, когда они отказываются служить, трэд-юнион предпринимателей—парламент, прибегает к „непосредственному, внеэкономическому насилию". Так, прежде всего, в стадии первоначального накопления. Лишь по окончательном оформлении капиталистического способа производства отменяются законы о регулировании заработной платы. „Они стали смешной аномалией с тех пор, как капиталист управлял фабрикой, опираясь на свое частное законодательство" (ibid., I, стр. 706). Машина ведь была Ликургом, Драконом и Солоном, она сделала фактически рабочую силу принадлежностью капитала, подобно тому, как постройки юридически являются принадлежностью земельного участка; психическое воплощение капитала—капиталист при случае ссылается на „титул собственности" на рабочую силу („Капитал", I, стр. 537 сл.): „Я согласен, что рабочие не составляют собственности Ланкашира и хозяев; но они составляют силу их обоих; они представляют духовную и вышколенную силу, которую нельзя заменить в одно поколение; другие же машины, напротив, которыми рабочие работают, могут быть большею частью легко и даже с выгодой заменены и улучшены в течение года. Поощряйте или разрешайте (!) эмиграцию рабочей силы, но что́ же тогда будет с капиталистом?" И капитал не останавливается перед требованием прикрепления к нему занятых им рабочих актом публичной власти даже в том случае, когда машины стоят вследствие недостатка сырья; он стремится к тому, чтобы государство сдавало бы рабочую силу „на хранение" в общее государственное резервное хранилище капитала: в дома для призрения бедных. Если же рабочая сила вспоминает о своей „личной свободе" в тех случаях, где труд даже для самого ограниченного мозга не может не быть функцией социального целого, как, напр., на железных дорогах и в производстве предметов питания, тогда буржуазия милита-

ризует ее или заменяет ее милитаризованной рабочей силой, непосредственно обобществляя самый труд.

Юридическая характеристичная маска „личность“, которая одновременно носит экономическую маску „владельца вещи“, получает, таким образом, новые добавочные функции—она распоряжается трудом, властвует над ним и эксплоатирует его: собственность превращается из простого титула распоряжения вещью в титул власти, и, поскольку она проявляет свою власть в частных интересах.—в титул личного господства.

Но одновременно свободная личность, рабочая сила, лишенная имущества, становится подчиненной, а так как история не повторяется, то здесь появляется подданство особого рода: подданный имеет право выбрать желательный ему индивидуум среди всей совокупности властелинов, предназначенных господствовать над ним; однако класс подданных прикреплен к классу своих господ.

Таким образом мы видим: при простом товарном производстве собственность дает рабочему владение его орудиями труда, она делает личность господином вещей. Без изменения права собственность изменяет свои функции: она дает неработающему юридическое владение орудиями труда и делает, таким образом, орудие труда господином над рабочей силой, она берет на себя автоматически функции организатора власти и труда, становится частноправовым титулом власти. Каким же образом? Право дает неработающему юридическое владение орудиями труда; фактическое же владение—во всяком обществе!—может принадлежать только производителю. И таким способом право устраняет производителя от владения орудиями труда при помощи договора рабочего найма—рабочему разрешается обслуживать машину, но лишь ценою его личной зависимости и эксплоатации!

2. Собственность и договоры отчуждения.

1. Собственник простого товарного производства уже не находится на ступени замкнутого домашнего хозяйства, он продает не только случайные избытки производства, он работает, чтобы отчудить свой продукт: договоры отчуждения являются институтами, связанными со способами производства того времени.

Но, с одной стороны, он ничего, кроме своего продукта, не отчуждает, орудия производства он унаследовал, а если он крестьянин, то он обыкновенно сам производит также свое вырье; отчуждение продуктов является не чем иным, как краткой заключительной стадией его собственного продол-

жительного труда. Отчуждение служит реализации его заработной платы. Если бы можно было отнести к тому времени позднейшие категории заработной платы, то можно было бы коротко сказать: отчуждение по существу является реализацией заработной платы. Это его функция. Но реализуется не одна только заработная плата.

Это производство является по большей части производством на заказчика: так как продукт непосредственно переходит к потребителю, то один акт реализует всю его стоимость; таким образом отчуждение реализует полностью весь продукт труда. И в этом заключается распределяющая функция собственности того времени, в этом ее большое преимущество: она распределяет общий годовой продукт между работающими автоматически и прямо пропорционально количеству труда: порядок распределения остается также вне общего коллективного сознания, он столь же анонимен, как распорядок труда... Это автоматическое распределение через институт собственности требует, однако, многочисленных связанных с ним правовых институтов: так, прежде всего, многочисленных институтов алиментации (родители по отношению к детям, муж в отношении жены, нисходящие в отношении восходящих, далее, цехи в отношении обедневших мастеров, их вдов и сирот, многочисленные другие институты), а также института призрения бедных. Эти институты передавали излишек, остававшийся после покрытия необходимых потребностей работающего, полностью или отчасти неработающим, но полный продукт труда сосредоточивался фактически, а отнюдь не в силу какого-либо закона, прежде всего, в руках работающего. Ни в одном обществе не было и не могло быть „права на полный продукт труда“, так как по меньшей мере подрастающее и отживающее поколения вынуждены жить продуктом работающего. Прибавочный труд есть общее явление, а потому он и встречается не только в капиталистическом обществе. „Необходимый труд“ является категорией не только этого общественного порядка, но и всякого другого, так как он выражает минимум того труда, который затрачивается работающими в целях своего физического воспроизводства, в то время как добавочный труд предназначен в большинстве случаев для составления фондов накопления и запаса. Однако в капиталистическом обществе свободное время для одного класса создается путем превращения всей жизни масс в сплошное рабочее время (I, стр. 493), работающие производят добавочный труд не для самого общества и не непосредственно для общества, а для собственников орудий производства, для частных лиц. Социальный фонд накопления и запаса присваивается частными лицами.

Если, таким образом, реализация продукта труда является социальной функцией собственности и „отчуждения“, то, спрашивается, в каких юридических формах происходило отчуждение. Прежде всего, не путем договора купли: заказчик заказывал работу и давал также для нее материал—юридической сделкой был один вид найма труда, договор поставки, договор найма услуг, locatio—conductio operis; другой же вид той же юридической сделки—договор найма рабочих, locatio conductio operum—стал специфической правовой сделкой пролетариата. Тот факт, что цена товара в значительной степени являлась заработной платой, отражается уже в самой правовой форме. Если ремесленник (крестьянин) сам дает материал, но отчуждает его, однако,—как это естественно бывает при производстве на заказчика,—только по заказу, то мы имеем договор поставки, который образует переходную ступень договора найма труда к купле. Лишь работа на запас и отчуждение без предварительного заказа превращает куплю-продажу в типичный правовой институт простого товарного производства. Только в купле-продаже элемент заработной платы в ее юридической форме исчезает из цены товара: цена является просто эквивалентом вещи—эквивалент труда исчез перед глазами юристов, а потом и перед вульгарной экономией, которая никогда не может отличить юридической формы от экономического содержания. Однако, несмотря на маскирующую правовую форму, связь остается в ту эпоху очевидной, так как местный рынок поддавался такому же учету, как и количество производителей: несмотря на форму товарных цен, простое производство товаров оставалось экономически производством на заказчика. В особенности рассматриваемая здесь распределительная функция собственности остается такой же, как и прежде, и при новом, связанном с ней институте договора купли (emptio - venditio).

2. Эта чета институтов—собственность и договор купли—получает, однако, совершенно другой характер, как только мануфактурист или фабрикант подчиняют себе правовую форму. Одновременно личность меняет свою характеристичную маску, а вещь—свою экономическую форму.

Собственник присваивает себе в процессе производства все более строгую, мрачную и в конце концов прямо-таки деспотическую маску. Но вот он уходит с готовым продуктом из того жуткого и сумрачного места, которое называется фабрикой, его лицо проясняется, становится веселым, скромным и любезным. Тот же самый человек стоит со своим товаром на рынке в совершенно измененном костюме—в качестве простого „хранителя товаров“. В памяти этого человека и во внешнем облике объекта собственности—„товара“ вытравлены всякие следы о том нижнем этаже производства, о

сфере эксплоатации в форме do, ut facias, о деспотизме. Теперь капиталист, в качестве „хранителя товаров", становится республиканцем. Как равный среди равных, он вращается только в обществе других „хранителей товаров". Правда, вначале ему противостоит владелец денег—покупатель, он сам—продавец. Но, как только он обменял свой товар на звонкую монету, тотчас он выступает в роли своего партнера: он становится покупателем. Казалось бы в этой области нет места неравенству, социальной зависимости.

На продуктовом рынке лишь один не появляется в качестве продавца, это—рабочий: он находится в другом отделении рынка — на рынке труда. Царство свободы, равенства и братства он посещает не в качестве продавца [1]), он не имеет права стоянки на рынке, он лишь на задворках продуктового рынка, вместо него там стоит его предприниматель: этот последний вместо него выступает в качестве „производителя", продукт появляется в качестве продукта предпринимателя... Рабочая сила экономически медиатизирована. Продуктом производителя товар фактически является лишь при простом товарном производстве: там рабочая сила и владелец вещи—одно лицо. То, что там продукт достается этому последнему, само собой понятно. Там собственность имеет задачей обеспечить за производителем продукт его труда.

Каким образом и что же теперь собственность реализует путем продажи? С объектом собственности были связаны два лица: собственник материала и чужая рабочая сила. Юридически здесь мы имеем дело с specificatio: не-собственник делает из вещи новую вещь (nova species). В античном Риме по поводу этого случая шел долголетний спор между двумя школами юристов—сабинианцев и прокулианцев: кому должен принадлежать продукт—собственнику или обрабатывающему материал? [2]). В наше время право владельца вещи на присвоение новой вещи ни в каком случае не может стать предметом спора, так как это право заранее молчаливо признано в договоре рабочего найма.

Таким образом, при сделке отчуждения продукта, принявшего теперь экономическую форму товара, одна личность отстраняется: товар отчуждается только одним—собственником.

В какой же форме удовлетворяется медиатизированный производитель, этот придаток капитала? Юридически—в форме заработной платы. Однако уровень заработной платы устанавливается не соотношением: рабочий — средство труда, продукт труда, а находится по ту сторону технического процесса; он не имеет никакого отношения к товару, он устана-

---

[1]) А только в качестве покупателя предметов потребления.
[2]) Гай, II, стр. 79.

вливается за стенами места производства—вдали, на рынке рук и голов. Отчуждение реализует не заработную плату, не продукт труда, он реализует нечто мнимо-вещественное, стоимость вещи. А каковы ее элементы? Это—только вещи: авансированная покупная цена средств производства—постоянный капитал, авансированная цена рабочей силы—переменный капитал. Капиталист считает так: эти части стоимости не реализуются, а лишь возвращаются, восстанавливаются. Реализуется стоимость, взятая в общей форме, социально. Но для капиталиста реализуется прибавочная стоимость, надбавка к авансированной стоимости. Функцией собственности и купли-продажи и является эта реализация прибавочной стоимости.

Итак, на рынке появляется с продуктом один лишь собственник, который и присваивает себе содержащуюся в продукте прибавочную стоимость. „Прибавочная стоимость есть его собственность и никогда не принадлежала никому другому" (I, стр. 549). Таким образом, собственность берет на себя функцию деления прежде всего на две части всего годового продукта. „В виде денег (заработной платы) класс капиталистов дает постоянно рабочему классу чеки на известную часть продукта, произведенного рабочими и присвоенного капиталистами" (I, стр. 530). Этот фонд средств существования, рабочий фонд, который необходим рабочему для поддержания его жизни и ее воспроизводства, эта часть общего годового продукта принимает форму переменного капитала [1]). Другая часть, прибавочная стоимость, остается в пользу класса капиталистов.

Эту распределительную функцию собственность получает не в силу какого-либо закона, не путем юридической привилегии, а молчаливо, самым ходом вещей. Собственность получает эту распределительную функцию также не против закона и не помимо него, а на основании тех норм, которые соответствуют простому товарному производству. Правовое содержание права собственности оказывается не расширенным или суженным, нет также и какого-либо злоупотребления этим правом. Даже нет замещения собственности другим, рядом стоящим и связанным с ним институтом. Нет ничего особенного в полномочии отчуждать объект своей собственности, расходовать деньги в качестве эквивалента за нанятую рабочую силу, точно так же, как и полномочие отдавать в наем свою рабочую силу за деньги не представляет собой ненормального способа осуществления права личной

---

[1]) Он постоянно притекает обратно к классу капиталистов, как только рабочий появляется в качестве покупателя на продуктовом рынке и обменивает деньги на средства существования; класс капиталистов постоянно вновь авансирует переменный капитал рабочим (кругооборот переменного капитала).

свободы. В юридическом содержании того и другого правового института не произошло никаких изменений. „Первоначальное превращение денег в капитал совершается, следовательно, в полном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности. Но, несмотря на это, в результате его оказывается:

1) что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;

2) что стоимость этого продукта... заключает в себе еще прибавочную стоимость, стоившую рабочему труда, капиталисту же—ничего, и тем не менее становящуюся правомерной собственностью капиталиста;

3) что рабочий сохранил свою рабочую силу и может ее снова продать, если найдет покупателя.

...Закон, следовательно, здесь не нарушается,—напротив, создается лишь возможность постоянного его проявления“ (I, стр. 548).

Мы видим, что фактический субстрат правопорядка потерпел изменения, не оказав влияния на него, и что соответственно этому изменяет свои функции правовой институт, превращая первоначальные функции в их противоположность: функция обеспечения за рабочим продукта его труда превращается при известных свойствах объекта собственности (объект = капитал) в функцию ограничения рабочего рабочим фондом, освобождения собственника от труда, этой вечной естественной необходимости, и присвоения ему прибавочного продукта. Собственность становится титулом на прибавочную стоимость, она получает распределительную функцию совершенно определенного вида, характерную для данного хозяйственного уклада и противоречащую предыдущему периоду.

Эта функция правового института была узнана и открыто признавалась в самом начале развития капитализма:

„Наш климат требует труда для удовлетворения потребностей, и поэтому, по крайней мере, часть общества должна работать без устали... Некоторые, не работая, имеют, однако, в своем распоряжении продукты трудолюбия. Этим собственники эти обязаны лишь цивилизации и порядку; они—чистые креатуры гражданских учреждений“. (Эден, цитированный у Маркса, I, стр. 380 (?!).

Правда, эта функция, как титул на прибавочную стоимость, остается скрытой от взора поверхностного наблюдателя, так как она непосредственно и полностью не обнаруживается ни в процессе производства, ни в процессе обмена. Прибавочная стоимость создается в процессе производства, но реализуется она не в нем—она реализуется в процессе обмена, но последним не создается. Она подобна незаконнорожденным детям, которые юридически не имеют отца, так

как отцовство не может быть установлено средствами права, однако, с той лишь разницей, что здесь, в виде исключения, капиталист охотно сознается в своем отцовстве, в котором он, однако, как раз неповинен в данном случае.

3. На продуктовом рынке, однако, среди равных грешников, каждый грех происхождения легко прощается, тем более понятным кажется здесь партеногенезис прибавочной стоимости: эта последняя порождается не трудом и не соединением его с материалом, а некоторой вещью—капиталом. Из калькуляции рыночного предпринимателя совершенно исчезает рабочий, в этой высшей сфере он уже в счет не идет. Рыночное товарищество составляет обособленное общество, **целое** человеческого общества не входит в сознание этого товарищества. Подобно тому, как люди и вещи по разному оцениваются в каждом буржуазном кругу, так и здесь поступают с товарами. Если человек вообще оценивается по его способностям, то в буржуазном обществе он стоит столько, сколько имеет. Внизу оценивают человека по тому, что он может сделать для других, для целого общества, наверху же—по тому, что он может создать для самого себя. Так в сознании рыночного товарищества по разному—в пределах общей стоимости—оцениваются товары.

„Чего стоит товар капиталисту и чего стоит самое производство товара, это—во всяком случае две совершенно различных величины. Та часть товарной стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда. Однако,—так как на основе капиталистического производства рабочий, вступив в процесс производства, сам представляет составную часть функционирующего и принадлежащего капиталисту производительного капитала и, следовательно, действительным производителем товара является капиталист,—то издержки производства товара для него представляются действительной стоимостью товара".—„То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой **капитала**, то, чего товар действительно стоит,—затратой **труда**" (III, I, стр. 2).

На ступени простого товарного производства эта оценка совпадает с общей, так как все приблизительно одинаково наделены собственностью и сами работают; в капиталистическом производстве это уже не так: неработающий владелец относит стоимость и прибавочную стоимость не к труду, а к владению: авансированный постоянный и переменный капитал представляются ему гомогенным целым, просто в виде издержек производства, в виде стоимости производства товара, прибавочная стоимость—в виде прибыли. Издержки производства, прибыль являются рыночными формами объекта собственности, „товаропроизводитель"—рыночной харак-

теристической маской субъекта собственности в этой сфере. Норма прибавочной стоимости становится нормой прибыли.

Между хранителями товаров не существует другой связи, кроме do, ut des: я даю—я беру. Всеобщая свобода. Полное уравнение. Республика.

Свободный рыночный союз собственников капитала является, однако, не чем иным, как продуктом общественного разделения труда, раздробления общества на самостоятельных товаропроизводителей [1]). Каждое частичное производство поэтому является лишь функцией общественного производства и потому, по необходимости, им определяется, как часть целым. Эта зависимость частичного производства от целого, его вида и объема, опять-таки осуществляется не путем сознательного законодательного акта, установленного общей волей, а осуществляется, следовательно, путем естественного закона bellum omnium contra omnes (война всех против всех), путем конкуренции. Эта конкуренция не есть конкуренция между различно квалифицированными рабочими силами в деле доступа к орудиям труда, с которыми они умеют обращаться лучше других; нет, это—конкуренция тех, которые имеют исключительное право стоянки на рынке капиталов и капиталистов в борьбе за то единственное, что их интересует—за прибыль. Что касается рабочих сил, то они стали лишь простым придатком капитала, а известная часть постоянно находится в запасе в качестве резервной армии, готовой явиться на зов капиталиста по первому его знаку. Благодаря конкуренции, обмен товаров совершается на деле уже не по стоимостям, а по издержкам производства, плюс прибыль, при чем молчаливо предполагается, что труд есть нечто подчиненное капиталу. Но прибыль все-таки от этого не перестает быть прибавочной стоимостью: прибыль—не только по своей материи есть прибавочная стоимость, но ограничивается и определяется также и количественно в качестве общей прибыли класса капиталистов общей прибавочной стоимостью, выкачиваемой из рабочего класса. Если, таким образом, при простом товарном производстве обмен товаров происходит по стоимостям, то в капиталистическом способе производства обмен совершается по прибылям, имея своей границей стоимость, а именно, в частности, по средним прибылям.

Отдельный капиталист, таким образом, не имеет основания радоваться своей свободе в республике хранителей товаров, так как, с одной стороны, „конкуренция обнаруживает общественный характер производства и потребления" (III, 1, стр. 173), с другой—он зависит от рабочего класса, и завис-

---

[1] Следует отличать от мануфактурного разделения труда внутри предприятия.

мость эта определяется снизу предельной возможностью эксплоатации рабочих, вверху—предельной стоимостью, не говоря уже о зависимости от всех других капиталистов, о сведении к средним прибылям взятых смелым приступом сверхприбылей! И мало этого: „Капиталист, который производит прибавочную стоимость... хотя и является первым присвоителем прибавочной стоимости, но отнюдь не последним ее собственником. Он должен делиться ею с другими капиталистами, исполняющими другие функции в общественном процессе производства, с землевладельцами и т. д. Прибавочная стоимость распадается поэтому на различные части" (I, стр. 527). Капиталист-производитель товаров сталкивается в сфере обращения с капиталистами, которые не являются производителями товаров, а которые носят совершенно другие характеристические маски и братски делят с ним прибавочную стоимость, не по-братски полученную в капиталистической преисподней фабрики.

Итак, распределительная функция собственности, слившейся с договором купли, вовсе не так проста: она не ограничивается тем, что собственнику-продавцу достается продукт чужого труда.

4. До сих пор наш капиталист носил троякую юридическую маску: во-первых, он выступал на сцену в качестве собственника (dominus), во-вторых, в качестве покупателя средств производства и продавца товаров (emptor-venditor), в-третьих, в качестве контрагента рабочих сил, в качестве нанимателя живого товара (conductor operarum). Этим трем юридическим маскам личности соответствуют три экономические формы его объекта собственности; он располагает, прежде всего, деньгами, затем средствами производства, наконец, товаром, его собственность поочередно принимает три различные формы капитала:

„Денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь, таким образом, не самостоятельные сорта капитала, функции коих составляют содержание также самостоятельных и отделенных друг от друга отраслей предприятий. Здесь они обозначают лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает их все три одну за другой".—„Капитал, который в процессе своего полного круговорота принимает эти формы и снова их сбрасывает, исполняя в каждой свойственные ей функции, есть промышленный капитал" (II, стр. 26). Он—единство трех форм: „В действительности, однако, каждый индивидуальный промышленный капитал находится во всех трех формах одновременно" (II, стр. 73). Но объект собственности—товар—становится в его руках самостоятельным, его товарный капитал требует в силу своих осо-

бых экономических функций собственного агента и представителя—купца.

Какую роль играет объект собственности в распорядительной власти этого последнего? „Функция продажи товара... от производителя взята купцом и превратилась в специальное занятие последнего, тогда как раньше эту функцию должен был исполнять производитель после того, как он покончит с функцией производства“ (Ш, I, стр. 253). Правда, исторически это было не совсем так: товарно-торговый капитал ограничил себя столь скромной ролью лишь при завершении капиталистического способа производства и лишь по отношению к действительно капиталистически производящему предпринимателю.

„Товарноторговый капитал безусловно представляет не что иное, как товарный капитал производителя, капитал, который должен совершить процесс своего превращения в деньги, выполнить на рынке свою функцию товарного капитала, с той только разницей, что функция эта является теперь не побочной операцией производителя, а исключительной операцией особого рода капиталистов, торговцев товарами, приобретает самостоятельность, как предприятие особого капитала“ (Ш, I, стр. 253—254).

Что же дает товарноторговому капиталу характер самостоятельно действующего капитала?

Одна функция снова стала самостоятельной, создана новая экономическая характеристическая маска. Тем самым становится самостоятельным определенный вид капитала—он находится целиком вне сферы производства и всетаки требует прибыли—всякое отношение к труду, к производству кажется погашенным. Собственник больше не отдает своего объекта в фактическое обладание рабочих сил, он больше не осуществляет своей собственности путем заключения договоров личного найма, он обходится без этого дополнительного института. Он вообще не распоряжается больше своей вещью технически, а также не через посредников или подчиненных, он экономически распоряжается ею вообще больше путем правовой сделки, лишенной технического содержания или какого-либо отношения к технике [1]), он покупает, чтобы продавать—образ действий, который с точки зрения старой наследственной собственности („Erb und Eigen“) кажется безбожным обманом, а не хозяйственным процессом. И все-таки этот образ действий является функцией экономического характера, так как он является посредствующим звеном обращения и распределения. Мы на-

[1]) Даже не всегда нужна физическая передача (traditio) самого товара, товар лежит на складе, передача права собственности совершается путем передачи варрианта (складочного свидетельства).

ходимся только уже в третьей сфере, в которой объект собственности проявляет признаки движения без участия рабочей силы, даже без всякого намека на какой-либо труд; мы находимся в сфере абсолютного do, ut des. В руках собственника-купца капитал так же требует прибыли, как и в руках „производителя“", и давит на его норму прибыли" (Ш, I, стр. 270).

5. Такова картина развитого капиталистического способа производства. Действие торговотоварного капитала не столь безвредно в обществе простого товарного производства. Он избирает объектом своего нападения общество свободных и равных и делает это еще и теперь всюду там, где собственник обслуживает в качестве самостоятельного производителя свое скромное владение. Торговопромышленный капитал становится между производителем на заказчика и заказчиком и эксплоататирует обоих. Он овладевает производством, ставя производителя в зависимоость от себя и отнимая у него всю прибавочную стоимость:—„Хотя этот способ действия является переходной формой, все-таки сам по себе он не приводит к перевороту прежнего способа производства; напротив, он его консервирует и сохраняет, как свою предпосылку. Такие отношения всюду являются препятствием для действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не революционизируя способа производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем для рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на базисе старого способа производства". Купец является здесь собственно капиталистом: он кладет себе в карман всю или бо́льшую часть прибавочной стоимости. Эта форма капитализма не экспроприирует, а лишь апроприирует (присваивает), она действует не эволюционно, а превращает в застывшую форму устарелые способы производства, оставляет за собственником титул владения, отнимая, однако, у него титул на прибавочную стоимость, она создает фиктивного предпринимателя, который на деле все же не что иное, как рабочий.

Таким образом форма собственности: купец—торговотоварный капитал действует передко иначе, чем промышленный капитал. Этот последний „должен революционизировать технические и общественные условия процесса труда, а, следовательно, и самый способ производства для того, чтобы поднять производительную силу труда, посредством подъема производительной силы труда понизить стоимость рабочей силы и, таким образом, сократить необходимую для

воспроизводства этой стоимости часть рабочего дня" (I, стр. 279). Таким образом промышленный капитал действует, несмотря на то, что он основывается на эксплоатации, организующе, он повышает производительность труда и подготовляет новый порядок вещей. Торговотоварный же капитал отчасти закрепляет старый способ производства, отчасти же изменяет его только частично, оставляя нетронутыми отношения владения, но приспосабливая к себе способ труда, превращая его в илоценский труд. Так, например, обстоит дело преимущественно в современной мануфактуре и в кустарном труде. Это—купеческий капитал, который становится промышленным, не переходя в фабрику [1], и о котором Карл Маркс говорит:

„Кроме фабричных и мануфактурных рабочих и ремесленников, которых он пространственно концентрирует большими массами и которыми он непосредственно командует, капитал, посредством невидимых нитей, приводит в движение еще другую армию рассеянных в больших городах и деревнях домашних рабочих... Эксплоатация дешевых и незрелых рабочих сил практикуется в современной мануфактуре еще с большим цинизмом, чем на настоящих фабриках... В так-называемой домашней промышленности эта эксплоатация проявляет еще большее бесстыдство, чем даже в мануфактуре, вследствие того, что способность рабочих к сопротивлению уменьшается с их разделением и что целый ряд хищных паразитов втискивается между действительным работодателем и рабочими" (I, стр. 427). Таким способом купеческий капитал создает рядом с фабричным еще второй порядок труда и рабочую иерархию, которая является серьезным препятствием для социальной пропаганды и развития; он проявляет такие функции, которые по сравнению с функциями промышленного капитала в гораздо большей степени антисоциальны. Он нарушает даже порядок распределения в капиталистическом хозяйстве или, вернее, задерживает его развитие [2].

---

[1]) Это возможно для него лишь благодаря сокращению рабочего фонда, о котором будет речь в дальнейшем.

[2]) Маркс настолько далек от стремления схематизировать способы функционирования капитала, что рассматривает для каждого вида капитала его специфическое действие, даже в различных странах и климатах, при различном национальном характере и т. д., насколько такое изложение вообще совместимо с трудом обще-теоретического характера. Его задача ограничена объектом исследования: изобразить капиталистический способ производства в завершенном виде; поэтому он не может останавливаться на промежуточных формах. Он не отрицает их устойчивости и живучести, и, в частности, он не пытается объяснить их законодательными попытками закрепить эти формы; эти попытки безусловно более позднего происхождения.

Всюду, где договор купли-продажи выступает в качестве института, дополняющего собственность, собственность проявляет свою характерную распределительную функцию, но она заключается не в купле, наоборот, продажа всегда есть лишь осуществление права собственности, специальный способ использования вещи. Правовая фигура emptio-venditio сама по себе лишена капиталистического момента, точно так же, как locatio—conductio operarum, взятое само по себе. И только потому, что эти правовые формы в настоящее время служат средствами для известных способов осуществления капиталистической собственности, они могут казаться подозрительными. Носителем распределительной функции является собственность, в частности, объект собственности. Он-то и является источником титула прибавочной стоимости вообще и, в частности, титула прибыли. Однако собственность распределяет не только прибавочную стоимость, но также заработную плату (в качестве переменного капитала), она же реализует в форме цены для капиталиста прибыль и заработную плату, ему не принадлежащие, и создает, таким образом, внутри класса самих собственников капитала обременительные для капиталистов отношения зависимости. С характернейшими случаями такого рода мы еще познакомимся в дальнейшем.

3. Собственность и договоры о возврате.

Блага, которые находятся в постоянной детенции субъектов хозяйства, не всегда находятся в таком же постоянном их фактическом пользовании. Каждая форма хозяйства имеет свои резервные фонды, свои отдыхающие потребительные ценности, но лишь в частнособственническом обществе ими распоряжается частная воля. Эпоха натурального хозяйства знает преимущественно три института, которые временно переводят отдыхающее имущество из рук одного в руки другого: 1. Поклажа (depositum) или договор хранения, заключаемый в пользу собственника, не могущего держать свое имущество в безопасности. 2. Ссуда (commodatum), заключаемая в пользу ссудополучателя, который пользуется движимой или недвижимой индивидуальной вещью, не потребляя ее. 3. Заем (mutuum), в пользу займополучателя, который потребляет движимую родовую вещь [1]). По истечении срока возвращается та же индивидуальная вещь или родовая вещь того же количества и качества—по закону на этой

[1]) Родовая вещь по юридической терминологии „заменима“, так как одинаковые количества того же рода, напр.: скот, зерно, деньги и т. д., могут замещать друг друга.

ступени хозяйства юридическая сделка всегда безвозмездна; запрещение взимать проценты является лишь частным случаем общего правового принципа. Мы займемся развитием этих институтов здесь лишь постольку, поскольку их объектом являются деньги.

1. Деньги, как всеобщий эквивалент товаров, проявляются в форме цены, они—цена. Деньги становятся товаром в сделках менял и, таким образом, они фигурируют в качестве торговоденежного капитала, который стоит на одной линии с торговотоварным капиталом... Однако деньги имеют, кроме эквивалентной и товарной форм, еще третью—форму капитала. Как поклажа [1]), так и заем получают иной характер [2]), как только деньги принимают форму капитала: эти договоры о возврате развивают новые функции, поклажа и заем превращаются из случайных институтов в регулярные способы осуществления собственности и вследствие этого, по необходимости, становятся возмездными.

„Деньги могут быть превращены на основе капиталистического производства в капитал, и вследствие такого превращения из данной стоимости делаются самовозрастающей, увеличивающейся стоимостью... Таким образом, помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег" (в качестве всеобщего товарного эквивалента или товара), „они приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал. Их потребительная стоимость состоит здесь как раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. Благодаря этому своему свойству возможного капитала, средства для производства прибыли, деньги, становятся товаром, но товаром sui generis... Капитал, как таковой, становится товаром" (III, I, стр. 322 до 323). Таким образом то, что составляет содержание договора, это—потребительная стоимость капиталистической функции денег, функции, имеющей целью получение прибыли. Процент является лишь особым названием, особой рубрикой для той части прибыли, которая уплачивается функционирующим капиталом собственнику капитала.

Право собственности на деньги дает, таким образом, собственнику власть привлечь к себе процент, т.-е. часть той прибыли, которая должна быть получена лицом, употребляющим капитал. Правда, и другие товары с функциями капитала (промышленный капитал, торговотоварный капитал) могут отдаваться в заем, для займа денежный характер капитала не является существенным. Однако на современной ступени

---

[1]) В форме depositum irregulare.

[2]) Ссуда может остаться вне рассмотрения.

развития данной в заем всегда оказывается денежная стоимость вещи.

Юридической сделкой, в которой находит свое выражение этот процесс, является не купля и продажа, а mutuum—заем: передача некоторого количества заменимых вещей в собственность получателя, с обязательством для последнего вернуть вещи одинакового количества и качества. Юридическая сделка, как таковая, не обязательно возмездна, экономический заем всегда возмезден. Проценты или процент фигурируют как вознаграждение. Правовая сделка служит также целям, которые не непосредственно связаны с экономикой, она получает, как и все институты развитого правопорядка, свою индивидуальную форму из свойств самой нормы. Поэтому для института юридически не существенны возмездность и капиталистическая природа того, что дано в заем. Лишь определенное содержание обязательства составляет экономическое отношение процента: „Юридические формы, в которых проявляются эти экономические сделки, как волевые действия заинтересованных, как выражения их общей воли и как обязательства, к выполнению которых принуждает государство,—эти юридические формы, будучи просто формами, не могут определить самого содержания сделок. Они только выражают его" (III, I, стр. 323). Здесь экономически уже нет обмена, так как нет отчуждения. Если деньги даются в обмен на товар, то я отчуждаю деньги и получаю товар, как эквивалент стоимости. То, что у меня было, окончательно отчуждено, я имею в руках эквивалент. Капиталист, дающий в заем, отдает свой капитал, и у него в руках ничего не остается; все-таки он не отчуждает своего капитала, который не поступает в обращение, а переходит лишь к заемщику и непосредственно возвращается к заимодавцу. Этот процесс не является актом настоящего кругооборота, это—юридическое соглашение, которое ставит рядом с капиталистом-собственником капиталиста-заемщика. Данный в заем капитал участвует в хозяйственном процессе лишь однажды, подобно тому, как участок земли в нем участвует лишь один раз, хотя бы рядом с собственником появился арендатор. Капитал не меняет функцию, а меняет лишь руки, он переходит из рук недействующего капиталиста в руки действующего. Равным образом возврат не является выводом и результатом экономического процесса, а исполнением договора. Здесь капитал является не только отделенным от производства, но также от товарообращения [1]), он совершает чисто юридический процесс.

[1]) Это не исключает того, что капиталы проявляют известное обращение, но это не товарное обращение, а специфическое обращение капиталов. Также не является товарным обращением смена владельцев в земельной собственности.

Уплачиваемое заемщиком вознаграждение есть часть средней прибыли. Это—разделение капиталистов, с одной стороны, на денежных капиталистов, с другой—на промышленных и коммерческих капиталистов, это—фактически разделение их экономических функций, которое превращает часть средней прибыли в процент, которое создает экономическую категорию роста. Здесь переносится с капиталиста, взимающего проценты, на действующего капиталиста командование над чужим трудом, право на присвоение чужого труда. Там, где нет присвоения чужого труда, нет и процента (III, 1. стр. 340 сл.), как мы это видели в натуральном хозяйстве. Та часть средней прибыли, которая остается у действующего капиталиста после уплаты процента, получает свой особый характер и название в качестве предпринимательской прибыли.

Если кредитное хозяйство вполне развито, то и предприниматель, работающий собственным капиталом, исчисляет процент и предпринимательскую прибыль раздельно. Процент, который он должен был бы платить заимодавцу, представляется в виде части валового продукта, которая причитается капиталистической собственности, как таковой, тому, что называется nuda proprietas, в силу простой возможности юридического распоряжения. В противоположность этому, та часть прибыли, которая достается активно действующему капиталисту, представляется в виде предпринимательской прибыли: она как будто проистекает из операций и функций, которые выполняет лично капиталист в воспроизводственном процессе и в процессе обращения и относится на счет предпринимательской функции капиталиста. Действующему капиталисту, предпринимателю, процент представляется, таким образом, в виде плода простого обладания капиталом, капитала самого по себе (an sich), титула владения, независимо от воспроизводственного процесса капитала, капитала без функций и вне таковых; предпринимательская же прибыль представляется ему исключительно в виде плода тех функций, которые выполняет предприниматель при помощи капитала, как плод движения капитала и его процессов, которые кажутся предпринимателю его собственной деятельностью в противоположность к бездеятельности денежных капиталистов. Этот субъективный взгляд является необходимым результатом того факта, что всюду, где фактически даются в заем деньги, процент уплачивается неактивному заимодавцу, а остаток средней прибыли—предпринимателю, берущему взаймы (ср. III, I. стр. 359). Когда развиты обе характеристические маски—денежного капиталиста и действующего капиталиста, — то капиталист, являющийся своим собственным предпринимателем, видит соединение обеих в своем лице.

В форме процента, этой четвертой, высшей сферы экономики, стушевана противоположность капитала и наемного труда: капитал, приносящий проценты, противополагается, как таковой, не наемному труду, а действующему капиталу. „Приносящий проценты капитал, это — капитал, как собственность, в противоположность капиталу, как функции“ (III, 1, стр. 365). Существующий, но лишенный функций в руках собственника капитал получает свою функцию лишь в руках предпринимателя, берущего взаймы. Этому последнему предпринимательская прибыль представляется в виде заработной платы, он сам себя воображает рабочим.

Мы видим, таким образом, что в сфере рыночного товарищества, в республике равных, воспроизводится противоположность собственности и несобственности, хотя и в других формах. По необходимости в голове действующего капиталиста развивается такое представление, что его предпринимательская прибыль—только заработная плата, плата за надзор, высшая оплата, во-первых, потому, что она оплачивает сложную работу, а, во-вторых, потому, что собственник сам себе назначает заработную плату (III, I, стр. 368). Однако, прежде всего, процент есть отношение между двумя капиталистами, а не между капиталистом и рабочим, далее, этот надзор не является просто „работой“ и, наконец, плата за надзор отличается от предпринимательской прибыли [1]).

Крупные капиталистические предприятия имеют тенденцию отделить труд управления, как особое призвание человека, от владения капиталом. Капитал, приносящий процент, создает класс экономических управляющих, которые ни под каким титулом не владеют капиталом, подчиняясь ему, но которые исполняют все реальные функции, которые свойственны действующему капиталисту, как таковому. Эти управляющие экономически не являются наемными рабочими, но юридически они существуют по договору личного найма, имеющему весьма сложный характер. Этот смежный институт собственности, как оказывается, способен служить всем ступеням рабочей иерархии и совершенно отделить, таким путем, юридически, трудовой порядок от порядка

[1]) „Труд верховного надзора и руководства необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет форму общественно-комбинированного процесса, а не форму разъединенного труда самостоятельных производителей“ (III, 2, стр. 369). Вообще техническое руководство является общественно-необходимым трудом. Иначе—надзор управления, который проистекает из антагонизма между капиталистом и рабочим и относится к faux frais капиталистического способа производства, к его издержкам (ср. III, I, стр. 371).

владения. Только тогда, когда плата за надзор полностью выдана или отдельно вычислена, только в том случае, когда предприниматель сам же и управляющий, возможна та часть прибыли, которая составляет предпринимательскую прибыль.

Предпринимателю или действующему капиталисту теперь противостоит один лишь собственник, который не выполняет никакой экономической деятельности, но который играет свою роль в экономике, который не является ни рабочим, ни предпринимателем, ни фабрикантом, ни купцом, но который превыше все и вся, выше зависимых и республиканцев, выше производства и обращения!

Капитал, приносящий процент, конечно, не лишен в качестве объекта функций, лишен функций лишь субъект собственности, для которого его право означает лишь титул на получение процента, лишь средство присвоения стоимостей и продуктов без всякой индивидуальной функции. Для развитого общества капиталистов эта форма капитала является первоначально громадным завоеванием, для человеческого же общества в целом она, даже в своих самых мягких формах, это—лишь форма эксплоатации. „Даже в том случае, когда неимущий получает кредит в качестве промышленника или купца... он получает этот кредит в качестве потенциального капиталиста. И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство... укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему пополнять себя все новыми силами из его социальной основы“ (Ш, I, стр. 140).

В процентном капитале проявляется в чистом виде распределительное действие собственности, так как объект собственности в руках собственника абсолютно лишен функций и так как у него приходится выкупать за дань и по частному договору простую детенцию, предоставленную ему законом, для того, чтобы передать объект действующему детентору и сохранить его, таким образом, в движении: то, что общество сознательно предоставило прямым и суверенным актом, оно снова откупает обратно бессознательно, косвенно, путем частного договора: оно постоянно платит выкупную ренту и все-таки никогда не выкупает окончательно свое достояние. В том моменте, когда каждый предприниматель, даже действующий, не берущий взаймы, начисляет на каждую часть собственности процент, обнаруживает свое существование та общая дань, которую общество уплачивает своему же правовому творению (Rechtsgeschöpf). Если Аристотель называет орудие труда неодушевленным рабом, то про процент можно сказать: свободное общество живых стало данником своих мертвых рабов!

2. Не всегда и, прежде всего, не на первых ступенях капиталистического развития, действие приносящего процент

капитала безвредно, по крайней мере, в республике равных, среди самих капиталистов.

Приносящий процент капитал является в своей древней форме ростовщическим капиталом и принадлежит, вместе со своим „близнецом—купеческим капиталом—к допотопным формам капитала“ (Ш$_2$, стр. 132). В среде самостоятельных хозяев он действует, в случае своего преобладания, совершенно аналогично торговому капиталу.

„В эту эпоху ростовщик может поглотить в форме процента весь избыток (то, что впоследствии образует прибыль и земельную ренту) сверх необходимых средств существования производителя (сверх той суммы, которая впоследствии составляет его заработную плату)“ (ibid., стр. 134). „Ростовщический капитал в той его форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя, однако, самого способа производства, в которой существенной его предпосылкой является право собственности или владения производителя... в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный капитал,—такой капитал приводит к пауперизации данного способа производства... и в то же время увековечивает эти злосчастные отношения“ (Ш$_2$, стр. 135).

„Там, где средства производства раздроблены, ростовщичество централизует денежное имущество. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка“ (Ш$_2$, стр. 135). Из этого видно, что не каждая форма капитализма действует эволюционно, организующе. В особенности ростовщический капитал обладает способами эксплоатации капитала, не имея его производственных функций (ibid., стр. 137). Он создает социальные зависимые отношения (римское нехит по сравнению с которыми деспотизм фабрики кажется игрушкой.

Развитие кредита с его многочисленными, отчасти новыми правовыми и хозяйственными институтами совершается в качестве реакции промышленного и купеческого капитала против ростовщичества. Кредит, это—не более и не менее, как подчинение приносящего процент капитала условиям и потребностям капиталистического способа производства. Не общество людей в целом использует, следовательно, здесь одну из форм капитала, а общество капиталистов для себя придает ей общественный характер в кредитных организациях. В общем и целом приносящий процент капитал приспособляется в современной кредитной системе к условиям капиталистического производства и его матадоров-капиталистов.... Но „капитал, приносящий процент,

сохраняет форму ростовщического капитала, поскольку дело идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства; таковы займы на личные нужды, напр., в ссудной кассе; ...когда производитель является производителем некапиталистическим, как, напр., мелкий крестьянин, ремесленник и т. д..., наконец, и тот случай, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами" (ср. $Ш_2$, стр. 139). Даже в том случае, когда эти последние категории ограничивают ростовщический капитал путем создания товарищеского кредита, все же ростовщический капитал остается процентным капиталом, остается капиталом по существу, хотя, как мы еще увидим, в форме, способной к дальнейшему развитию. Ибо „отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги... образуют основу, от которой кредитное дело по самой природе своей никогда не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на средства общественного производства (в форме капитала и земельной собственности). что сама она, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны, движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм. Банковая система со стороны ее организационных форм и централизации... представляет самое искусное и совершенное произведение, к какому вообще способен капиталистический способ производства... Банковое дело создает несомненно форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форму ($Ш_2$, стр. 145 сл.). Начиная с мельчайшей райфейзеновской кассы и кончая национальным банком, приносящий процент капитал остается, даже если его функциям придается общественный характер, все еще частным капиталом и не присваивается просто обществу, а оказывается в общем распоряжении класса капиталистов, т.-е. частичного общества в пределах целого общества,—за дань, которая все еще берется из карманов рабочих, все равно носят ли они простую характеристическую маску наемного рабочего или двойную маску самостоятельного производителя.

Если, таким образом, сохраняется нерушимой капиталистическая функция объекта собственности, даже в форме товарищества и общества, то все же собственник, как таковой, совершенно обнажается развитием процентного капитала и ассоциаций: капиталист, отдающий в рост, перестает сам заведывать процентным капиталом, сам отдавать его взаймы. он депонирует его в банках, помещает в акцио-

нерных компаниях и т. д. Каждая функция исполняется лицами, нанятыми по договору личного найма, остается—в тех случаях, когда развитие достигло этой степени,—„только агент и исчезает из процесса производства капиталист, как лишняя личность" (III_1, стр. 374).

В капитале, приносящем процент, капиталистическое отношение достигает наиболее крайней и фетишеобразной формы. Капитал представляется в виде мистического и самотворческого источника процента. Вещь теперь просто, как вещь, сама по себе является капиталом... Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе (III_1, стр. 377). Собственность сведена к простому юридическому титулу. Субъект собственности хозяйственно не управляет объектом ни путем труда, ни путем другой функции; собственник осуществляет свое право лишь путем отдачи на время своего объекта, путем его отчуждения, он использует его, не пользуясь им; он—собственник—передает свой объект во временную собственность другого, он—собственник—перестает быть собственником и удовлетворяется титулом обязательственного требования, он экспроприирует самого себя за дань и признает, таким образом, необходимость своей экспроприации, своей социальной бесполезности. В той же роли перед нами встает и другая характеристическая маска, земельный собственник.

4. Собственность на землю и соединенные с нею институты.

1. Аренда и наем. Земельная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара, как исключительными сферами их личной воли [1]), с устранением всех других (III_2, стр. 154). Юридическая власть этих лиц, их власть употреблять части земного шара и злоупотреблять ими, ничего не даст нам. Употребление всецело зависит от экономических условий, независимых от воли этих лиц (ibid., стр. 155). Правовой институт, как волевое отношение, является пустой формой, и лишь осуществление права, лежащее за пределами нормы, наполняет ее содержанием.

Личность, которая является земельным собственником, выступает обыкновенно еще в различных других функциях

---

[1]) Послушайте дифирамб земельной собственности: „Собственнику принадлежит поверхность земли и все, что находится над и под ней; его господство простирается до центра земли и до самого неба" (Гестердинг, цитирован у Крайнца, „Система австрийского общего частного права", 3 изд., I, стр. 537).

и, наоборот,—многие лица, не являясь собственниками, имеют дело с почвой и землей. Несвободный владелец сельского peculium'а в древнем Риме имел функции земельного хозяина, хотя он был рабом, следовательно, даже не был личностью, не говоря уже о собственности.

С другой стороны, над полноправным собственником стоит государство, которое при всех формах правления обладает суверенитетом над территорией. Чтобы установить функции земельной собственности, следует отнять от земельного собственника все, что не имеет своим источником титул собственности, как таковой, а составляет какую-либо его личную функцию. Такое исследование было бы невозможно, если б экономическое развитие нигде не порождало чистого, лишенного функций собственника. „Один из великих результатов капиталистического способа производства заключается в том... , что он... вполне освобождает земельную собственность от отношений господства и подчинения, а с другой стороны совершенно отделяет землю, как условие труда, от земельной собственности и земельного собственника... Так, собственность на землю получает чисто экономическую форму" ($Ш_2$, стр. 156). От этой последней и следует исходить даже и там, где нет земельного собственника, который не обрабатывал бы самостоятельно своей земли, где всегда в одном лице соединялось несколько функций. Промежуточные формы не могут быть поняты без отнесения их к элементарным типам.

Функция земельной собственности представлена в чистом виде в землевладельце, сдающем в аренду свою землю; земельная рента есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, используется: соответствующими институтами являются договоры аренды и найма, которые отличаются от займа уже тем, что отданная вещь остается в собственности отдающего, несмотря на отчуждение владения (Detention) [1]).

Однако, аренда и наем—не единственное отношение, в котором проявляется и выделяется рента. Юридически земельная собственность представляет власть распоряжения над частью земного шара, экономически это—титул на ренту. Арендное отношение выявляет свою юридическую форму в связи со своей экономической функцией: земельный собственник получает ренту.

---

[1]) То обстоятельство, что отданная в заем вещь переходит в собственность заемщика, проистекает исключительно из экономической природы объекта: в займе берется известное количество заменимых вещей, преимущественно денег, т.-е. вещей без экономической индивидуальности. Следовательно, ненужно и юридически невозможно возвращение тех же самых индивидуальных вещей.

Выше мы сказали, что собственность в общем и целом обладает детенторной функцией, т.-е. что она обеспечивает за хозяйствующим объект хозяйства. Отношение аренды, однако, передает объект во владение не собственника, отнимает, следовательно, у собственности детенторную функцию [1]. Мы исходим, таким образом, здесь от этой чистой формы земельной собственности (собственность на городскую землю, реализуемая путем найма, в общем имеет те же функции).

Земельная собственность, как таковая, не имеет теперь производственных функций, она действует чисто распределяюще. Она дает собственнику возможность присвоить себе реализированную арендатором добавочную прибыль. Удельные князья земного шара „таким образом прибирают к своим рукам результат общественного развития, получающийся без всякого содействия с их стороны—fruges consumere nati". ($Ш_2$, стр. 159). Что сама почва вовсе не должна обязательно производить плоды для того, чтобы давать ренту, видно из факта существования городской земельной ренты. Общество, которое одно лишь дает титул собственности, должно и здесь выкупать его обратно от своего собственного творения—землевладельца, частями и на время, в форме уплаты ему дани—ренты. Однако „земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства" (ibid., стр. 162).

Прежде всего, каждый пригодный для обработки участок земли занят и ассимилирован. Это завладение и приспособление требует помещения капитала в землю. Если рента составляет дань собственнику земли, собственнику земельного вещества terre-matière, то арендатор должен, поместив свой капитал в земле, строениях, мелиорациях, начислять себе по законам капиталистического распределения проценты на этот помещенный в земле капитал, на эту terre-capital. Собственность на строения, однако, и наем городских квартир ясно показывают „различие между собственно земельной рентой и процентом на вложенный в землю основной капитал". Далее, аренда и наем показывают, что чужой капитал, помещенный в земле, „в конце-концов достается землевладельцу и вследствие этого его рента увеличивается процентом" (ibid., стр. 161), ибо уходящий арендатор, суперфициарий, отчасти также наемщик оставляют собственнику земли и дома la terre-capital. Так как это, однако, нарушает законы капиталистического присвоения, то арендатор-капиталист, по возможности, избегает всяких улучшений; таким образом земельная собственность представляет

---

[1]) Арендатор и юридически пользуется защитой владения.

собой предел не только для рациональной агрикультуры, но также на высшей ступени развития для капиталистического способа производства, по необходимости зависящего от агрикультуры.

Распоряжение землей и почвой является необходимым условием земледельческого труда, а также вообще всякого труда, так как всякое производство требует известного постоянного места. Если земельная собственность не находится в руках предпринимателей и рабочих, то аренда и наем являются единственной для них возможностью получить владение землей, они должны арендовать и нанимать, даже, быть может, тогда, когда за вычетом арендных денег и наемной суммы остаются прибыль или заработная плата, далеко отстающие от средней нормы в данной стране. Таким образом возможно, что, кроме причитающегося собственнику земельного чинша, в арендной и наемной плате отчасти будет заключен также вычет либо из средней прибыли, либо из нормальной заработной платы, либо из той и другой одновременно. Тогда земельная собственность реализует не только причитающуюся ей ренту, но присваивает себе процент, среднюю прибыль и заработную плату, без передачи капитала, без предпринимательской деятельности, без труда. Ибо „если фермер уплачивает арендную плату, представляющую вычет из нормальной ли заработной платы его рабочих, из его ли собственной нормальной средней прибыли, то он не уплачивает никакой ренты“, хотя он и платит арендные деньги (ibid., стр. 288).

Вся земельная рента, получается ли она в форме аренды или наемной платы, является прибавочной стоимостью, продуктом общественного прибавочного труда. Однако земельная собственность, во-первых, не всегда довольствуется нормальной частью его—она забирается в карманы капиталистов и берет оттуда часть средней прибыли; во-вторых, она не всегда довольствуется прибавочной стоимостью—она затрагивает переменный капитал и сокращает заработную плату рабочего; в-третьих, она себе присваивает заключающийся в земле постоянный капитал. Земельная собственность получает, следовательно, сверх-доход из социального трудового и аккумулятивного фондов, подрывая, с одной стороны, благосостояние современного человеческого поколения, с другой стороны—материальное его развитие.

Распределительная функция земельной собственности, превращая ее лишь в титул для получения ренты, далеко не исчерпывает ее социального действия, в особенности что касается городской земельной собственности и найма квартир. Однако, мы должны ограничиться здесь рассмотрением самых общих функций и указываем лишь, что жители городов в настоящее время почти совершенно экспро-

прировавы от собственных квартирных и производственных помещений, являясь, таким образом, частично лишенными собственности, как бы велика ни была их имущественная состоятельность.

2. Ипотеки. Они представляют одну из самых трудных проблем экономического анализа, так как здесь странным образом собственность комбинируется как титул на получение процента с титулом на получение ренты. В то время как там, где преобладает в стране отношение аренды, земельная рента обыкновенно поглощает процент, terre-capital поглощается terre-matière, в других странах, наоборот— процентный капитал подчиняет себе земельную собственность и порождает неразрывно связанные с ростовщичеством явления: экономическое окостенение и обнищание. Капитал сливается по своей юридической форме совершенно с землей, титул на получение процента превращается из обязательственного притязания, из договора аренды в право, равное вещному (ипотека) и готов в каждый момент, путем публичного торга, сам превратиться в земельную собственность.

То, что вытекает из анализа чистой земельной собственности, действительно также для земельной собственности в ее промежуточных формах. В странах и отдельных областях, в которых по исторической традиции преобладает среднее землевладение, земельный собственник является одновременно своим собственным арендатором; там, где преобладает мелкое землевладение, он—одновременно собственник, арендатор и рабочий. Могло бы казаться, что он здесь выигрывает в одной характеристической маске то, что он теряет в другой, и это действительно так, но это продолжается лишь до тех пор, пока с началом капиталистического развития собственность не перейдет к другому собственнику путем наследства или купли. Доход, извлекаемый из чистой земельной собственности, независимо от того, состоит ли этот доход из одной ренты или из процента, из части средней прибыли, из части заработной платы или представляет собой mixtum compositum этих элементов, является основанием для исчисления продажной цены земли по обычной процентной норме. В уплаченной покупной сумме сельский хозяин платит наперед этот капитализированный доход. Итак, затрата денежного капитала на покупку земли не есть приложение земледельческого капитала. Она является pro tanto сокращением того капитала, которым могли бы располагать мелкие крестьяне в сфере самого производства" (III_2, стр. 345).—Возможны три случая: 1. Крестьянин имеет при вступлении во владение всю купчую сумму, а также необходимый оборотный капитал. В этом случае, пожалуй, выравниваются его три характеристических маски в качестве

собственника, предпринимателя и рабочего, он выигрывает в качестве собственника то, что теряет как предприниматель и рабочий. 2. Крестьянин не имеет купчей суммы, он ее занял, но имеет оборотный капитал. Тогда он является собственником юридически, но не является таковым экономически, его собственность—не титул на получение ренты, он экономически экспроприирован процентным капиталом, он лишь детентор от имени процентного капитала. Конечно, почти никогда не кредитуется вся купчая сумма, а при наследовании вступивший во владение всегда получает некоторую часть земли. Следовательно, сказанное всегда касается pro rata части купчей суммы, или, соответственно, суммы, необходимой для удовлетворения уступающих братьев и сестер. Таким образом ипотечный кредитор является экономически собственником (т.-е. по титулу на получение ренты), самостоятельный же хозяин—юридически собственником; последний есть также и детентор; отношение представляет не что иное, как противоположность тому арендному отношению, при котором юридический собственник является таковым и экономически, при котором арендатор в то же время и детентор, и производитель. 3. Крестьянин имеет купчую сумму, но не имеет оборотного капитала. Он берет его взаймы также под ипотеку; таким образом, ex post устанавливается то же самое отношение, как и в п. 2. Ипотека и аренда, следовательно, представляют не что иное, как две разные формы одной и той же вещи.

Где нет еще крупной земельной собственности и поскольку ее нет, ее роль играет капитал, приносящий проценты, который автоматически, в смене поколений, присваивает себе ренту. Мы уже знаем, что приносящий проценты капитал при исполнении такой функции не развивает способа производства, а приводит к закостенению его и паразитически к нему присасывается. „Парцеллярная собственность по своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупном масштабе, возрастающее приложение науки“ (III_2, стр. 339).

Поэтому земельная собственность, безразлично крупная ли или мелкая, не только антисоциальна, но она препятствует даже капитализму превратиться из его допотопных форм торгового и ростовщического капитала в промышленный капитал; она препятствует общественному развитию вообще, по крайней мере до тех пор, покуда ее не преодолеет капиталистическая аккумуляция или покуда не парализует ее вреда ассоциация производителей—для самой себя.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Капиталистическая собственность и ее функции.

1. Экспроприация и присвоение.—Изменение функций собственности.

1. Развитие капитализма, насколько мы его до сих пор знаем, влечет за собой, прежде всего, далеко идущую дифференциацию объектов собственности: старое право наследственной собственности (Erb und Eigen) представляло собой совокупность всякого рода объектов собственности с единым общим характером функций; эта собственность в виде общего правила включала в себе участок земли с принадлежащими к нему строениями, необходимое количество орудий труда, предметов потребления, товаров и денег. Совокупность всех этих вещей сосредоточивала в руках субъекта права все средства труда и жизни и обеспечивала ему почти полную независимость; эта совокупность имела всегда единую юридическую судьбу—она переходила к новому субъекту права как между живущими, так и по случаю смерти, как единый объект права.

Теперь же каждая часть—земля, дом, орудия труда, товар, деньги—имеет свою особую судьбу, выполняет особые функции. До сих пор совокупность была едина через единую личность собственника: ее распадение обыкновенно возможно было только вследствие частичной экспроприации собственника, он сам носит в большинстве случаев одну единственную характеристическую маску и сохраняет блага лишь одного сорта. Освобождающиеся части целого приобретаются другими. Но так как он их отчуждает в частноправовой форме, то он сохраняет их стоимость в денежной форме, увеличивает, таким образом, свое специальное производство. Если не считать потерь в стоимости, связанных с этой дифференциацией и специализацией производства, то собственник получает в результате только другие, специализированные блага, но обладающие той же самой стоимостью, составляющие равновеликое имущество. Он—специалист: фабрикант, купец, рантье, земле- и домовладелец, арендатор и т. д., но он не становится от этой операции обязательно более бедным или более богатым,—все дело сво-

дится только к процессу дифференциации объектов собственности. Экспроприация и аппроприация дополняют и покрывают друг друга, получается лишь смена субъектов и передвижение объектов, нет необходимости в изменении стоимости. Если последнее и происходит, то не вследствие отчуждения и приобретения, когда передаются взаимно лишь эквиваленты. Уменьшение и уничтожение стоимостей имеют место не как результат правовой сделки; причины этих явлений другие, правовая же сделка только оформляет их.

В наше время, однако, каждый объект собственности специализирован и приобретает специальные функции, он стал, как мы показали, в руках собственника последовательно титулом власти, прибыли, процента, дохода [1]), ренты. т.-е. он стал капиталом или подобием капитала. Следовательно, объект права собственности представляет собой промышленный, торговотоварный, денежноторговый, процентный капитал или землю (чистую, лишенную функций земельную собственность) и обладает в каждом из этих видов различными функциями, которые сообщают собственнику дифференцированную характеристическую маску. Одновременно правовой институт собственности теряет свою самостоятельность и свою самодовлеющую роль, он проявляет свою функцию только в постоянной связи с другими правовыми институтами, в то время как простой товаропроизводитель имел непосредственное отношение к вещи, как отдельная личность, без вмешательства третьих лиц. Путем этой типичной связи со смежными институтами: собственность—договор личного найма, собственность—договор купли, собственность—заем, собственность—аренда и т. д., одна и та же вещь поступает отчасти в фактическое, отчасти в правовое владение целого ряда индивидуумов; вещь, юридически состоящая в частном обладании, фактически становится общей, общественной вещью, к которой имеют доступ большее или меньшее количество людей технически и все общество через посредство рынка—экономически. Простая вещь становится социально многозначащей, становится носительницей различных социальных отношений, зеркальным шаром, в котором отражается окружающий мир людской; волшебной губкой, которая впитывает пот и слезы и выжимает золотые капли.

Это отношение к множеству индивидуумов приводит к дифференциации функций вещи, в зависимости от того, кто ею владеет: участок земли одновременно представляет для рабочего орудие труда, для арендатора—титул на получение прибыли, для собственника—титул на получение рен-

---

[1]) Сокращенно вместо предпринимательского дохода.

ты, для ипотечного кредитора—титул на получение процента; вообще говоря, объект собственности является для наемного рабочего не чем иным, как техническим орудием труда, которое ему ничего не дает, а, напротив, извлекает из него стоимость; для юридического же собственника объект собственности является общим титулом на получение прибавочной стоимости; в руках несобственника он имеет производственную функцию, а в руках собственника—чисто распределительную функцию. Эта распределительная функция является неотторжимой функцией собственности, титул на получение прибавочной стоимости есть общая капиталистическая функция объекта собственности. Поскольку завершено капиталистическое развитие—собственность представляет собой капитал всегда и при всех обстоятельствах.

В то время как материальная функция прочна и неизменна, юридическая форма бывает изменчива. Юридический собственник, т.-е. тот, который юридически обладает абсолютной властью над вещью, не всегда и не обязательно реализует в свою пользу титул на прибавочную стоимость, т.-е. ее капиталистическую функцию. Так как вещь связана со множеством лиц, то получает значение не столько их юридическое отношение к вещи, сколько их экономическая зависимость друг от друга. Так, например, ипотечный веритель, купец и т. д. могут присвоить себе всю прибавочную стоимость, не будучи юридически собственниками, — даже можно себе представить, что в исключительном одном случае рабочие какого-либо предприятия смогут временно отвоевать у предпринимателя всю прибыль [1]). Юридическая форма здесь совершенно беспомощна по сравнению с силой соответствующего ей экономического субстрата. Таким образом может получиться такое странное положение, при котором капиталистическая функция, составляющая экономическую сущность собственности и образующая, так сказать, теперь ядро собственности, или, говоря короче, экономическая собственность не обязательно совпадает с юридической и даже во многих случаях совершенно совпадать не может [2]).

---

[1]) Предположим такой случай, что предприниматель юридически обязался к поставке товаров в короткий срок по твердым ценам с большой неустойкой; рабочие проведали эту конъюнктуру и вынуждают у него чрезвычайно высокую заработную плату.

[2]) Я вполне понимаю, что выражение „экономическая собственность" заключает в себе противоречие и может на первый взгляд смутить: оно заключает в существительном юридическую категорию, которая в прилагательном опять отрицается. Все-таки, я это выражение употребляю, так как оно выражает противоречие фактического развития: в исходной точке капиталистической эпохи собственность является одновременно как

2. Итак, мы имеем налицо новый объект собственности — капитал; мы знаем то развитие, в результате которого возникла его экономическая функция. Если мы проследим изменения функций до их завершения, то теперь возникает вопрос о том, каково постоянное действие этих функций в развитом капиталистическом обществе. Спрашивается, имеют ли эти функции в себе силу постоянно воспроизводить себя и, несмотря на свой подчас антисоциальный характер, допускать возможность постоянного воспроизводства общества. Ответ покажет нам, что экспроприация и аппроприация, потеря и приобретение собственности сами изменяют свой характер в развитом капиталистическом обществе. В постоянном воспроизводстве капиталистического отношения определенным образом усиливается капиталистическая функция собственности.

Собственность распределяет, как мы видели, автоматически общий годовой продукт между агентами производства без прямого вмешательства центральной общественной воли. Блага, как объект собственности, постоянно переходят из рук в руки в общем процессе производства, покуда они не застрянут в одной из рук, не перейдут к одному индивидууму, чтобы ближайшим образом остаться в его распоряжении. Часть общего годового продукта, трудовой фонд, перешла к рабочей силе, остаток объектов осел на объектах собственности. Этот осадок отнюдь не является еще сам по себе приростом количества продуктов. В процессе производства постоянный капитал должен быть воспроизведен так же, как фонд труда, который опять с своей стороны воспроизводит рабочий класс. Постоянный и переменный капитал по меньшей мере должны быть воспроизведены, и то количество продуктов, которое для этого достаточно, является необходимым продуктом общественного труда. Необходимый продукт гарантирует лишь простое воспроизводство, он не дает капиталисту дохода, так как последний проистекает

техническим пользованием естественной субстанцией блага, так и распоряжением его стоимостью, при чем эта последняя превращается в капитал. Эти два вида распоряжения могут расколоться: арендатор и наемный рабочий распоряжаются объектом собственности только естественно-технически, а отдающий в аренду и фабрикант — в его функциях стоимости и капитала. Эта последняя функция создается и характеризуется тем фактом, что все блага находятся в чьей-либо собственности; как раз эта экономическая функция является специфической функцией собственности и сохраняется в руках капиталиста даже тогда, когда благо юридически переходит в собственность другого, если только капиталист сохраняет связь с благом посредством юридической сделки (заем, поклажа и т. д.). Справедливо можно капиталиста назвать „экономическим собственником“, так как он осуществляет специфические функции собственника; этим однократно выражается результат противоречивого развития. То же самое касается употребляемых в дальнейшем выражений „экономическая экспроприация и аппроприация“.

лишь из общественного прибавочного продукта. Эта прибавочная стоимость или этот прибавочный продукт распределяется в капиталистическом обществе, как показано, между капиталистами как дивиденд пропорционально той доле, которая принадлежит каждому в общественном капитале. В этом виде прибавочная стоимость выступает как средняя прибыль, достающаяся капиталу, средняя прибыль, которая, в свою очередь, распадается на предпринимательский доход и процент, и которая в каждой из этих двух категорий может достаться различного рода капиталистам. Это присвоение и распределение прибавочной стоимости, соответственно величине прибавочного продукта, капиталом, находит, однако, свою границу в земельной собственности. Как функционирующий капиталист выкачивает из рабочего прибавочный труд, а вместе с тем, в форме прибыли, прибавочную стоимость и прибавочный продукт, так земельный собственник в свою очередь выкачивает из капиталиста часть этой прибавочной стоимости или прибавочного продукта, в форме ренты, согласно раньше изложенным законам (III_2, стр. 355 и 356).

Вообще говоря, собственность является, таким образом, титулом на присвоение прибавочной стоимости; однако, поскольку в социалистическом обществе не может быть права на полный заработок, постольку и в капиталистическом обществе не может быть права на полную прибавочную стоимость. Титул на присвоение прибавочной стоимости принимает формы титула на прибыль, титула на процент, на предпринимательскую прибыль и на ренту. Ни один из этих титулов не является абсолютно прочным, не имеет твердых, неподвижных границ; так, напр., мы видели, что титул на присвоение процента может поглотить прибыль и ренту и т. д. Собственность воспроизводит таким способом не только рабочий класс, но и класс капиталистов, реализующий для себя титул на прибавочную стоимость.

В качестве периодического прироста капиталистической стоимости прибавочная стоимость получает форму дохода с капитала. Если этот доход служит капиталисту только в качестве потребительного фонда, то мы имеем простое воспроизводство (I, стр. 529). Но капиталист не только не желает, но и не всегда в состоянии проесть весь свой доход, он снова вкладывает бо́льшую или меньшую часть дохода в производство и выполняет таким образом функцию расширения общественного процесса производства и воспроизводства. В качестве частного лица он, таким образом, выполняет задачу, которую сознательно выполняет целое общество в интересах всего общества при господстве других общественных форм. Это частичное превращение прибавочного продукта обратно в условие расширенного производства, так называемая аккумуляция (накопление), представля-

ет собой явление, свойственное производству вообще, но не всегда и не обязательно оно происходит в капиталистических формах: „В самых различных общественно - экономических формациях происходит не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширяющихся размерах, правда, в различной степени. Прогрессивно возрастает производство и потребление, и, следовательно, большое количество продукта превращается в средства производства. Но этот процесс не является накоплением капитала и не составляет поэтому функции капиталиста“ (I, стр. 561) [1]).

Эту функцию накопления берет на себя собственность и только благодаря этому и приобретает определенно революционный характер. Не в качестве потребителя прибавочной стоимости, не как человек, „живущий и дающий жить другим“, не как прославленный герой мелкой буржуазии и служилого класса, не как „истый дворянин“ исполняет собственник функции капиталиста. „Лишь постольку, поскольку капиталист представляет олицетворенный капитал, он имеет историческое значение... Лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования заключается в преходящей же необходимости капиталистического способа производства. Но постольку же и побудительным мотивом его действий служит не потребительная стоимость и потребление, а меновая стоимость и ее увеличение. Как фанатик возрастания стоимости, он беспощадно принуждает человечество к производству ради производства и, следовательно, к развитию общественных производительных сил и к созданию материальных условий производства, которые одни только и могут составить реальное основание более высокой общественной формы. Только как олицетворение капитала капиталист заслуживает почтения.—Поскольку, следовательно, все его действия и все его бездействие составляют лишь функцию одаренного в его лице волей и сознанием капитала, его собственное личное потребление представляется ему посягательством на накопление капитала“ (I, стр. 555 сл.).

Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, в постоянный и переменный, одновременно в фонд производства и рабочий фонд, называется, следовательно, накоплением (аккумуляцией) капитала (I, стр. 542). Это накопление требует все новых сфер применения капитала: если капитал ищет своего применения в колониях, на мировой арене, то этим, повидимому, аннулируется его функция рево-

---

[1]) Накопление не равносильно сбережению. Сбережение, это—либо „расчетливость“, т.-е. разумное распределение доходов на известный промежуток времени, т.-е. образование потребительного фонда, или это—„аккумуляция“, т.-е. обратное превращение в капитал в целях расширенного производства. Рабочие могут и должны также сберегать, но аккумулировать же (накоплять) они не могут.

люционизирования производства в метрополии, он ограничивается функциями национального торгового и процентного капитала, сохраняя и даже способствуя окаменению устарелых форм производства. Торговый и процентный капитал, конечно, также накопляют, но пределы эксплоатации, напротив, для них строго ограничены, так как они сами не повышают производительной силы труда. Они могут накоплять только в новых сферах эксплоатации. Рано или поздно, следовательно, они снова должны превратиться в промышленный капитал и совершить революцию в отсталых отраслях производства. Так как европейскому и северо-американскому капиталам в настоящее время открыт в качестве сферы приложения весь мир—Африка и Азия, то вполне понятно, что основные страны капитализма и все отрасли производства местного и национального характера пользуются в известной мере периодом передышки. Мы экспортируем постоянно большую часть нашего фонда накопления и вдобавок накопленную вместе с тем рабочую силу. Если б за последние пятьдесят лет не происходил этот отлив, то Европа была бы в настоящее время социалистической республикой.

Вся эволюционизирующая сила собственности проявляется лишь в ее функции накопления.

3. Вот эта-то последняя функция и доводит до конца экспроприацию прежней мелкобуржуазной собственности, и она проделывает это не вопреки праву, а на основе права простого товаропроизводства, на основе правомерных договоров и правомерной собственности. Простое присвоение при одновременном потреблении прибавочной стоимости не вызвало бы непременно перемен в области имущественных отношений; напротив, накопление совершает это в силу необходимости. Лишь благодаря накоплению переворот в функциях собственности при неизменности правовых форм становится фактом, очевидным для всех.

„Поскольку каждая единичная сделка постоянно соответствует закону товарного обмена, капиталист постоянно покупает рабочую силу, а рабочий постоянно ее продает..., постольку, очевидно, закон присвоения им частной собственности, покоющийся на товарном производстве и товарном обращении, в силу своей собственной, внутренней, неизбежной диалектики превращается в прямую свою противоположность... Постоянная купля и продажа рабочей силы, это—форма. Содержание же состоит в том, что капиталист постоянно обменивает часть чужого, уже овеществленного труда, присвоенного им без эквивалента, на большее количество чужого живого труда. Первоначально право собственности являлось основанным на личном

труде... Теперь же собственность для капиталиста является правом присвоения чужого неоплаченного труда или его продукта, для рабочего же она означает невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходной точкой которого было, повидимому, их тожество.

Какой бы злой насмешкой над первоначальными законами товарного производства ни казался капиталистический способ присвоения, все-таки он вытекает не из нарушения этих законов, а, наоборот, из их применения“ (I, стр. 546 сл.).

Мы видели, что не всякая форма капитала, в частности, что не торговый и не ростовщический капиталы сами присваивают себе средства производства; мы видели, что процентный капитал может оставить в силе юридическую поземельную собственность, овладев тем не менее ею экономически, т.-е. овладев титулом на присвоение ренты. В наше же время капитал, как таковой, присваивает себе весь общественный прибавочный продукт, и этот прибавочный продукт он, на определенной ступени развития, не может присвоить без экспроприации и без растущей эксплоатации наемных рабочих. Пусть это развитие происходит медленно или временами не столь интенсивно, распространяясь лишь экстенсивно в пространстве,—оно совершенно неизбежно. Это же развитие изменяет шаг за шагом все функции собственности, не изменяя ее юридически.

Это капиталистическое присвоение (аппроприация) [1]) является главным пунктом марксовой критики собственности, главным рычагом капиталистического развития, а не экспроприация (юридическая [2]).

---

[1]) „До тех пор, пока при каждом акте обмена, взятом в отдельности, соблюдаются законы обмена, способ присвоения может претерпеть полный переворот, нисколько не нарушая права собственности, свойственного товарному производству. Это самое право остается в силе, как в начале, когда продукт принадлежит производителю, который... может обогащаться лишь своим собственным трудом, так и в капиталистический период, когда общественное богатство в постоянно возрастающих размерах становится собственностью тех, которые в состоянии постоянно присваивать себе неоплаченный труд других людей...

По мере того, как товарное производство, в силу своих имманентных законов, развивается в капиталистическое производство,—законы собственности, свойственные товарному производству, также превращаются в законы капиталистического присвоения“ (I, стр. 550, сл.).

[2]) С юридической точки зрения присвоение является приобретением собственности. Собственность приобретается не только путем купли, но также посредством оккупации, давности владения, с п е ц и ф и к а ц и и, извлечения плодов и т. д. Присвоение (аппроприация) совершается, таким образом, лишь отчасти посредством одновременной э к с п р о п р и а ц и и, посредством деривативного приобретения собственности. Фабрикант, который заставляет рабочих превращать кожу в обувь, присваивает эту последнюю с юридической точки зрения в качестве fructus civiles своего предприятия; присвоение здесь представляет собой с юридической точки

Наемный рабочий, который в одинаковой мере лишен собственности как до, так и после трудового процесса, юридически не экспроприируется; он ставится лишь в такое положение, при котором он не может ни приобретать (апроприировать), ни накоплять (аккумулировать). Центр тяжести лежит, следовательно, в капиталистическом способе *присвоения*, а не в юридическом *отчуждении*. Это последнее происходит лишь постольку, поскольку, во-первых, тенденция присвоения подрывается благодаря недостатку наемных рабочих, или, во-вторых, имеется необходимость в изыскании новых сфер для накопления (аккумуляции). Ибо: „Подобно тому, как простое воспроизводство постоянно воспроизводит экономическое отношение, именуемое капиталом, капиталистов на одной стороне, наемных рабочих—на другой, точно так же расширенное воспроизводство или накопление воспроизводит названное отношение (капитал) в более широких размерах, т.-е. *больше капиталистов, или более крупных капиталистов на одном полюсе и больше наемных рабочих—на другом*“ (I, стр. 578).

В капиталистическом обществе юридическое отчуждение никогда не является *отчуждением стоимости*, независимо от того, производится ли оно государством в порядке закона или капиталистом на почве конкуренции. Экспроприируемый сохраняет в своих руках стоимость вещи—экономическую собственность, он отдает лишь вещь в натуре. Если концентрация предприятий совершается путём экспроприации капиталиста капиталистом (I, стр. 590),—а мы в следующем параграфе увидим, что такая экспроприация является лишь *одним* из специальных случаев взаимного притягивания капиталов, и, быть может, даже не самым важным,—то предприятия совершенно мирным образом ликвидируются, или, чаще, вынуждаются путем конкуренции к слиянию с более сильными.

Здесь конкуренция разрушает стоимость предприятия *в руках собственника* еще до того, как он хочет или может совершить отчуждение его. *Юридически собственник не экспроприируется*, а его *собственность обесценивается*, следовательно, здесь, прежде

зрения *извлечение плодов* (Fruchtziehung), которое юридически рассматривается как основной источник присвоения. Ни один юрист не увидал бы в этом экспроприации. С исторической и экономической сторон дело представляется иначе: рабочий собственник присваивает себе в простом товарном производстве весь трудовой доход, состоящий из возмещения стоимости и прибавочной стоимости (заработная плата и прибыль); теперь же, в качестве рабочего несобственника, он теряет прибавочную стоимость (доход) и отдает ее не работающему собственнику; таким образом исторически и экономически оправдывается терминология Маркса. Экономически прибавочная стоимость экспроприируется предпринимателем у рабочего. В этом смысле надо понимать подобные же выражения Маркса.

чем происходит юридическая экспроприация, имеется налицо депрециация (сокращение стоимости). Правда, обесцененные остатки становятся затем полностью оплаченной, часто также переплаченной, но всегда легкой добычей экспроприатора. Эта аннексия капиталов (названная так Марксом) отнюдь не является с его точки зрения, как это себе представляет „теория пожирания“ (Fresslegende), главной формой накопления капиталов. Однако каждое изменение в технике производства постоянно сопровождается сокращением стоимости капиталов с низшими органическим составом, сокращением стоимости предприятий с устаревшей техникой. Эти последние еще долгое время могут находиться в юридической собственности их владельцев, прежде чем они будут побеждены конкуренцией, юридически может сохраниться отношение между субъектом и объектом права собственности, даже могут не состояться экспроприация и аннексия: развалины производства—оставленные, развалившиеся доменные печи и т. д.—умножаются на-ряду с развалинами замков.

Однако поскольку нетрудно отчетливым образом отличать юридическую собственность от экономической (ибо юридическая собственность относится к вещи in natura, экономическая же собственность касается вещи, как носителя стоимости, как предмета с капиталистической функцией), то необходимо поставить рядом с юридической экспроприацией также и экономическую. И именно эту последнюю, т.-е. сокращение или уничтожение капиталистической стоимости, Маркс и имеет в виду, когда говорит об экспроприации: когда объект собственности отчуждается, следовательно, юридически экспроприируется и аппроприируется, то, конечно, в среднем происходит лишь обмен эквивалентов, но экономическая экспроприация в виде депрециации (сокращения стоимости) уже давно совершилась, а теперь она лишь реализуется, становится очевидной и измеримой. Капиталистическое развитие отделяет как в самой собственности, так и при отчуждении ее правовую форму от экономической сущности.

Но как бы ни обстояло дело с капиталистическим отчуждением, способ капиталистического присвоения, который имеет несравненно бо̀льшее значение, развивается постоянно вширь: хотя ни имущество, ни предприятия не концентрированы еще в общем масштабе, однако, уже теперь подавляющее число людей—даже из имущих классов—извлекает все растущую долю своих доходов не из собственности, а из отношений заработной платы и жалованья. С каждым днем человек все больше становится „рабочей силой“, и его собственнические интересы отступают перед интересами труда.

Бесчисленные промежуточные маски получают все более единый характер; черты получающего заработную плату количественно подавляют черты присваивающего стоимость.

2. Аккумуляция капиталов и ассоциация.

Превращение присвоенной прибавочной стоимости в капитал совершается в различных формах. Капиталы в одном и том же индивидуальном предприятии накопляются путем его расширения. Рядом с этим от первоначального капитала откалываются куски, которые функционируют, как новые самостоятельные капиталы. Большую роль при этом играет, между прочим, раздел имуществ в семьях капиталистов. „С накоплением капитала возрастает поэтому более или менее число капиталистов" (I, стр. 589 сл.). Расщепление накопленного капитала на возрастающее количество индивидуальных капиталов, „репульсия" капиталов, является действием накопления, а не противоречием ему.

Накопленные прибавочные стоимости, которые ищут своего применения, не всегда, таким образом, помещаются в качестве добавочных капиталов в существующие предприятия [1]), а с другой стороны, они не всегда могут быть немедленно применены в качестве индивидуальных капиталов, поскольку они выходят из процесса производства частями. Однако они вопиют о своем применении. Применение же они могут найти лишь впоследствии путем спайки частей в одно высшее целое.

В этом положении части прибавочных стоимостей являются не действующим, а лишь потенциальным капиталом (III_2, стр. 146), объектом собственности многих собственников, мертвыми частицами собственности. Для того, чтобы они могли бы ожить и стать действительно действующим капиталом, они должны соединиться в одну и единую совокупную вещь, в **один** объект права. Экономическая их централизация требует юридического их слияния в совокупную вещь, либо в единый объект собственности со множеством субъектов, в **общую собственность** и **общественную собственность**, а там, где это юридическое превращение наталкивается на препятствия и затруднения, имеет место экспроприация многих частичных собственников в пользу одного единичного, физического или юридического лица. Привлечение потенциальных частиц капитала и их спайку в будущий индивидуальный капитал Маркс называет **притя-**

---

[1]) Например, в форме паевого взноса в товариществе на вере или в форме простой облигации и облигации с правом преимущества в существующих акционерных обществах.

женнием капиталов; в первой форме, совершаемой путем мирной правовой сделки, он видит централизацию, в последней, совершаемой в форме экономического соревнования, он находит известную уже нам концентрацию.

Капиталистические парламенты выработали множество правовых институтов для осуществления централизации; все они, однако, имеют своей предпосылкой собственность, и поэтому с юридической стороны таковой не изменяют. Союз, общество, кооператив, учреждение и корпорация являются правовыми институтами, которые служат притяжению капиталов, являются институтами, связанными с собственностью в его капиталистической функции и сводящимися в конечном счете к своему основному типу „производственного объединения“, в отличие от обмена услугами (do ut des, do ut facias). По существу своему производственное объединение, ассоциация, не имеет ни капиталистического, ни социалистического характера, а является правовой формой [1]), сосудом без содержания; ассоциация получает свое содержание в зависимости от цели ассоциации и ее средств, и лишь таким путем она приобретает свою специальную функцию. К тому же ассоциация является лишь одной из форм соединений людей: рабочие одной фабрики представляют собой обобществленных индивидуумов, составляющих также союз. Этот союз пассивен, это—союз подчинения, принудительный союз. Напротив, ассоциация представляет собой активный союз, а среди активных союзов является той разновидностью, которая базируется на индивидуальном согласии; следовательно, это—договорный союз. Ассоциация предполагает самодержавных индивидуумов и стоит, таким образом, на почве капиталистического хозяйства и собственности.

На самом деле притяжение капиталов путем производственного соединения, их централизация совершается с сохранением полностью всех капиталистических функций собственности, даже в том случае, когда юридическая собственность отсутствует. Субъект собственности сохраняет в своих руках титул на прибавочную стоимость, освобожденный от всякой вещественной тяжести, т.-е. облигацию, акцию и т. д. и этот юридически закрепленный титул равен по своей стоимости уступленному объекту собственности.

Собственность остается, следовательно, у вступившего в ассоциацию в форме экономической, общественной вещи, в качестве капитала; технически же, в качестве натуральной вещи, в качестве потребительной стоимости собственность

---

[1]) Поэтому неправильно рассматривать ассоциации, непременно как формы социализации.

объединяется в руках коллективного лица — ассоциации. Если эта ассоциация является юридическим лицом, если право признает ее в качестве лица, то юридическая картина вещи меняется: бывший до сих пор собственником перестает быть таковым, ассоциация становится единственным собственником. Индивидуальная собственность прекратила свое юридическое существование, ее место заступает известного рода чисто обязательственное требование, которое в бумагах на предъявителя связано с простым держанием не имеющего стоимости клочка печатной бумаги; это—„связанное" обязательственное право, которое благодаря этой связи может обращаться наподобие собственности, но тем не менее никогда не может юридически отожествиться с собственностью.

Это заключение экономической материи в определенную юридическую структуру не изменяет ее, а только фиксирует ее. Имеем ли мы дело с юридическим лицом или нет, имеется ли налицо простое долговое обязательство, бумага, именная или на предъявителя, имеется ли налицо общая собственность, или нет, юридическая конструкция, правовая чеканка и стабилизация, возведение определенных волевых отношений в правовой тип [1],—все эти обстоятельства сами по себе не сообщают экономическим отношениям никакого нового содержания. Первоначальный собственник остается экономическим, т.-е. капиталистическим собственником, он сохраняет в своих руках титул на прибавочную стоимость—тогда как естественное вещество, потребительная стоимость, как объект собственности, исчезла, но как раз она-то его никогда не интересовала или давно перестала интересовать. С другой стороны, ассоциации вовсе не обязательно должны носить капиталистический характер: волевая схема, „производственное объединение", охватывает различное содержание, которое не имеет ничего общего с экономикой. Соединение двух лиц для исполнения, как это называется, супружеского долга, не является по существу ни капиталистическим, ни социалистическим, ни экономическим. Исполнение договора с юридической точки зрения представляет собой либо dare, либо facere—передачу или действие. Ассоциация, следовательно, может быть unio dandi или fa-

[1]) Все задачи закона в этом случае могут быть осуществлены посредством общественного аппарата—института договора, и это первая форма, в которой выступают все ассоциации. Только после того, как фактически возникнет целый ряд акционерных обществ, кооперативов и т. д., когда определенные договорные формуляры станут типичными, закон возводит этот тип в норму, создает законы об акционерных обществах и кооперативах в виде формуляров, которые упрощают контрагентам совершение сделки. Ограничения законом свободы соглашений и содержания сделок не затрагивают функции собственности.

ciendi, или то и другое одновременно. Unio faciendi не всегда является соединением для труда, но и соединением для всякого рода деятельности, которая с правовой точки зрения квалифицируется как исполнение (Leistung). Объединение, однако, действует обобществляющим образом и является потенциально моментом развития в направлении к социалистическому обществу [1]) лишь постольку, поскольку оно является соединением для трудовых целей.

Ассоциации на капиталистическом базисе всегда представляют собой unio dandi, имеют, следовательно, обыкновенно капиталистический характер, они являются также, в большинстве случаев, unio faciendi, т.-е. объединением в целях деятельности—акционерные общества этого последнего характера не имеют. Эта деятельность может быть трудом, однако, она может быть также предпринимательской функцией, как, например, в торговом товариществе. Все ассоциации, за исключением разве акционерного общества, имеющего однообразный характер, являются двойственными формами, так как они (хотя и в меньшей степени, чем рабочие ассоциации) основываются как на собственности, так и на предпринимательской функции. Dare - facere, как средство ассоциирования, всегда, таким образом, имеет двойственный характер.

Решающим фактором является, однако, цель ассоциации. Обыкновенно акционерные общества преследуют цель реализации капиталистических функций и имеют поэтому чисто капиталистический характер. Кооперативы также не могут отказаться от капиталистических функций, которые по необходимости связаны с собственностью, они могут, однако, их обезвредить и заставить служить интересам своих членов, они могут, в частности, ограничить действие торгового и ростовщического капиталов. Но ни одна ассоциация не в состоянии выключить капиталистической функции, необходимо связанной с собственностью; наоборот, как раз форма ассоциации, использованная собственниками в своих интересах, дает таковым возможность взвинтить капиталистический способ производства до высшей ступени развития.

Ибо, благодаря, главным образом, именно ассоциации в капиталистическом способе производства образуется совершенно новая сила—кредит, который стягивает, при помощи тысячей незримых нитей, разбросанные по всему обществу большие или меньшие денежные средства, все способные к накоплению осколки прибавочных стоимостей в руках отдельных или ассоциированных капиталистов, превраща-

---

[1]) И опять-таки это не единственный момент такого развития: рядом с договорным трудовым объединением стоит трудовой принудительный союз на фабрике.

ясь, таким образом, в колоссальный механизм для концентрации капиталов (I, стр. 591).

Социальная функция собственности, поскольку она является собственностью акционерных обществ, заключается, во-первых, в том, что собственник сам лишается своих функций и что всякому ясна его ненужность; во-вторых, в том, что частная собственность сама себя упраздняет внутри капиталистического способа производства—собственник и юридически не является больше собственником или представляет собой, в крайнем случае, невлиятельного члена ассоциации собственников; в-третьих, в том, что осуществление капиталистической функции переходит на платных управляющих, что, таким образом, последнюю функцию правового института собственности, служащую общим интересам, берет на себя трудовой договор—locatio conductio operarum. Этот прежде незаметный правовой институт отнял, следовательно, у собственности одну за другой все функции общественного производства и воспроизводства, лишил самую собственность ее функций, т.-е. сделал ее антисоциальной, оставив ей лишь одну функцию—мешать развитию общества (III$_2$, стр. 423).

„Это—упразднение капиталистического способа производства внутри самого капиталистического способа производства“ (там же, стр. 425). „Это—частное производство без контроля частной собственности“ (там же, стр. 426). Прав Жорес, говоря об этой частной собственности, являющейся в то же время общественной собственностью, говоря об экономической собственности акционера и облигационера: „Собственность стала настолько чуждой собственнику, что лишь из газетных известий он узнает о ее состоянии“ („Теория и практика“, стр. 259).—Однако это упразднение капиталистического способа производства далеко еще не означает упразднения способа *присвоения*, т.-е. как раз самого *существенного в собственности*, неразрушимого никаким автоматическим развитием ядра.

Точно так же картели представляют собой упразднение капиталистического способа производства в рамках капиталистического общества; однако они не упраздняют факта присвоения общественного прибавочного продукта лишенными социальных функций индивидуумами. Все те функции, которыми собственность обладала в простом товарном производстве, и все те, которые она завоевала в эпоху возникновения и развития капиталистического способа производства, она, быть может, утеряет в дальнейшем процессе развития, за исключением одной функции—быть титулом на приобретение прибавочной стоимости, накоплять присвоенную прибавочную стоимость!

3. Капитал и семья.

Старинная и мелкобуржуазная наследственная собственность в последовательной смене поколений являлась базисом для существования семьи; семья казалась лишь одной, изолированной лишь путем теоретического рассмотрения, стороной этой собственности, на самом же деле она теснейшим образом была с последней связана. „Дом“ обозначал как вещь, так и людей; семья была лишь воспроизводящей род и потребляющей стороной „дома“.

Все важные события личной жизни, рождение, свадьба, смерть, были связаны с собственностью и окружали ее ореолом освященных традиций.

Прежде всего она служила для семьи жизненным фондом в качестве единства наследства и собственности. Индивидуум появляется на свет благодаря зачатию, живет вследствие зачатия, но не благодаря ему: регулирование потребления, создание и использование общественного потребительного фонда определяет характер семьи, так же, как во многих отношениях семья оказывает влияние на индивидуума. Дифференциация и специализация собственности простого товарного производства, разрушение микрокосмоса разложили семью и поставили на ее место половое отношение—„брак“ и платонические родственные отношения. Ни супруги, ни братья и сестры не живут в трудовом сообществе—в крайнем случае имущие живут в сообществе безделья. Всякий оперившийся человек ищет свой доход на другом пути, вне дома, или же вне „жилища“.

Индивидуальный доход и достигаемое с его помощью потребление кажется в настоящее время индивидууму смыслом всей хозяйственной деятельности; следовательно, удовлетворение собственных потребностей индивидуума кажется регулятором его деятельности. Такая точка зрения совершенно непонятна при простом товарном производстве. Между тем, это—субъективное отражение современного положения вещей; это—мир в лягушечьей перспективе индивидуальной психики. Однако человечество не представляет собой механически сложенной суммой индивидуумов. Человеческий индивидуум существует ни до и ни вне рода, он обусловлен родом, и это совершенно иным и более непосредственным образом, чем у какого бы то ни было другого зоологического вида. Человек, как общественное существо, действует совершенно иначе, чем индивидуум-абстракция. Этот последний—лишь пустая абстракция, он не существует нигде, кроме разве собственного его воображения [1]). Физио-

[1]) Конечно, здесь говорится об индивидууме, отнесенном только к самому себе, о таком индивидууме, каким по необходимости он представляется нашему сознанию, каким он является единственно эмпирическим и реальным для идеалистических наук.

логически он определяется бесконечной последовательностью прошедших поколений, он является одной лишь преходящей точкой в ряду поколений. В своей психике он—не что иное, как точка скрещивания самых различных направлений мышления, чувствования и хотения. В виде языка общество диктует ему формы мышления, в виде традиционных идеологий, с одной стороны, и общественных явлений исторического момента—с другой,—оно диктует ему содержание его мышления, оно муштрует его с детства в области воли и навязывает ему формы оценки. Физиология и психология пришли или придут к одному выводу: „Индивидуум не выдерживает критики“ [1]). В экономике Маркс открыл реальную сущность мнимого индивидуального самоопределения и оценки, создаваемого необходимо структурой нашего хозяйства и правопорядком: всестороннюю социальную зависимость индивидуумов, полное подчинение их вещам в капиталистическом обществе; в этих отношениях вещей находит свое выражение общественная природа человека, покуда эти отношения остаются за порогом коллективного сознания, покуда общество непосредственно не регулирует своих общественных отношений.

Нельзя понять потребление, если рассматривать его, как индивидуальное занятие; еще менее понятна экономика, если пытаться объяснить ее с точки зрения индивидуального потребления, как это пытается делать теория предельной полезности. Капиталист, который накопляет за пределы своей жизни для своей семьи, который накопляет даже в том случае, когда не имеет семьи, также непонятен, как капиталистический производитель, производящий потребительные стоимости, которые ему вовсе не нужны.

Потребление служит сохранению рода и воспроизводству рода, следовательно, оно является производством людей, рабочих сил. В этой функции один лишь акт рождения является самым простым моментом. В обществах, которые в значительной степени существуют благодаря актам оккупации, как, например, первобытные народы и варвары, где, следовательно, труд еще отступает на задний план, функция рождения, половой подбор представляют собой высший социальный интерес и порождают замечательную правовую систему размножения,—родовой строй. Последний является нечем иным, как естественным законом полового подбора, осознанным людьми, а потому и провозглашенным в виде закона; это—закон природы, превратившийся в норму. Правовой институт нашего брака представляет собой жалкий остаток того строя, который оттеснен социальным порядком труда, который уничтожен и отчасти лишен своих функций. Та нераз-

---

[1]) Мах, „Анализ ощущений“,—правда, не в таком смысле, как здесь.

рывная связь, которая создается в целях сохранения рода, между размножением и потреблением, все же и в настоящее время проявляется в том, что семья отчасти является институтом потребляющим.

В эпоху простого товарного производства наследственная собственность представляет собой институт производства, потребления и размножения, отдельный микрокосм, который охватывает собой производство и воспроизводство человека и средства его существования. И в этом смысле собственность проявила себя как универсальный и все же единый правовой институт. И в настоящее время собственность регулирует потребление общества и, вместе с тем, родовое воспроизводство в нем, по совершенно иным и весьма дифференцированным способом, она регулирует потребление прежде всего вне семьи, вне дома. Семья является в большинстве случаев просто браком, половым сообществом, подчас даже соединением не с целью деторождения: количество детей, как и чем они живут, где они живут и умирают, это определяет не домашнее хозяйство, а хозяйственная конъюнктура рабочего рынка. Для имущих брак представляет собой часто в первую очередь не соединение двух тел и душ, а сложение двух состояний, он имеет, следовательно, в первую очередь, функцию накопления, а не размножения людей.

Если мы, следовательно, хотим найти фонд существования индивидуумов и фонд воспроизводства рода, т.-е. фонд численного увеличения населения, то мы должны оставить институт брака и вернуться к собственности, принявшей теперь столь дифференцированную форму, и к родственным ей институтам.

Мы знаем: капитал ежегодно дает капиталисту прибыль, земля дает землевладельцу ренту, рабочая сила при нормальных условиях дает рабочему заработную плату. Эти три части стоимости ежегодно произведенной общей стоимости и соответствующие им части ежегодно произведенного общего продукта могут— за вычетом накопления—составить предмет ежегодного потребления соответствующих их владельцев; источник их воспроизводства при этом не иссякает. Они составляют ежегодный доход трех классов—капиталиста, землевладельца и рабочего, их прибыли (ср. III_2, стр. 356 до 357). Мы видим, следовательно, что собственность создает теперь на место первоначально единого—множественный порядок потребления и размножения людей.

Переменный капитал является рабочим фондом; он поступает в распоряжение рабочих сил через договор заработной платы в том случае, если они используются, и в форме государственного вспомоществования бедным или милостыни, если они не находят применения. В качестве ненакопленной прибавочной стоимости капитал служит воспро-

изводству класса капиталистов. Таким образом функция собственности, регулирующая потребление, является в то же время функцией воспроизводства рода или популяторной функцией.

1. Капиталист чувствует это сам: „Поскольку все его действия и все его бездействие составляют лишь функцию одаренного в его лице волей и сознанием капитала,—его собственное личное потребление представляется ему посягательством на накопление капитала“ [1]), однако, с развитием богатства, капиталист уже перестает быть „простым воплощением капитала. Он чувствует человеческую слабость к своей плоти“ (ibid., I, стр. 557). В то время как в раннюю эпоху капитализма преобладает стремление к обогащению и отказ от накопления представляет собой грех, позднее накопление кажется чем-то вроде „аскетизма“ и старомодного предрассудка, расточительность же и роскошь кажутся смыслом жизни, даже средством увеличения кредита. „Хотя поэтому расточительность капиталиста никогда не имеет характера той bona fide расточительности, которая отличает разгульного феодала, и за нею даже всегда скрывается самое грязное скряжничество и самый мелочной расчет, тем не менее эта расточительность всегда возрастает вместе с накоплением... Вместе с тем в благородной душе капиталиста развивается фаустовский разлад между стремлением к накоплению и стремлением к наслаждению“ (ibid.). Здесь не приходится говорить о взращивании класса капиталистов, о той роскоши, которой предаются их нарядные женщины, о той роскоши, которой они окружают самых красивых и пригодных для продолжения рода женщин, отвлекая их от функции деторождения, о той роскоши в количестве прислуги, которой они отвлекают от труда рабочую силу во все увеличивающемся процентном отношении, об этом расточении сил поколения, об этом ограблении самого человеческого рода. В этой форме собственность имеет прямо-таки функцию отрицательного полового подбора, если хотите—противоестественного полового подбора и расточения благ и рабочей силы, она вредит воспроизводству человеческого рода, в области потребления она также сокращает численность населения, как и в стадии производства.

2. Рабочий класс имеет, прежде всего, лишь одно средство себя сохранить и воспроизвести; он зависит в этом отношении от договора заработной платы и тем самым связан с собственником. Для него собственность является не основ-

---

[1]) В итальянской бухгалтерии личные издержки фигурируют на стороне дебета капиталиста (Маркс, „Капитал“, I стр. 556). Капиталисту кажется, будто он—управляющий чужого имущества.

ным, а дополнительным институтом, так как рабочий класс ведь состоит из не-собственников [1]). Посредством договора он реализует для себя часть общего годового продукта, не благодаря какому-либо праву, предоставленному ему для длительного осуществления (каким является право собственности), а благодаря частной правовой сделке, которую он вынужден постоянно возобновлять, заключая ее с противостоящим ему классом.

Жизнь человека, будь это даже пролетарий, не представляет собой правовой сделки, заключаемой от случая к случаю; она является непрерывным процессом, физиологическим процессом без перерыва, длительного, подчас тяжкого характера. Сколько бы ни была „последняя свободная часть“ рабочей силы обесценена вследствие переполнения рынка рабочими, все же она должна иметь возможность существовать и к тому еще потреблять—потреблять средства существования. Часть средств существования, напр., пища, потребляется и возобновляется ежедневно, другие, как. напр., платье, мебель и т. д., возобновляются в более продолжительные сроки. Для одного лишь сохранения рабочей силы требуются, следовательно, как пайки ежедневные, так и недельные, месячные и годичные. Однако рабочую силу, кроме того, нужно еще воспроизвести. Если даже отодвинуть полную юридическую правоспособность в смысле распоряжения своей рабочей силы, т.-е. юридическое трудовое совершеннолетие—в отличие от имущественного совершеннолетия—уже к 14 или 12 годам, то на каждого индивидуума приходится отчислять в промежуток 12—14 лет паек несовершеннолетних, который не может быть добыт посредством „правовых сделок“, заключаемых этим индивидуумом. Сюда же нужно отнести отчисление в течение нескольких лет инвалидного пайка. Далее, на каждую пару таких „индивидуумов“ следует считать особый, единовременный расход для устройства домашнего хозяйства,—назовем его брачным пайком,—не говоря пока о болезнях, несчастных случаях и т. д. Здесь мы безусловно имеем дело с потребительными благами, которые никаких больше капиталистических функций не имеют. Для большинства людей все эти функции исполняет один правовой институт, который фиксирует доход в виде поштучной, поденной, недельной, в лучшем случае, месячной платы. Снабженному таким доходом индивидууму ставится затем задача распределить эту недельную или месячную среднюю сумму на жизнь, имеющую неизвестную про-

[1]) Ясно, что в юридическом смысле каждый является в той или иной форме собственником. В экономическом смысле он является таковым только в том случае, когда он обладает собственностью такого качества и в таком количестве, что она может исполнить вышеизложенные общественные функции, что она представляет собой титул на прибавочную стоимость.

должительность, на неопределенное количество детей, на неопределенное количество непредвиденных нужд.

Отсюда видно, что собственность—капитал выделяет рабочий фонд до смешного бессмысленным способом. С тех пор, как существуют люди, не было такого общественного порядка, который так сумасбродно управлял бы своим потребительным фондом. В простом товарном производстве собственность хотя и управляет им механически, но все же не так иррационально. Скотоводство снабжает владельца скота своими продуктами ежедневно или ежегодно, земледелие приносит плоды раз в год, а ярмарка [1]) выравнивает излишки и недостачи; лес растет в течение поколения и дает новому поколению материал для оборудования домашнего хозяйства. В микрокосме мелкой наследственной собственности распределяются также и потребительские пайки. Наемный же рабочий должен свою скудную сумму заработка распределять таким способом, который бы сделал честь самому опытному страховому математику.

Все же класс капиталистов заинтересован в беспрепятственном воспроизводстве своих рабочих рук, а между тем распределение рабочего фонда посредством договора заработной платы является насмешкой над здравым рассудком. Класс капиталистов заставил самих рабочих образовать коллективный фонд путем налогов на предметы потребления и других вычетов из переменного капитала, социализируя таким образом посредством воспитательных домов, школ, больниц и т. д. взращивание пролетариата. На-ряду с этим класс капиталистов создает общий резервный фонд из особых сборов, взимаемых на основании законов о призрении неимущих. Все эти институты находятся в связи с договором заработной платы и возникают по мере расширения сферы его применения.

Рабочие сами постепенно приспособились к целесообразному распределению рабочего фонда, к его коллективизации посредством всякого рода вспомогательных касс, стремясь сделать его общим достоянием класса и наведя буржуазию на мысль оплачивать свои „руки“ коллективно таким способом, что весь капиталистический класс, как таковой, оплачивает весь рабочий класс. Конечно, он это делает не в социальной, а в индивидуалистической форме, в виде страхования. Эта индивидуалистическая форма представляет собой окольный и очень дорогой путь. Если бы таким путем составлялся весь рабочий фонд, считая в том числе все долгосрочные потребительские пайки, то потребовались бы страховые премии на случай болезни, несчастных случа-

---

[1]) Примеч. переводч.: Jahrmarkt (ярмарка) означает в точном переводе „годичный рынок“.

ев, старости, инвалидности, безработицы, похорон, беременности, материнства, воспитания, образования, выдачи приданого и мн. др. Как велика была бы тогда еще недельная заработная плата?—И к чему еще тогда сохранять форму страхования?

Это несовершенство договора заработной платы вызвало целый ряд явлений, получивших неправильное толкование. Различная по сроку периодичность нужд потребления вызывает необходимость образования рабочими из своих заработков резервных фондов. Смотря по собственному разумению и хозяйственному положению страны, они это делают в форме накопления наличных денег (образования сокровища), накопления товаров (напр., украшений, которые потом временами отправляются в ломбард), покупки небольшой недвижимой собственности (которой они могут одновременно пользоваться, которую они, следовательно, могут отчасти потреблять), помещения денег в ипотеках, в форме сберегательных взносов, покупки лоттерейных билетов, ренты и акций. Рабочие присваивают себе таким образом юридическую характерную маску собственников, заимодавцев и т. д., экономически же эта собственность представляет собой безусловно резервный потребительный фонд; для субъектов собственности это—не фонд накопления капитала, а рабочие резервные фонды. Как мы уже видели, капиталистический способ производства создает целую иерархию высококвалифицированных рабочих, которые получают соответствующую высокую заработную плату и сберегают из последней для своих детей фонды на учение и приданое; последние безусловно имеют тот же характер, что и сберегательные взносы рабочих. Тем самым переменный капитал входит в состав той или иной мелкой и средней собственности.

Эти резервные фонды переменного капитала, как подтвердят техники страхования, сами по себе не нужны. В среднем на весь рабочий класс данной страны приходится каждый месяц определенное количество рождений, смертных случаев, браков и т. д. Следовательно, потребление по отношению ко всему классу не подвержено или лишь в незначительной степени подвержено периодическим колебаниям. Если бы распределение рабочего фонда регулировалось коллективно (на базисе страховой математики), то отпал бы всякий стимул к образованию резервного фонда из заработной платы, жалованья и т. д., управление рабочим фондом упростилось бы, и рабочий класс был бы равномерно обеспечен. Этот порядок вещей в рамках капиталистического общества, конечно, немыслим, ибо в капиталистическом обществе сперва должна индивидуальным порядком уплачиваться заработная плата,

и только потом из нее может удерживаться известная часть посредством премий, налогов на предметы потребления, которая таким образом коллективируется; переменный капитал должен быть разбит на большое число мелких сумм, вноситься в виде вкладов в кредитные учреждения и путем кредита вновь возвращаться капиталу для использования. С точки зрения вкладчиков все эти фонды лишь депонированы—незначительная величина процента едва ли имеет для них серьезное значение—для депозитариев же, т.-е. для сберегательных касс и т. п. они имеют значение лишь как накопленная для них стоимость, могущая быть ими использованной, т.-е. они для них имеют специфические капиталистические функции собственности.

Следовательно, это не что иное, как временная, кажущаяся метаморфоза переменного капитала в капитал вообще, навстречу которой идет другая метаморфоза, а именно—постоянное превращение простой, докапиталистической собственности непосредственно в переменный капитал, превращение, которое я хотел бы назвать придачей к рабочему фонду (Arbeitsfondszubusse), так как она сберегает до известной степени капиталисту переменный капитал, оплату его рабочих [1]).

Там, где капиталистический способ производства овладевает рабочей силой мелких собственников (мелких домовладельцев, владельцев участков земли, простых средств производства), там он может понизить заработную плату ниже уровня затрат на воспроизводство; в другом случае он должен был бы покрывать эти затраты полностью. Собственный дом является нечем иным, как средством потребления, участок земли, с которого я собираю картофель и овощи, не играет экономически никакой другой роли, кроме прямого средства потребления. Такого рода юридическая собственность не имеет экономических функций капиталистической собственности, она представляет собой превращенный переменный капитал. Здесь капиталист вознаграждает своего рабочего в такой форме, как государство чиновника, получающего казенную квартиру, с той лишь хитро задуманной разницей, что рабочий здесь сам себе ее устраивает. Ясно, что с хозяйственной точки зрения нет никакой разницы, скопил ли себе рабочий такой домик, или же он получил его по наследству—всегда этот домик существует как резервный фонд переменного капитала, всегда в пользу пред-

---

[1]) Имущий рабочий является, таким образом, более благодарной жертвой эксплоатации, чем абсолютно неимущий рабочий: для рабочей силы собственность является проклятием, независимо от того, принадлежит ли она ей самой или предпринимателю.

принимателя, который потому-то и сам старается сделать рабочего владельцем дома и участка земли.

На счет придачи к рабочему фонду следует отнести еще целый ряд явлений. Так, например, ипотека выделенных сестер и братьев. При разделе наследства среди деревенских землевладельцев, получившие денежную выдачу сестры и братья обыкновенно оставляют унаследованную сумму в качестве ипотеки на наследственном участке земли и служат — если они не становятся промышленными рабочими — в качестве батраков того, кто является их ипотечным должником. Они рассматривают ипотеку главным образом как верное помещение денег; однако, поскольку они получают проценты, эти последние понижают их заработную плату, являясь как бы частью таковой. В тот момент, когда они в качестве рабочих заводят свое домашнее хозяйство, они требуют возвращения ссуды, которая переводится в кредитное учреждение, и превращают свой „капитал“ в домашнюю обстановку или затрачивают его на воспитание детей и снабжение их приданым, короче говоря, употребляют его в качестве фонда потребления. В смене поколений все эти сбережения становятся текучими и потребляются.

Совершенно ясно: весь общественный рабочий фонд в капиталистическом обществе не может юридически существовать иначе, как в качестве собственности. Иерархия рабочих сил создает не только всякого размера заработную плату, она создает также резервный фонд разной величины, начиная от карликовых вкладов и кончая рентами промышленного чиновника, съедающего их на старости лет, начиная с картофельного огородника, фабричного рабочего и кончая виллой фабричного директора, начиная с текущего счета в сберегательном обществе и кончая миллионным резервным фондом учреждений для страхования от несчастных случаев. Такого рода собственность есть и будет для юридических собственников нечем иным, как временно депонированным фондом потребления и проявляет свои капиталистические функции лишь в руках капиталиста [1]). В этом как раз и заключается социальная оценка такой собственности. Общество, в котором установился бы идеальный порядок потребления, прекратило бы это мнимое накопление и отказалось бы от всякого сопротивления „экспроприации“ сих малых, не являющихся экспроприаторами — если оно не нашло бы более удобным наделить каждую пару особым домиком для жилья.

Кроме договора заработной платы, существуют ещё различные правовые институты, которые имеют целью гаранти-

---

[1]) Косвенным образом здесь происходит накопление рабочих сил, эти резервные фонды дают не увеличение капитала а увеличение народонаселения.

ровать воспроизводство рабочего класса: законы о бедных, дарение в форме милостыни, стипендии; далее, первое универсально-коллективистическое учреждение посреди капиталистического общества, палладиум рабочего класса, народная школа (или, как правовой институт,—обязательное обучение). Объяснение ее социальных функций, ее роли в экономике общества могло бы составить предмет специальной работы. За исключением этого последнего института, функция воспроизводства общественной рабочей силы регулирована так же половинчато и так же анархически, как и социальное распределение.

Что же представляет из себя после всех этих превращений семья рабочего? Математическую сумму индивидуумов, соединенных в доходном доме под одним номером двери, а не под отеческой властью—отец ведь не видит своих детей с раннего утра до позднего вечера. Каждый взрослый, не исключая отца и матери, находится под хозяйской властью различных предпринимателей, младшие—под властью хозяина, малолетние—под властью учителя, а малые—жалобно плачут, покинутые в запертой комнате. Отеческая власть, соединявшая в себе все титулы власти, таким образом разложена на части и перешла к разрозненным носителям власти. Все вместе они не живут доходами от одной какой-нибудь собственности, взрослые приносят заработок из отдаленных кварталов города. Когда родительская власть выявляется, тогда горе детям—тогда отец живет на заработок детей. Когда же каждый получает свой заработок индивидуально, то каждый трудоспособный является способным основать семью—дети в самом раннем возрасте покидают семью; даже для многих было бы счастьем осиротеть после рожденья! Но даже у хорошо обеспеченных рабочих семья не составляет органического целого—как может человеческая жизнь строиться на недельной заработной плате? Как может строиться „дом"—не на камне, не на земле, не на песке—нет, на договорах заработной платы, всегда легко расторжимых, никогда не заключаемых на долгий срок? Как может быть основан „очаг" на квартирной плате по четвертям?

4. Капитал и наследственное право.

Унгер говорит: „То, что смерть не имеет власти как над духовным миром вообще, так и над организмом права, является положением, коренящимся глубоко как в общем правосознании, так и в природе права" [1]). Это означает, говоря

---

[1]) „Наследственное право", введение.

попросту: индивидуум умирает, род не умирает. Индивидуум, хотя и является необходимым носителем, но в то же время в высшей степени преходящим воплощением родовой жизни. Индивидуум является для рода настолько безразличной вещью, что род, в случае необходимости, этого самого индивида эксиндивидуализирует, уничтожает его без всякого сожаления, по всем правилам закона. „Пусть индивидуум умирает, но правоотношения, связанные временно с его личностью, продолжают существовать; пусть даже прежний носитель имущества исчезнет, само имущество переживет своего хозяина. Другие личности вступают на опустевшее место и снова заполняют пробел, который возник вследствие смерти“ (ibid.). Личности представляют собой „меняющееся и случайное“, общество — „длящееся и существенное“.

Раз общество существует и не может существовать помимо своих случайных носителей—индивидуумов, не может в то же время существовать, не овладевая природой, то оно должно отдавать все подчиненные им части природы во владение индивидуумов, т.-е. каждый раз, как только исчезнет один индивидуум, субституировать ему другого, дать ему наследника, призвать на его место юридического преемника. Каждое общество имеет свой порядок наследования или порядок замещения выбывших из строя. Но это замещение исторически лишь в виде исключения является наследственным правом.

Существовали общественные формы, в которых наследственное право было почти единственным порядком преемства, где к наследованию призывались все публичные органы власти на основе наследственного права, начиная от блюстителя местной власти—графа и кончая главой государства. Церковь первая и надолго сумела себя освободить от наследственно-правового преемства—единственно возможным в эпоху наследования, как всеобщей формы правопреемничества способом—установлением института безбрачия. Каноническое право дает почти исчерпывающий перечень форм преемства, от избрания до назначения, одновременно также чрезвычайное разнообразие форм распределения власти между различными органами, заведующими делом преемства.

Таким образом наследственное право не тожественно с порядком сукцессии вообще, подобно тому, как собственность является не единственной формой присвоения. Оба характерны только для совершенно определенной исторической эпохи развития и получили наиболее совершенное развитие в период простого товарного производства.

С юридической точки зрения наследственное право представляет собой не субъективное право, а определенную квалификацию личности. Индивидуум, который обладает та-

кого рода квалификацией в отношении определенного наследства, является „наследником“, находится в статусе „наследника“, подобно тому, как рожденный—в статусе „сына“. Со статусом соединяются определенные правовые последствия в данном случае—законное призвание к принятию наследства.

Наследство состоит не только из агломерата объектов собственности[1]), лишившихся субъекта, но из большего или меньшего количества правоотношений, которые все утратили своего субъекта, прежде всего из требований и долгов, из прав и обязанностей по отношению к другим индивидуумам и к государству. Все эти правовые отношения господства и подчинения, поскольку они не носят „чисто личного“ характера, называются **имущественными правами**, они составляют в совокупности **имущество** личности. „Имущество“ не представляет собой, следовательно, естественной или индивидуальной вещи; это — общественное отношение, характеризуемое единством индивидуума, выступающего в качестве носителя этого отношения. Его **сущность** не определяется этой формой или индивидуальностью его носителя—иначе ведь оно должно было бы исчезнуть, как только исчезнет его носитель—оно имеет чисто общественный характер и получает от общества нового носителя не ради наследодателя, а ради общества, т.-е. ради непрерывности хозяйства, или, выражаясь капиталистически, ради верителей и должников, ради поддержания общего правопорядка. Это имущество и есть наследство.

Наследник, это—юридически квалифицированный для преемства индивидуум. Эта юридическая квалификация, установленная сознательным актом общества, не может быть ничем иным, как наиболее благоприятной для производства и воспроизводства общества формой **экономической**[2]) **квалификации** наследника. Если наследник, т.-е. юридически квалифицированный для наследования индивидуум, в то же время обладает экономической квалификацией, то на-

---

[1]) Имущество, находящееся в руках правового субъекта, сумма объектов собственности, представляют собой единство с юридической точки зрения только через-посредство субъекта права. Если эта юридическая индивидуализация была бы внутренней, действительной, материальной, то это имущество представляло бы собой в момент смерти собственника груду осколков подобно кораблю, разбитому вдребезги молнией. Этого нет. Имущество составляет экономически одно целое, лишь как экономическое единство оно требует юридического преемника и находит такового. Собственник является лишь душой имущественного тела, которое существует социально.—имущественное же тело не является объективацией индивидуума. Утратив душу вследствие смерти собственника, оно получает от общества новую душу в лице призванного к наследству.

[2]) Экономической всегда в том более широком смысле, который оно имеет у Маркса, т.-е. в смысле воспроизводства не только вещей, но и рода, в смысле также увеличения населения.

следственное право выполняет свою функцию безукоризненно.

Так, несомненно, дело обстоит в простом товарном производстве. Наследником по закону является ближайший член семьи, он вырос среди имущества, посвящен отцом в искусство, обработку и употребление каждой части имущества, не учился ничему другому, кроме как работе в пределах этого имущества,—а отчасти и создал это имущество: право наследования по закону обеспечивает имуществу лучшего из возможных новых его носителей и передает этому последнему плоды его трудов. В то же время наиболее близкий к наследодателю член семьи знает все его правоотношения, он, следовательно, является живой гарантией непрерывности ведения хозяйства. Эта прекрасная гармония права и функции понятным образом вызывает без труда представление о том, будто эта форма регулирования является неизменным, вечным, священным институтом, эта гармония получает свое выражение в определении имущества, как наследственной собственности.

Мелкобуржуазная „наследственная собственность“ выполняет приблизительно все функции общества: она создает прочный порядок власти и порядок труда, в котором принуждение к труду смягчается родственной любовью и перспективой получения в будущем плодов затраченного труда, она выполняет все функции распределения и потребления, энергично побуждает к накоплению и регулирует воспроизводство на основе возможностей потребления; одним словом—правовой институт и социальная функция полностью согласованы в этом институте.

Если же не было налицо законного наследника, то закон предоставлял наследодателю, который, очевидно, мог это сделать лучше всех, право указать квалифицированного правопреемника посредством завещания. В то время, как закон при наследовании по закону прямо сам давал квалификацию, он в данном случае санкционировал частную квалификацию и тем самым приравнивал ее к своей собственной квалификации. Если наследодатель имел нескольких законных наследников,—а он имел их обыкновенно лишь тогда, когда его наследственная собственность допускала нескольких правопреемников,—то правопорядок предоставлял ему право по своему усмотрению делить хозяйственное целое на частичные производства, так сказать, на „пекулии“, передавать части, ставшие теперь особыми единицами, отдельным наследникам, а основное производство—одному наследнику, или же предоставить его ведущим коллективное хозяйство сонаследникам: на-ряду с открытием наследства по закону появилось духовное завещание.

По мере того, как натуральная форма имущества переходит в форму стоимости, в капитал, по мере того, как

части имущества начинают представлять собой просто денежные суммы, наследование становится из экономического—математическим, чистым наследованием стоимости. Каждый случай наследования является своего рода несчастием с точки зрения интересов производства. Член семьи, который рано удаляется из дома капиталистическим развитием, совершенно новым порядком труда, обыкновенно не является больше продолжателем производства. Наследство пускается с молотка выручка делится, или хозяйство навязывается одному из наследников, который руководится обыкновенно устарелыми хозяйственными взглядами, который придерживается старого метода производства, и этот наследник берет на себя в то же время бремя ипотек и долговых обязательств. Там, где наследство приняло характер чисто капиталистической собственности, там, конечно, наследование происходит без всяких затруднений, так как собственник не имеет других функций, кроме накопления и потребления денежных доходов, что возможно выполнить с удобством при всяком и любом дроблении. Если наследственное право на низших ступенях антисоциально, потому что оно нарушает постоянство производства, то на высших ступенях оно антисоциально по той причине, что сама собственность стала антисоциальной. Здесь мантия следует за герцогом, так как само собой понятно, что при антисоциальной собственности наследование этой собственности тоже становится антисоциальным. Поэтому Маркс не упоминает ни одним словом о наследственном праве.

Но даже и в мелкой и средней собственности наследование почти нигде уже не исполняет функцию хозяйственного преемства. Если последнее достигается посредством института единонаследия, то последний прямо выбрасывает в пролетариат всех нисходящих, за исключением одного, так как население увеличивается не по законам наследственной собственности, а соответственно росту переменного капитала. Если сохраняется свобода раздела наследства, то математически исчисленные доли наследства становятся постепенно резервно-потребительским фондом, они расходуются по мелочам на обзаведение, обучение и т. д., если не в одном, то во втором и третьем поколении. Обычно наблюдается такое явление, что наследники средней собственности прикупают мелкие производства, собственники которых экспроприированы благодаря капиталистическому развитию, удерживают их в своих руках некоторое время путем добавочной затраты энергии и капитала и даже часто передают по наследству; но для их наследников доли наследства служат лишь добавочным потребительным фондом.

Это своеобразная функция наследственного права постоянно заполняет все промежуточные ступени имуществен-

ной лестницы и вызывает постепенный переход капиталистических семейств в пролетариат, при чем отдельные их члены, употребляющие свое наследство в качестве учебного фонда, часто достигают высоких и высших ступеней рабочей иерархии или переходят в свободные и бюрократические профессии. Так, собственность сама себя сохраняет при содействии всех родственных ей институтов во всех ее категориях, имея, однако, во всех категориях разные, меняющиеся функции.

В качестве порядка преемства, наследственное право или вовсе не функционирует или функционирует совершенно наперекор здравому смыслу. Экономическое преемство осуществляется—или при жизни наследодателя его распоряжением, или после его смерти распоряжением наследников—путем продажи третьим лицам, путем сдачи в аренду, совершаемой от лица малолетних опекунским учреждением и т. д., словом, почти всегда путем юридических сделок inter vivos. Наследство, переходящее к родственникам по боковой линии, не имеющим никакой связи с наследодателем и живущим иногда в различных частях света, для которых наследство является экономически тем же, что и лоттерейный выигрыш, назначение наследником лица, в награду за сомнительнейшие услуги или как следствие профессионального или непрофессионального заискивания перед наследодателем,—все это функции такого правового института, который лишь временами сохраняет свою первоначальную роль, но который в остальном приобрел совершенно антисоциальный характер.

Итак, противоречие в функциях наследственного права заключается в следующем: наследство представляет собой по своему первоначальному назначению, по своим техническим свойствам известную часть всего общественного хозяйственного организма, технически является, следовательно, известным предприятием; на ступени простого товарного производства оно является предприятием, имеющим производственные и потребительные задачи, а также задачи размножения, а в капиталистическую эпоху—по крайней мере одну из этих задач. Капиталистический способ производства превращает наследство в меновую стоимость, выраженную в денежной форме сумму стоимости. Преемство в производстве отделяется от преемства в стоимости, подобно тому, как вообще производительный труд отделяется от лишенного производственных функций владения. Материальное преемство отделяется от юридического, преемник в производстве не является наследником, а „наследник"—преемник в стоимости—не является преемником в производстве. Преемство в производстве требует самостоятельного экономического хозяйствования, оно требует квалификации для определенной работы и деятельности; преемство в стоимости до-

вольствуется одним лишь титулом на получение прибыли или ренты и превращает наследственный раздел в простую арифметическую задачу: оно терпит любое количество наследников с любыми наследственными долями; выплата этих долей вынуждает к реализации наследства в форме стоимости, следовательно, обычно к продаже или обременению долгами, в лучшем случае, к превращению в товарищество или акционерное общество. Наследование приводит почти всегда к результатам, противоположным тому, в чем заключается смысл и цель правового института: вместо беспрепятственного продолжения производства—к его расстройству или ликвидации, к задержке в развитии, в особенности также вследствие все нового и нового раздробления общественного фонда накопления.

Далее, в период простого товарного производства наследование должно способствовать общественному накоплению, создавая одинаковый для каждого стимул к сбережению, в интересах обеспечения семьи на будущее время. Переходящее по наследству имущество обеспечивает продолжение рода. И в настоящее время наследственное право является для класса капиталистов стимулом к накоплению, однако оно не гарантирует больше равномерного накопления во всех семействах. То, что ныне накапливает мелкая и средняя собственность, попадает через одно или два поколения в область потребления и увеличивает, следовательно, самое большее рабочий фонд. Для пролетариата этот правовой институт совершенно иллюзорен. Пожитки умирающего распределяются среди окружающих путем дарения inter vivos, если они не поглощены раньше расходами, связанными с инвалидностью и болезнями.

Материальную функцию наследственного права—передачу производства и работы новому субъекту, взяли на себя институты, его замещающие.

Привлечение к труду и даже к капиталистической деятельности, к предпринимательской функции, осуществляется в наше время таким образом уже не посредством наследства, а путем действия разнородных других правовых институтов, которые почти все представляют собой формы дальнейшего развития договора найма труда. Принадлежащие к рабочему классу массы населения привлекаются к работе на короткие сроки и снова выталкиваются; на верхних ступенях рабочей иерархии труд промышленных служащих имеет более или менее устойчивый характер. Вследствие общей экономической неустойчивости пожизненная служба встречается лишь в виде редкого исключения. Бывают также

случаи привлечения на службу путем выбора и жребия, путем поручения и назначения, путем предложения и утверждения и т. д., однако это лишь спорадические явления, еще мало развитые правовые типы, которым, быть может, предстоит развернуться в неожиданном масштабе. Все традиционные институты наследования, весь старинный социальный порядок привлечения к труду вытеснен, таким образом, договором заработной платы с тысячами различных вариантов его—этим наиболее универсальным, наиболее богатым функциями правовым институтом нашего времени!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Анализ изменения функций.

1. Право и его субстрат. Абсолютное отсутствие функций.

Институт собственности, как мы видели, получил в течение сравнительно короткого времени широкое развитие, испытал полное превращение, не изменив своей юридической природы. Этот факт доказывает, прежде всего, одно: изменения общества возможны без одновременного изменения системы права. Без сомнения, закон, общая воля, связывает индивидуальную волю. Однако эта связанность еще не является обязательно связанностью общественного развития. Хотя все действия членов общества представляют сами по себе либо юридические сделки, либо осуществление субъективных прав, следовательно, во всех случаях—юридические факты, все же юридическая квалификация не исчерпывает их природы. С несомненностью доказан следующий тезис: хозяйственное развитие обусловливается не правом. Все перечисленные примеры показывают, что определенный, исторически существующий правопорядок являлся здесь предпосылкой и условием, а не причиной изменения. Правопорядок, который приноровлен к определенному историческому субстрату,—простому товарному производству, смысл и значение которого определяется этим субстратом и который предназначен был для сохранения и закрепления этого субстрата, этот правопорядок не препятствует изменениям субстрата. Материя социальной жизни, сохранение и воспроизводство рода при неизменных правовых формах, совершенно изменяет свой характер, правовая форма не является изменяющей причиной. Изменяется социальная функция правовых институтов, но не изменяется их юридическая природа.

Казалось бы, что этот результат включает в себе второй тезис: изменение в хозяйстве не изменяет права—согласно нашей предпосылке правовой характер институтов ведь остался тот же. Наше исследование поэтому, как будто

доказывает, что юридическая надстройка совершенно не зависит от экономического базиса, от своего субстрата, что изменение правовой системы должно проистекать не из хозяйства, а из иных источников. Однако. это заключение было бы поспешно; во второй части исследования, имеющей своим предметом изменения самих норм правовых институтов, мы увидим, что экономический субстрат обязательно производит переворот в праве, однако, в совершенно определенных формах, которые свойственны праву по самой его природе.

Как совершается изменение функции? Мы видели—постоянным, беспрерывным, незаметным способом, подобно росту травы, в согласии с законами всякого органического изменения, заметного лишь на определенной ступени и то лишь при историческом сравнении; оно может быть понято лишь тогда, когда оно достаточно созрело, подобно тому, как процесс роста может быть установлен не только путем непрерывного наблюдения, но также и путем ретроспективного рассмотрения всей последовательности роста от зародыша к плоду и снова к зародышу. Субстрат общества не знает перерывов и скачков, он знает лишь эволюцию, а не революцию. Мы увидим, что юридическая надстройка по необходимости подчиняется другим законам.

Однако. результат доказывает одно: право может быть условием развития, но оно не создает развития[1]). Оно дает, например, собственнику полномочие действовать; однако оно не предписывает ему определенного способа действий, оно обеспечивает лишь возможность превращения стоимости в капитал, но не порождает его.

Можно было бы возразить, что это справедливо только по отношению к собственности, так как ведь здесь право само воздерживается от всякого воздействия на собственника, так как ведь этот институт сам по себе имеет негативный характер. Там же, где правопорядок принуждает к положительным действиям, он, будто бы. определяет развитие. Однако и здесь это не так. Нельзя здесь допускать предположения, будто сегодня новое право повелевает то, чего не повелевал вчера потерявший силу порядок. Вместе с таким предположением мы должны были бы допустить и факт изменения самих норм и должны были бы прежде всего ответить на вопрос: откуда появляется новая норма? Если же исстари существует обязанность к определенным действиям, например, обязанность отца давать алименты детям, то эта обя-

[1]) Правда, для этого положения у нас имеется лишь ограниченный индуктивный материал, исследованы не все времена, а лишь одна эпоха — переход от простого к капиталистическому товарному производству. Поскольку, однако, категории этих последних стадий развития представляют собой лишь определенные конкретные способы проявления общих категорий, постольку они являются также доказательствами вообще.

занность сама по себе ничего не обусловливает, кроме того, что в настоящее время, как и тысячу лет тому назад, отец продолжает давать алименты нисходящим. Действующее право может быть изменено, но оно само не изменяет, не эволюционирует общества; истинная задача права—закреплять, фиксировать, почему вопрос только и может быть поставлен так: мыслимо ли, прежде всего, что право может связывать и в то же время не связывать; мыслимо ли, чтобы развитие происходило praeter и contra legem?

Всякое право представляет собой императив осознавшего себя общественного целого, обращенный к отдельному лицу, оно выражено формулой: общая воля—индивидуальная воля. Однако общая воля не существует помимо индивидуумов, общество существует, даже как само себя осознавшее единство, только в индивидуумах. Индивидуумы, которые действуют в качестве носителей общей воли, являются носителями власти, индивидуальные воли им подчинены. Формула „общая воля—индивидуальная воля" может конкретно только выявиться в форме: общая воля—подчиненная воля, т.-е., следовательно, в форме волевого отношения двух индивидуумов.

Из этих предпосылок вытекает, прежде всего, следующее:

1. Правопорядок может приказывать только людям, а не природе. Он не может приказать лошади, принадлежащей А: будь подчинена А. Это показывает, что обычное, вульгарное понятие о собственности ошибочно. Право не дает собственнику реальной возможности распоряжаться вещью, оно не в состоянии этого сделать. Оно приказывает лишь всем другим индивидуумам воздерживаться от посягательств на эту вещь. И так вообще. Право совершенно не может овладеть природой непосредственно; конкретно оно не может сделать ничего другого, кроме как давать отдельным лицам полномочие и поручение владеть природой. Власть над природой представляет собой, однако, индивидуально-техническое отношение, над которым право не властно.

Отношение индивидуум—вещь (Naturding), техническая власть человека, индивидуальная производительная сила развивается, так сказать, под контролем права, но не через посредство самого права.

2. Право может приказывать только индивидуумам; там, где оно хочет властвовать над группами, оно повелевает лишь отдельным лицам; иначе оно совсем и не может действовать. Независимо от чисто субъективных сопротивлений подчиненной воли, право должно разлагать все коллективные отношения людей на субъективные индивидуальные права и обязанности. Однако там, где люди вступают в фактические отношения друг с другом, напр., в мануфактурной

кооперации, или как рабочие на фабрике, там они образуют чисто фактические группы. Даже случайное стечение индивидуумов, толпа и т. д. развивают социальные силы, над которыми право не имеет непосредственной власти. Так, например, путем кооперации отношение „индивидуум—вещь (Naturding)" вырастает до коллективной производительной силы. Подобно тому, как право не имеет власти над элементом — производительной силой, точно также оно не имеет ее над суммой последних. Оно может содействовать образованию союзов и таким образом усиливать эту сумму, но так как оно совершенно не имеет власти над элементом, то и соединением оно может управлять только в известной степени.

Однако все члены одного общества, независимо от какого бы то ни было права, находятся между собой в совершенно определенной и все же меняющейся связи, благодаря одному лишь факту сожительства в одно время и в пространственной близости. Все изменения во временных, пространственных и технических отношениях охватывают общество в целом, но не всегда осознаются индивидуумами, не говоря уже об общественном целом.

3. Рядом с этой связью индивидуумов стоит связь предметов природы—независимо от какого бы то ни было вмешательства со стороны людей. Мир вещей представляет собой такой же космос, как и мир людей. Из этого вытекает следующее заключение: если право закрепляет отношение индивидуума А к Б, то оно придает этому отношению А : Б, вид чисто личных отношений, не интересующих других членов общества. Если право связывает индивидуум А с предметом природы N, то это отношение А : N кажется частным. Но эти отношения с самого начала имели социальный характер; изменения общества, происходящие под правовой оболочкой, придают отношению А : Б другое содержание или другое значение, изменение технического значения вещи N в общественном производство в целом совершенно изменяет ее роль в руках А по сравнению с теми, которые, быть может, законодатель имел в виду при фиксировании отношения.

Из этого видно, что рычаг, которым право пользуется для воздействия на общественные факты, слишком короток для того, чтобы подчинить их себе, его скрепления представляют собой слабые нитки по сравнению с геркулесовой силой естественных отношений. Только вытягивается-то этот Геркулес так медленно и незаметно, что не сразу и не всюду и везде происходит разрыв этих нитей.

4. Однако правопорядок может повелевать также только через посредство людей. Власть-имущий индивидуум, который от имени общества должен осуществлять юридическую власть, должен в качестве индиви-

дуума также иметь фактическую силу, будь то сила физическая или сила авторитета. Право может в его руках лишь фиксировать фактическую власть, но условия осуществления власти представляют собой факты реальной жизни, а не права. Вооружена ли рука правосудия луком и стрелами или автоматическим ружьем, является ли землевладелец одновременно начальством, или эту роль исполняет приглашенный по найму жандарм,—все это определяется не правом, а всеми условиями существования общества.

Из намеченных здесь суммарно признаков права с ясностью вытекает следующее: сосредоточием и точкой приложения права является изолированная индивидуальная воля, но то, что оно стремится закрепить, его субстратом, его базисом является органическая связь людей между собой и с природой. Этот субстрат изменяется, изменяется, следовательно, и право. Но незаметный процесс сдвига не захватывает непосредственно самих норм—он ведь еле доходит до сознания отдельных лиц, не говоря уже об обществе. Норма инертна. Сохраняется ли правовой институт таким, каким он был прежде? По норме—да, но не по своей функции.

Капиталистическое развитие показывает это лучше, чем какое бы то ни было другое. Монеты находятся в собственности индивидуума, который хранит их на черный день в чулке; право говорит: никто не должен отнять их у него. Монеты имеют экономическую функцию „сокровища". У соседа пожар—не право совершало поджог—соседу нужны монеты, они даются ему взаймы за высокий процент. Функция денег, сбереженных на случай собственной нужды, превращается в эксплоатацию чужой нужды. Сосуществование людей и благ и неправовые изменения в том, что „есть" и что „имеется" не уничтожили нормы, не уничтожили правового института, а придали ему другое действие.

Изменение функций вследствие сдвига экономического и естественного базиса общества объясняет также факт desuetudo, упразднения на практике правового института без юридической его отмены. Если правовой институт теряет свои функции, то он может без всякого шума исчезнуть из общества и это исчезновение останется даже незамеченным членами общества. Если бы, например, хозяйственное развитие привело к тому, что никто не будет выражать своей „предсмертной воли", а будет оставлять свое добро законным наследникам, то через несколько поколений исчез бы из нашей памяти правовой институт завещания и он был бы упразднен фактическим путем. Однако не все правовые институты по своей природе способны к такого рода самоупразднению, неспособны быть жертвой desuetudo.

Desuetudo требует, во-первых, чтобы ни один субъект не вступал больше в правовой институт, чтобы, во-вторых, ни один из юридически допустимых объектов не представлял его субстрата. Так как при действующих нормах собственности каждый объект обязательно должен принадлежать физическому или юридическому лицу и каждая бесхозяйная вещь переходит в собственность оккупанта (res nullius cedit occupanti), так как буржуазное общество не знает другого порядка владения и каждая вещь при всяких общественных формах должна юридически состоять в чьем-нибудь владении, то собственность не может выйти из употребления (десуетудинировать). Во всех случаях, когда в каком-нибудь правовом институте наступает desuetudo, последняя доказывает бессилие права закрепить надолго свой субстрат.

2. Изменение функции и ее формы.

Мы рассмотрели общую теоретическую возможность и причины смены функций; теперь мы попытаемся анализировать формы, в которые она может вылиться.

1. Норма обращается к индивидуумам, наделяет их субъективными правами и налагает на них обязанности. Каждое правовое отношение предполагает наличность носителей — субъектов отношения. Сколько и какие именно индивидуумы являются носителями правового отношения, правового института, это определяет то, что называют его субъективным объемом. Правовой институт собственности получает тот или иной характер в зависимости от того, все или большинство, или же только меньшинство владеет собственностью. Правовой институт может продолжать существовать в качестве нормы и в то же время на практике лишиться всякого значения, когда ни один индивидуум не является больше его носителем; он может стать иллюзорным для большинства, если он существует только для меньшинства. Такого рода сдвиг является чисто количественным, и сам по себе, теоретически, не представляет собой изменения функции. Однако, совершенно ясно, что и социальное действие института становится качественно иным, вследствие такого расширения или сужения круга его носителей.

Каждый правовой институт заключает в себе, кроме субъективных отношений, объективное содержание, в частности собственность имеет своим объектом телесную вещь, часть природы, известное количество вещества. Право собственности принимает тот или иной характер, смотря по тому количеству вещей, которое оно охватывает. Это количественное увеличение или уменьшение также влияет на социальную функцию института, хотя и не в его идее, но фактически.

Эти оба чисто количественных сдвига и являются как раз теми, которые в первую очередь бросаются в глаза, на которых останавливается поверхностный взгляд. Так некоторые социал-демократы видят единственную гарантию социального развития в сосредоточении объектов собственности в руках немногих субъектов и изучают аккуратнейшим образом статистику владения, хотя в этих количественных отношениях, как таковых, не заключается смены функций собственности; так, напр., многие социальные реформаторы видят спасение в введении максимальных и минимальных размеров владения. Такого рода взгляды механического характера остаются лишь на поверхности явления.

Несомненно то, что в капиталистическом способе производства происходит беспрестанная смена субъектов и объектов собственности, беспрестанная экс- и аппроприация. Уже в этом одном заключается изменение ее функций. Прежняя наследственная собственность находилась твердо в руках субъекта и его правопреемника, в руках семьи, в настоящее же время объекты постоянно меняют места и руки. Без сомнения, эта перемена совершается таким путем, что объекты имеют тенденцию сосредоточиваться в немногих руках. Однако, благодаря переходу по наследству, они часто опять раздробляются; путем неизбежного распадения на производственный и рабочий фонды, они даже должны частью возвращаться опять в руки всех, и никто, таким образом, с юридической точки зрения, не является неимущим. В последнем итоге такого рода количественное рассмотрение может привести всегда лишь к одному выводу: провозглашению абсолютной вечности собственности в том виде, как она существует сейчас.

2. Это косвенное изменение функций, которое наступает лишь как результат субъективного и объективного расширения и сужения отступает на задний план перед прямым изменением функций. В существенных чертах, этот последний процесс заключается в следующем: собственность является de jure нечем иным, как властью лица A над вещью N, простым отношением индивидуума к предмету природы, которым не затрагивается никакой другой индивидуум и никакая другая вещь; вещь есть частная вещь; индивидуум—частное лицо, право—частное право. Так дело фактически обстоит в период простого производства, функция института носит также частный характер, не-социальный, не-публичный, потому, что субстрат права—фактическое распределение рабочих сил и благ создает возможность и необходимость именно этих форм права. При изменившемся субстрате отношение индивидуум—предмет природы наполняется совершенно иным содержанием, связь всех членов общества и

предметов природы между собой превращает его в отношение человека к человеку, которое маскируется отношениями вещи к вещи; под мнимой, наружной властью человека над вещью прячется власть личности над другими лицами, над самим обществом.

Функция права раскрывается не в субъекте, как таковом, не в объекте, как таковом, даже не в юридической власти субъекта над объектом, поскольку последняя является обеспеченной правом свободной деятельности, а в действенном осуществлении права, в фактическом способе осуществления права. В простом товарном производстве осуществление имеет лишь вид частного, изолированного акта, на самом же деле оно представляет собой частичный акт всего социального жизненного процесса, совершаемый одной клеткой целого социального организма над одним из атомов общей социальной материи. Но осуществление права собственности происходит здесь—в ту эпоху—лишь в рамках описанного микрокосма. Способ осуществления получает общественные определенность и значение, как только этот микрокосм распадается и его части включаются в общественный способ производства. Когда изолированный крестьянин оставлял свои поля необработанными, то он не вредил никому, а сокращал лишь свое собственное питание. Владелец угольных копей, который сокращает производство, тем самым сокращает общественный запас топлива, уменьшение же своего дохода он компенсирует повышением цен на уголь. Но осуществление его субъективного права не только имеет социальное значение, но оно само опять-таки определяется обществом. Как использовать свою землю, это изолированный крестьянин решает по своему субъективному усмотрению; капиталистический же производитель находится под влиянием положения рынка, т.-е. общества. Он юридически свободен, экономически связан; эта связь вытекает из того отношения, в котором объект его собственности находится к совокупности всех объектов. А так как способ осуществления определяется не правом, а внеправовыми фактами, то право теряет власть над вещами.

3. Осуществление собственности в простом товарном производстве требует, вследствие универсальности объекта собственности, ничем неограниченных полномочий собственника. Экономическое развитие, однако, разлагает микрокосм на его части, и эти отдельные части можно утилизировать лишь совершенно конкретным образом, в зависимости от технической природы вещи и утилизировать ее может лишь тот, кто владеет этой техникой. Если вещь может служить орудием труда, то лишь—при посредстве какой-либо умственной или физической рабочей силы; если она является средством потребления, то лишь вследствие того, что

есть кто-то, кто может и кому нужно ее потребить. Но ведь собственник не может считаться универсалистом в качестве рабочей силы, ни специалистом в качестве потребителя. Следовательно, специальная вещь, поскольку объект собственности должен служить обществу, должна выйти из обладания собственника, так как она технически перестает быть в его подчинении: он не может остаться ее собственником технически и не хочет перестать быть им юридически. Так как он больше не может осуществить своей власти над вещью технически, то ему приходит в голову хитрость—культивировать юридическое осуществление: он отчуждает вещь, передает ее во владение других посредством юридической сделки и пользуется, таким образом, ее плодами чисто юридически.

Как это происходит? Правопорядок должен обеспечить возможность вещам попадать в руки их технического владельца, иначе общество перестало бы существовать. Однако проблема разрешена раньше, чем она возникла: пробелы в мелкобуржуазной собственности заполнялись при помощи всякого рода старых правовых институтов—ни одна юридическая система не разрешает своей задачи без остатка: каждая нуждается в затычках. Купля и продажа, ссуда, заем, наем существовали раньше, однако, с минимальным субъективным и объективным кругом действия, с совершенно второстепенной функцией, в качестве одних лишь вспомогательных институтов. Теперь для них наступает час эволюции. Право утилизации вещи только собственником является абсолютной помехой как для общества, так и для него самого—что же, уничтожает законодатель институт собственности? Нет, этого препятствия он почти не замечает, ведь сам собственник помог себе еще раньше на деле. Он сам превращает вспомогательные институты в такие, которые дополняют собственность. Превращать в звонкую монету свою наследственную собственность было раньше воспрещено или, по крайней мере, это считалось позором. Кто мог бы подумать, что собственность существует для того, чтобы быть осуществленной юридически, чтобы быть „проданной“! Теперь объект собственности становится товаром и не допускает никаких иных форм приобретения собственности, кроме покупки и продажи! Теперь объект собственности становится машиной и не допускает иной формы эксплоатации, кроме прикрепления к ней других людей путем договора заработной платы и поручения им детенции и технического осуществления права. Теперь земля в соответствии с ее назначением передается путем аренды во владение человека, который знаком с техникой унавоживания—собственность осуществляется посредством юридической сделки; каждый вид собственности, т.-е. собственность с особой техно-экономической функцией, может

теперь социально осуществляться только в связи с своим дополнительными институтами. Этот дополнительный институт лишь реализует техно-экономическую функцию, становится субстратом социальной функции собственности, а сама собственность сводится к частной ее функции; частная функция заключается в том, что объект фиксируется юридически за тем, кто не может владеть им фактически (экономически), но все же имеет право им владеть.

Собственность простого товарного производства осуществляется без всякого вмешательства другого правового института, без какой-либо юридической сделки: земля возделывается и плоды ее потребляются собственником. Поскольку этого требует ремесленное, товарное производство, работают на заказчиков—обыкновенно, следовательно, посредством договора подряда (locatio conductio operis)—или на местный рынок,—следовательно посредством купли и продажи. Однако эта купля и продажа относится лишь к одному продукту, не все и не вся втягивается в водоворот беспрестанных покупок; продажа является лишь финалом трудового процесса, осуществление собственности обычно представляет собой техническое распоряжение вещью. Теперь же осуществление путем юридической сделки становится специфической функцией собственника, техническое осуществление—специфической функцией не-собственника; социальной функцией собственника является теперь распределение благ между рабочими силами и потребителями. Подумаем только немного—как это происходит? Разве не законодатель отдал в собственность рабочему-потребителю средства труда—потребления, для того, чтобы последний, наконец, мог быть уверенным в их владении? Разве, следовательно, не законодатель был распределителем благ для рабочих сил и потребителей? Теперь отношение меняется, теперь собственник не является ни рабочим, ни потребителем, но так как законодатель в это время отправился на покой, то собственник берет на себя должность распределителя!

Но, если мы оставим это в стороне, только теперь собственность получает свои совершенно определенные функции в каждом отдельном случае в связи с дополнительными институтами. В простом товарном производстве собственность существует отчасти благодаря примитивному обязательственному праву—институтам рыночных сделок. Теперь же она превращается в продуктивный капитал посредством соединения с договором заработной платы, в процентный капитал—в связи с правовым институтом займа, она превращается в современную земельную собственность посредством арендного договора и т. д. Вследствие этого возникают типичные комбинации правовых институтов, высшие соединения эле-

ментов юриспруденции, теоретически излагаемые в монографиях (право землевладения, домовладения, горное право, торговое право и т. д.). Так как собственность в ее определенных функциях всегда связана с определенными дополнительными правовыми институтами, то становится ясным, что ее общая функция вовсе не может быть выведена из самого права собственности. Как бы тщательно мы ни разлагали содержание собственности, общую власть распоряжения на отдельные полномочия, все же таким способом мы никогда не откроем „темные стороны“ собственности. Они развиваются лишь путем совместного действия собственности и договора заработной платы, собственности и займа и т. д. Как люди и вещи, так и правовые институты находятся между собой в социальной связи. Под какое бы увеличительное стекло мы ни взяли только одну распорядительную власть над машинами, право собственности на таковые—оно ничего нам не раскроет. И потому-то теория не находит изъяна в самом этом праве, взятом как таковое, в отдельности. Если политикам социализма „абсолютность“ распорядительной власти кажется опасной, так как при ней возможно также злоупотребление, расточительство или уничтожение блага, то собственник в праве ответить: „Кто расточает и уничтожает собственность, тому место в сумасшедшем доме; сумасшествие или слабоумие отдельных собственников не затрагивает самого института. Абсолютная, неограниченная распорядительная власть? Я не распоряжаюсь ни абсолютно, ни произвольно, я распоряжаюсь исключительно совершенно конкретным образом, я с машинами не могу поступить иначе, как пустить их в ход или остановить. Или вы предпочли бы, чтобы они стояли?“—Если подвергнуть изолированному рассмотрению договор заработной платы, то он ничего, кроме утешительного факта совершенно свободного соглашения двух сторон, не обнаружит, т.-е. у нас снова не будет основания для каких-либо опасений. Лишь оба института, связанные между собой, являются носителями определенной экономической функции. Осуществление субъективного права, которое само по себе было бы одним лишь естественным актом, не юридической деятельностью, происходит здесь посредством юридической сделки: собственник распоряжается своим объектом собственности—машиной—посредством договора заработной платы, владелец рабочей силы исполняет принятое на себя обязательство по юридической сделке, затрачивая свой труд на объекте собственности, принадлежащей другому; один хозяйственный акт представлен двумя, связанными между собой, правовыми институтами. Таким образом, каждая отдельная функция собственности оказывается юридически в особой связи с другими правовыми институтами, которые она находит уже сло-

жившимися раньше, но которые она в указанном выше смысле количественно расширяет: дифференциация собственности влечет за собой одновременно небывалое развитие купли, договора заработной платы, займа, которые перед этим были лишь затычками правовой системы.

4. Однако ни из юридической природы—содержания норм отдельного правового института,—ни из суммы связанных между собой правовых институтов невозможно усмотреть их социальной функции; возможно усмотреть ее лишь из экономической связи, в которой они находятся. Назовем краткости ради весь процесс производства и воспроизводства общества его производством. Общественное производство предписывает каждому индивидууму определенный способ осуществления его права, однако, не в качестве нормы, а в виде разумного правила его поведения; если право только обеспечивает свободу действий, возможность, полномочие, то общественный способ производства определяет фактическое поведение и конкретно заполняет юридическую carte blanche; он присвоивает каждому субъекту права определенную характерную экономическую маску и дает объекту прочную экономическую форму. В каждом индивидуально-вещном отношении общество само воплощено в виде социальной роли индивидуума и экономической определенности вещи. Общество является таким образом той незримой, невесомой душой, которая обнаруживает себя в вещах, людях и институтах, но которая всегда находится п о т у с т о р о н у их, подобно тому, как центр тяжести кольца находится вне его материи.

Все имущество индивида представляется ему в виде принадлежащего ему хозяйственного предприятия. Частичное предприятие выделено из общественного производства, и то, что является частью, к а ж е т с я чем-то целым, индивидуализированным, благодаря праву представляет собой юридическую единицу. Каждое частное предприятие есть в то же время объект индивидуального обладания. Это юридическое единство и целокупность, именуемое „имуществом“, является экономически лишь частью и фрагментом в качестве „предприятия“. Таким образом право имеет вообще функцию фиксировать отдельные предприятия в качестве имущества, общественное же производство в целом подчиняет себе отдельные предприятия, при случае оно их уничтожает и вновь образует. Способ производства постоянно восстает против способа владения, владение является постоянным препятствием развитию производства. Производительные силы человечества развиваются не всегда при помощи собственности, но часто наперекор собственности, несмотря на собственность.

В каждом частном предприятии личность, вещь и собственность играют определенную роль, эти элементы имеют свою определенную функцию. Только в такой связи, например, человек является фабрикантом, некоторое количество людей—рабочей силой, совокупность вещей собственника—промышленным капиталом; в этой связи собственность имеет функцию присваивать субъекту собственности продукт чужой работы, она имеет капиталистическую функцию. Подобно этому, дело обстоит и с товарным складом, с банком. И это-то и делает критику собственности столь трудной: тот же человек, та же вещь, то же право могут изменить свою функцию в другом частном предприятии, даже при неособенно значительном изменении способа производства; вместо того, чтобы присваивать и эксплоатировать, они могут сами сделаться объектами присвоения и эксплоатации, что, например, легко случается с капиталистическим арендатором. Если количественное расширение и сокращение собственности и вытекающий из этого способ функционирования легко может быть понят, то трудно усвоить и анализировать качественную функцию собственности в буржуазном обществе: она заключается не в индивидуумах, не в телесных вещах, не в самом правовом институте, даже не в совокупности связанных между собой институтов; все эти элементы должны находиться между собой в связи внутри отдельного частного предприятия, а это последнее опять должно рассматриваться в связи с общественным способом производства в целом. Социальная функция правового института, это—его значение для всей жизни общества.

3. В частности: расщепление функций и относительное отсутствие функций.

В области права мы обязаны Марксу тщательнейшим анализом способа функционирования каждой части собственности в каждой фазе общественного производства. Мы попытались представить в наглядной схеме главные формы этого функционирования и неоднократно подчеркивали, что в каждом конкретном случае могут встречаться промежуточные формы, что многочисленные зачаточные формы функций сохранились до настоящего времени; однако один характер свойствен всякой собственности, как осколку собственности, так и собственности—колоссу, это—ее свойство властвовать над людьми и эксплоатировать их, хотя эта роль в карликовом предприятии не всегда заметна и часто маловажна. Как это ни странно: тот, кто распоряжается объектом технико-экономически, кто в л а д е е т и м т е х н и ч е с к и, не реализует для себя собственности экономически; кто распо-

лагает объектом собственности лишь юридически, реализует его для себя обыкновенно экономически, посредством договора заработной платы, аренды, займа. Экономическая собственность, следовательно, прямо идентична с нетехническим распоряжением — первоначальное отношение превращено в свою противоположность!

Однако капиталистическая функция настолько тесно связана с объектом собственности, что вовсе не всегда юридический субъект такового является его пользовладельцем. Дающий деньги в заем является до заключения юридической сделки займа юридическим собственником суммы, отданной в заем; он должен отказаться от детенции своего объекта, должен передать его посредством юридической сделки в детенцию другого, подобно отдающему в аренду свой земельный участок. Однако при денежных суммах этот перенос детенции необходимо представляет собой в силу природы объекта—отчуждение, юридическую передачу в собственность другого. Здесь экономический собственник, т.-е. тот, кто осуществляет в свою пользу капиталистическую функцию теряет даже юридическую собственность, сохраняя, однако, в своих руках эту функцию! И такое положение вещей встречается нередко. Оно ясно в том случае, когда ипотечный веритель присваивает себе земельную ренту, акционер—предпринимательскую прибыль в форме дивиденда и когда все же оба не имеют в руках ничего, кроме написанной или напечатанной бумаги в форме долгового обязательства и акции. Здесь материальное содержание собственности прямо перерастает юридический институт собственности, собственность формально поглощается дополняющим его долговым договором, дополнительный институт сам берет на себя основную функцию собственности, и открыто выявляет в ней то, чем она является на самом деле—простым титулом на присвоение прибавочной стоимости. Уже этот случай показывает, что экономическую собственность легко отличить от юридической, бывшей зародышевой ее формой.

Однако эти случаи не единственные в этом роде и даже не самые выдающиеся.

Капиталистическая функция свойственна в настоящее время каждому объекту собственности, даже таким, где меньше всего их можно было бы ожидать при поверхностном взгляде. Даже потребительное благо в руках рабочего является капиталом—переменным капиталом. Однако, как таковой, он действует лишь в пользу того, кто применяет рабочих, в пользу предпринимателя, а не в пользу рабочего, для которого он представляет собой одну лишь потребительную стоимость. Этот феномен типичен для связи вещей и отношений, в которой только и может проявляться капиталистическая функция.

Отношение рабочего к своей буханке хлеба юридически завершено в самом себе, однозначно и просто. Оно юридически является собственностью. С экономической же точки зрения буханка хлеба была вчера в виде денежной суммы в руках класса капиталистов и вернулась сегодня обратно в распоряжение этого класса в виде воспроизведенной рабочей силы; денежная сумма, выражающая стоимость буханки хлеба, была сегодня в руках рабочего и снова вернулась к этому классу на место хлеба, она, далее, возвращается в форме возмещения издержек производства снова к отдельному предпринимателю, дающему работу рабочему, она является нечем иным, как авансированной частью капитала. Одна и та же часть капиталистической собственности, экономическая собственность капиталиста переходит из рук в руки, меняет юридический субъект собственности и все-таки остается его капиталом. Капиталист говорит: рабочие живут на „мои“ деньги, хотя юридически деньги принадлежат уже рабочим; он говорит: товар—это „мой“ товар, даже когда он перешел в собственность торговца; он говорит: я должен опять вернуть себе „мои“ деньги, когда он стремится получить обратно свои издержки производства при продаже товара, хотя эти „его“ деньги юридически уже стали деньгами бесчисленного множества субъектов собственности. И с экономической точки зрения он прав. Все эти вещи—е г о, они благодаря ему е д и н ы, они являются капиталом, благодаря одному и тому же закону, который ими управляет, благодаря единой воле капиталиста. И они не перестают быть капиталом, когда они юридически попадают в собственность X, Y, Z-а. Если же на вещь смотреть только глазами X-а и т. д., то от взгляда совершенно ускользает ее капиталистическое свойство и обнаруживается лишь техническое отношение: индивидуум—предмет природы и волевое отношение: субъект собственности—объект собственности [1]). Таким образом капиталистическая функция присуща объекту собственности, а не юридическому субъекту; функция капиталиста, его экономическая характерная маска не тожественна с юридической характерной маской субъекта собственности, обусловлена же она тем юридическим фактом, что все объекты находятся в чьей-либо собственности.

Экономическую собственность поэтому вполне можно отличить от юридической, из которой она развилась. Эта последняя—телесная вещь (также совокупность вещей), следовательно, предмет природы, экономическая же собственность

---

[1]) Совершенно также юридическое отношение: господин—подданный, когда этот подданный является наложницей, физиологически совпадает с отношением: мужчина—женщина и в этом естественном отношении господин сбрасывает с себя все социальные и юридические свойства.

представляет собой сумму стоимостей; следовательно, с самого начала нечто общественное. Выражение „экономическая собственность“ постольку правильно, поскольку оно обозначает ее происхождение, ее историческое развитие, но оно вводит в заблуждение тотчас же, как только приводит к смешению с юридической собственностью. Правовая жизнь выработала для экономической собственности адэкватную юридическую категорию, она обозначает экономическую собственность лица, как его „состояние“ (Vermögen)—гениальное бессознательное изобретение языка, так как само слово выражает социальную власть лица, то, что он „в состоянии сделать“.

Это разделение юридической и экономической собственности, которое совершенно неизвестно простому товарному производству, порождает много обманчивых для поверхностного взгляда феноменов. И, прежде всего, оно порождает разделение функций или дифференциацию функций, о которых упомянуто выше.

При простом товарном производстве данный объект собственности служит субъекту и в качестве совокупной вещи и в качестве наследственной собственности; все экономические функции в нем смешаны, неотделены, составляют единое целое, и юридическая единая собственность совпадает с экономической единой собственностью. В настоящее же время один и тот же земельный участок, например, служит собственнику в качестве источника ренты, т.-е. в качестве имущества, арендатору—в качестве титула на получение прибыли, его рабочим—в качестве средства труда; для этих же последних он не является имуществом и, таким образом, одна и та же вещь распределяет свои функции между различными лицами, которые связываются с вещью институтами, дополняющими собственность.

Далее, дифференциация собственности объясняет феномен функционального бездействия института собственности. Каждая оккупированная человеком часть природы выполняет социальную функцию и, следовательно, также каждый объект собственности. Объекты собственности никогда не остаются без функций. По этой причине многим кажется просто невозможным уничтожить собственность.

С другой стороны, для одного индивидуума собственность имеет, как только она разделила свои функции, лишь одну функцию; так, например, ломоть хлеба имеет для упомянутого выше рабочего только потребительную функцию, для всех же остальных способов применения собственность оказывается лишенной функций. Сама же вещь все-таки сохраняет во всех случаях по меньшей мере одну функцию.

Иначе дело обстоит с субъектом собственности. Объект собственности, который представлен, скажем, какой-нибудь

акций, имеет, конечно, совершенно определенные функции, однако **собственник**, имуществом которого она является, не выполняет никакой социальной функции, или, что то же самое, выполняет антисоциальную функцию. Изменение функций собственности происходит, значит, здесь таким путем, что не институт, как таковой, остается без функции, т.-е. отменяется путем desuetudo, а его носитель становится экономически бесполезным, подобно римской весталке или нищенствующему монаху. Благодаря этому относительному, субъективному бездействию института, он не уничтожается; он даже не может уничтожиться, так как его объект никогда не остается без функций и все объекты de jure должны оставаться в чьей-нибудь собственности. Следовательно, собственность не может свестись к нулю, она может лишь **выродиться**.

4. Разделение предприятия и владения.

Итак, может встать лишь вопрос о том, может ли и должно ли когда-либо это вырождение достигнуть такой степени, что **все** собственники сведут свою роль лишь к **одной** функции—извлекать из объекта собственности прибавочную стоимость; или что, по крайней мере, подавляющее большинство собственников будет вытеснено из процесса производства, будет ярко выделяться своей общественной бесполезностью или даже вредностью, станет несомненной, резко очерченной мишенью для ненависти непосредственных производителей. К этому позорному столбу его несомненно приближает могущественнейшая тенденция развития экономики.

Однако институт собственности еще нигде не достиг этой ступени развития, да и не может нигде автоматически принять такие широкие размеры. Это вытекает из форм существования самого капитала.

Весь действующий капитал существует в форме частных предприятий [1]).

Общественное же производство при всех условиях (даже в коммунистическом обществе) разделено технически между частичными предприятиями, которые распределяются по государственной территории между отдельными группами населения. Нельзя себе представить ни одной организации общества без пространственного распределения мест производства и без технического разделения процессов производства. Это деление производства на отдельные предприятия

---

[1]) Государственные предприятия экономически подчиняются частному праву.

является как само по себе, так и в коммунистическом обществе, чисто техническим вопросом. Принципы разделения производства просты: природа вещей, которые являются предметами и орудиями производства, которые распределяются и потребляются, степень развития производственной техники, теоретическое и практическое развитие методов производства,—словом, все моменты, которые можно объединить под именем „социальные производительные силы“, определяют способ производства. Способ производства при простом товарном производстве целиком совпадал с юридической формой наследственной собственности, он предполагал рядом стоящие производственные микрокосмы.

Однако как раз эта организация производства развязывает все индивидуальные производительные силы и, социализируя их в мануфактуре и фабрике, развивает их в таком масштабе, о котором раньше нельзя было и мечтать. Эта новая организация производства не только атомизирует производительные силы и средства, но и приводит их в тесную связь и этим делает все элементы текучими—corpora non avent, nisi fluunt. И вот начинается процесс новой группировки б л а г, за которой безусловно должны следовать р а б о ч и е с и л ы. Вновь образуемые производства не представляют собой самодовлеющих миров, а являются специальными производствами, специализированными частями одного целого макрокосма, объединяемого рынком, национальным и, позднее, мировым рынком.

Положение каждого отдельного предприятия в этом совокупном производстве определяет его с у д ь б у, но не его в е л и ч и н у. Эта последняя всецело зависит от природы средств производства и от метода производства. Решающим фактором для величины производства, взятого в самом себе, а в социальной жизни в последней инстанции—состояние техники данного времени. Легко понять, что в настоящее время железо приходится выплавлять в больших предприятиях, в то время как коров можно доить только порознь; понятно, что люди должны распределяться по лицу земли для того, чтобы извлекать из нее подлежащие усвоению вещества, в то время как товары, подлежащие продаже, целесообразно накоплять на складах. Недвижимые средства производства тянут человека за собой, движимые же человек тянет за собой. Рабочие силы и средства труда должны при всех условиях индивидуально приспособляться друг к другу, и чем теснее это происходит, тем это целесообразнее. Точно так же и потребление должно приспособляться к индивидуальному потребителю, как врач к пациенту или как обувь к ноге.

Каждый частичный общественный продукт, как хлёб, вино и т. д., проходит далее, через длинный ряд процессов

обработки, которые более или менее отграничены друг от друга. Можно процесс превращения хлопка в платье сосредоточить в одном месте, можно его распределить по отдельным прядильням, ткацким фабрикам и т. д., и т. д. Техник решает, что целесообразнее. Однако нельзя культивирование виноградных лоз, сбор и давку винограда, хранение в погребах перенести в какую-нибудь пристройку к питейному заведению. В частности земледелие и скотоводство требуют распределенных по разным местам предприятий определенной максимальной величины, благородные растения и животные требуют прямо-таки любовного сближения между рабочей силой и отдельным индивидуумом. Все это само собой понятно.

Это разделение производства на отдельные предприятия, однако, которое при известных обстоятельствах технически оправдывает даже карликовые производства, также, очевидно, не исключает необходимого включения частей в целое общественного производства. Более того, эта индивидуализация производства всегда лишь имеет частичный характер. Человек, который в совершенстве доит коров, не является в то же время самым совершенным ветеринаром. Далее, карликовое предприятие в области скотоводства может быть целесообразным в отношении корма и получения молока, но оно не является таковым в отношении случки, в отношении обработки, рассылки и учета молочных и мясных продуктов. С чисто технической точки зрения индивидуализация производства является всегда лишь частичной, требующей во всяком случае одновременно частичной связи предприятий; но самое важное — это хозяйственный план, который может быть составлен технически целесообразным образом для данной отрасли производства только тогда, когда он обнимает все предприятия.

Частичная, относительная самостоятельность частичных предприятий всех размеров может в настоящее время получать свое юридическое выражение лишь в юридической форме абсолютной сепаратной собственности. Так как собственность представляет собой способ нашего обладания, то сепаратное производство по необходимости становится сепаратной собственностью. Однако связь всех производств сказывается одновременно в качестве необходимой зависимости частичного производства от общественного производства, которая в свою очередь обыкновенно проявляется в зависимости собственника от торгового капитала. Способ владения, наша частная собственность, нередко делает возможным и вынужденным оставление в частной собственности таких предприятий, которые выделены в отдельное производство по техническим соображениям, что отнюдь не является доказательством в пользу частной собственности. Юридиче-

ски такие производства представляют собой совершенно независимое, частное владение, экономически же они в указанных выше отношениях являются зависимыми, социальными, частичными производствами. Это противоречие между правом и субстратом его вызывает постоянные нарушения производства, которые по меньшей мере выражаются в убытках собственника, обыкновенно же вырождаются в его зависимость от ссудного или торгового капитала; это противоречие, прежде всего, препятствует развитию общественных производительных сил.

Во всех случаях такой зависимости юридического собственника от капитала, собственность сама собой не упраздняется; происходит же то, что экономическая собственность отделяется от юридической, юридический собственник становится просто владельцем (детентором) от имени экономического. Если собственники преодолевают в своих интересах вредные стороны собственности путем образования товариществ, то все-таки они не могут и не хотят упразднить собственность в интересах общества, они озабочены лишь обеспечением себе титула на прибавочную стоимость — ни больше, ни меньше. Капиталистическая функция собственности остается нерушимой даже тогда, когда все собственники одной отрасли производства вырабатывают общий хозяйственный план и коллективно регулируют все коллективные отношения своих предприятий. И частная собственность остается помехой для объединенной группы собственников, даже если мы группу рассматриваем как нечто единое.

Капиталистическая функция, как мы видим, совместима с любой величиной предприятия: статистика размеров производства столь же мало может служить доказательством в пользу или против собственности, как и статистика размеров владения. Корень зла заключается не в количестве, а в качестве, в характере функций собственности.

Однако и качественная сторона существования капитала препятствует автоматической концентрации до конца; если б это было не так, то частная собственность не представляла бы собой препятствия для развития. Промышленный капитал дробится все время на отдельные части, постоянный закреплен в производстве, оборотный находится постоянно в обращении, он в части переходит в качестве денежного и товарного капитала из рук в руки и, следовательно, постоянно образует собственность в меньшем или большем размере, в другой же части переходит в качестве переменного капитала в карманы рабочих и также делает их юридическими собственниками. Таким образом капитал распадается автоматически не только на многочисленные производственные и распределительные единицы, но и на мно-

гочисленные больших или меньших размеров частные потребительные единицы, он управляет анархически не только общественным фондом производства, но и общественным фондом труда, и этим последним в наибольшей степени.

Превращение всех видов собственности в простые титулы на получение процента и ренты, исчезновение капиталиста из процесса производства не может, следовательно, быть проведено до конца, пока существует право собственности, точно так же, как феодальная эпоха не превратила феодала всюду и обязательно в простого паразита. Что сохранившийся правопорядок является помехой развитию, это—отнюдь не фраза, а жестокий и, к счастью, в то же время революционизирующий факт. Собственность фиксирует предприятие в качестве частного владения, стремится его закрепить в руках собственника. Изменение общественного способа производства изменяет и частный способ производства и приводит последний постоянно, следовательно, к столкновению с способом присвоения. Ставшие необходимыми изменения в производстве требуют отчасти расширения производства или его интенсификации, следовательно, добавочных капиталов, которых мелкое производство само не может накоплять и которые должны быть взяты в долг, отчасти—подчинения производства торговле, отчасти—ликвидации отдельных предприятий, обломки которого присваиваются капиталом. Каждое изменение в производстве угрожает самостоятельности собственника, совершается против него, оканчивается либо его экспроприацией, либо подчинением торговому и процентному капиталу.

Эта опасность приводит самих капиталистов к коллективному хозяйству. В качестве собственников, однако, они препятствуют обобществлению своих капиталов и довольствуются одним лишь участием в современных формах ассоциации. Однако ясно, что тем самым они сознательно развивают лишь то, что уже раньше заложено было в природе их капиталов: их капиталы были раньше совокупным капиталом класса капиталистов, обеспечивавшим каждому среднюю прибыль. Таким образом капиталисты начинают юридически конституироваться в качестве класса, подобно тому, как трудовой фонд принимает коллективные формы управления посредством рабочего страхования, конституируя таким образом рабочий класс в качестве класса также и юридически. Эти ассоциации представляют собой поэтому феномены с а м о з а в е р ш е н и я капитализма, а не его упразднения, так как они имеют тенденцию организовать капитал, его стабилизовать и увековечить эксплоатацию общества посредством собственности. Но проклятие класса капиталистов заключается в том, что он не может себя увековечить, не социализируя собственности со

стороны формы и не подготовляя, таким образом, почвы к превращению частной собственности в общественную собственность. Форма, однако, еще не составляет собой сущности, и социализированный класс капиталистов тем самым не перестает быть классом, частью общества, собственность тем самым не перестает эксплоатировать несобственников.

Однако и эта формальная социализация едва ли может стать когда-либо всеобщей, так как в обществе, в котором частная собственность является единственным способом владения, социальные частичные предприятия, технически разделенные части общего социального производства, всегда должны возвращаться в частную собственность. А если это так, то собственник остается еще в подавляющем числе случаев либо действующим капиталистом, либо рабочим, он не остается просто без функций, он сохраняет свою защитную, обманчивую двуликую маску в качестве участвующего и неучаствующего в производстве лица. Однако разве это исключает в какой бы то ни было степени антисоциальную функцию собственности?

5. Современное имущество или „состояние“.

Изменение функций выступает поразительно ясно, когда мы в конце развития собственности сравниваем норму и субстрат, как мы это сделали раньше (выше, гл. 1, 2) в отношении мелкобуржуазной собственности.

Собственность представляет собой субъективное индивидуальное право на вещь, подчинение последней исключительной индивидуальной воле собственника—разве клиент банка, акционер, член товарищества, распоряжается индивидуально своей вещью? Разве рынок не господствует даже над самодержавнейшим фабрикантом? — Собственность представляет собой абсолютное право, т. е. оно требует, чтобы все другие, подчиненные норме, воздерживались от всякого воздействия на вещь. И вдруг: домовладелец осуществляет свое абсолютное право таким путем, что принимает чужих с улицы и сам помещает их в своей так называемой собственности, землевладелец—путем отдачи своего владения на 10, 99 лет арендатору с его колонной поденщиков! Наемщик и арендатор пользуются защитой владения, они могут собственника, который вмешивается, который является непрошенным гостем, отстранить, прибегнув к вмешательству публичной власти! Коллективный собственник железной дороги привлекает даже кого попало к свободному пользованию его владениями—чем больше, тем лучше!—Собственность устанавливает полную власть индивидуума над вещью, однако экономическая вещь, субстрат права, не пред-

ставляет собой какой-либо целокупности вещей, микрокосма, она является частицей общественного производства в целом и допускает лишь единообразное использование—даже число оборотов веретена технически предуказано — неограниченной юридической власти над вещью противостоит весьма специальная экономическая возможность утилизации вещи.—Собственность субъективно и объективно универсальна, все индивидуумы могут владеть всякого рода вещами, и также было при простом товарном производстве: все взрослые индивидуумы[1]) имели в своем распоряжении микрокосм разного рода вещей. Теперь одни,—подавляющее большинство,—не имеют ничего, кроме потребительного фонда на неделю, другие—ничего, кроме домов, третьи—ничего, кроме машин и их снабжения, четвертые — ничего, кроме печатной бумаги известного типа. Современное „состояние“ вовсе не представляет уже собой космоса,—вне зависимости от того, мал ли он, или велик,—не является ни микро- и ни макрокосмом, это — неорганическая смесь производственного и отчасти „бумажного“ владения! Бумажное владение включает в себе частицы различных туземных и заграничных железных дорог, различных предприятий, государственных долговых обязательств и т. д., бессвязную кучу осколков, объединяемых лишь тем, что это владение имеет целью гарантировать среднюю прибыль. Производственное владение не имеет никакой связи с индивидуальностью и допускает накопление в любом масштабе. Юридическая характерная маска монарха совместима с экономической маской винокура, юридическая маска министра—с экономической—биржевого спекулянта, церковная—князя-архиепископа—с маской промышленника-ростовщика. „Состояние“ представляет собой чисто юридическое единство, в основании которого не должен обязательно лежать единый экономический субстрат, это—такое единство, которое математически делится без остатка на 2, 3, 5 и т. д., это—не цельный предмет, а лишь алгебраическая сумма. Норма и субстрат настолько не похожи друг на друга, настолько несравнимы, настолько несоизмеримы, что в сущности не нормы собственности объясняют собственность и делают понятными ее функции, а связанные с ней дополнительные правовые институты. Большинство людей, даже капиталистов, владеет жилищем по квартирному праву, питается по рыночному праву, одевается, снабжается, развлекается по праву личного найма, и собственность юридически служит лишь фоном в качестве общей предпосылки действующего на практике специального права, она существует в сознании в качестве досадного факта, что кто-то должен быть, кто распоряжается вещью „в последнюю го-

---

1) Ученики и подмастерья в более позднем возрасте.

лову“. Распоряжающимся „в первую голову“ у машины, у молотка, у плуга является рабочая сила, в доме — наниматель, вообще несобственник. Субъективное, абсолютное, полное, универсальное распоряжение кажется совершенно исчезнувшим с поверхности общества, и все же оно продолжает существовать в качестве субъективной, абсолютной, полной, универсальной распорядительской власти класса капиталистов над всем вещно-людским материалом, над его ежегодным прибавочным продуктом.

Однако эта власть, не выраженная в норме, не желаемая нормой, не отражающаяся в норме, не может быть найдена юридически. Норма и субстрат не совпадают больше друг с другом, они даже почти не походят больше друг на друга, и теперешняя функция нормы является результатом развития, в котором „условия производства и правовые условия развиваются неравномерно“; это—уродливость лесного дерева, выращенного в цветочном горшечке, это—искажение божественного образа, отраженного в кривом зеркальце. Капиталистическая функция собственности опирается на противоречия между развивающимся, отчасти законченным, осознанным в своем единстве общественным производством и продолжающим существовать правом прежних микрокосмических частных предприятий. В этом противоречии, которое все больше назревает, все с большей ясностью развиваются функции современной собственности, они все больше дифференцируются, порождают все большее количество дополнительных институтов, а собственность все более заметно ограничивается одним лишь распоряжением стоимостью и присвоением стоимости.

6. Изменение функций и изменение норм.

Я утверждаю, что Карл Маркс сознательно изучил и описал все отдельные явления капиталистической эпохи в этой связи постоянного развития человеческого общества в его социальном бытии на базисе унаследованной, неподвижной, отсталой, закостеневшей системы права, и что, именно, поэтому он должен остаться непонятым всеми тем, кто в его критике политической экономии видит либо руководство для ведения хозяйства, либо анализ субъективной оценки, либо нечто подобное. Лишь перед его проницательным взором развернулось великое историческое зрелище: общество мелких товаропроизводителей, освободившихся путем тяжелых битв от феодальных оков, общество, в котором, наконец, производитель свободно распоряжается своими средствами производства, провозгласило: пусть каждый имеет свои собственные условия труда, пусть каждый свободно обменивает с другим про-

дукты своего труда. Это общество ничего другого не устанавливает, кроме того, чтобы каждый мирно владел своим добром и его сохранял. Закон предоставляет каждому утилизировать свои средства труда, трудиться, как это он найдет целесообразным—он это может сделать, так как продукт труда сам собой поступает к каждому в собственность. Закон предоставляет каждому самому заботиться о своем потомстве—и он это может сделать, так как собственность отца является фондом питания для детей-наследников. Эта несложная, простая организация собственности имеет целью юридически зафиксировать действительные условия существования этого общества. Но, о чудо: мирное владение собственной вещью превращается в драконовское господство над чужими рабочими силами, оно порождает новую социальную организацию труда, более суровую, жестокую и кровавую во многих случаях, чем в феодальное время или при фараонах—стоит вспомнить только о детском труде!—Это мирное владение собственной вещью превращается в постоянное присвоение продукта чужого труда, становится титулом на прибавочную стоимость оно наделяет продукцией всего общества праздный класс в виде прибыли, процента, ренты и осуждает деятельный класс лишь на удовлетворение потребностей самосохранения и размножения; оно, наконец, превращает в противоположность все свои первоначальные функции: собственник даже не и м е е т больше своей собственности, т. е. не владеет ею — она лежит в качестве вклада в банке — он никоим образом не распоряжается ею, ни в качестве рабочей силы, ни в качестве действующего капиталиста, он даже не знает, где находятся предприятия, в которые вложена на-ряду с другими его собственность; однако, одна функция собственности неразрывно связана с его личностью, это—присвоение чужого продукта труда—служащий банка ежемесячно приносит ему домой доходы, полученные от собственности. Перед глазами Карла Маркса развернулся этот чудовищный процесс развития со всеми сопровождающими его явлениями, он тотчас представился ему в виде проблемы времени, в виде вопроса жизни всего человеческого общества в текущую эпоху. И поскольку Маркс своею мыслью охватывает все человеческое общество в целом и одновременно концентрирует ее на самом глубоком, самом сокровенном принципе существования общества, его мозг становится органом совокупного человеческого мышления; он становится предтечей мысли подавляющего большинства нашего поколения.

Благодаря ему, нам стало ясным, что собственность получила в капиталистическую эпоху совершенно иные, и отчасти противоположные функции по сравнению с эпохой простого товарного производства, что она стала силой, безусловно

противообщественной, антисоциальной. Однако всякая собственность даруется правом, т.-е. актом власти сознательно действующего общества. Господствующее общество дало индивидуумам распорядительную власть над физическими вещами; теперь же физическая вещь господствует над индивидуумами, над рабочими силами, над самим обществом, создает организацию власти и труда, законы снабжения и размножения общества,—человечество закрепощено его собственным творением!

Норма представляет собой свободный акт осознавшего себя общества: общество простых товарных производителей хотело посредством нормы закрепить свои собственные условия существования, закрепить субстрат своего бытия. Однако этот субстрат изменяется вопреки закону и все же в формах этого закона, все правовые институты автоматически изменяют свои функции, при чем эти изменения остаются почти незамеченными и непонятыми обществом, старые функции превращаются в свою противоположность. Теперь спрашивается: если общество осознает эту смену функций, не должно ли оно также изменить норму? Или оно навеки отказалось от своего самодержавия? Разве оно не властно больше над своей собственной волей, разве оно больше не может овладеть ею вновь?

Если же общество все еще держит в своих руках орудие закона, законодательство, если не подлежит никакому сомнению его юридическое правомочие свободно законодательствовать, может ли оно еще технически господствовать над развязанной силой развития? Общество суверенно в качестве законодателя, также ли суверенно оно на практике? Или же оно может практически только то, что оно должно? Принуждает ли смена функций права также к смене норм? Почему смена норм не совершается также автоматически? Если смена функций всегда является также причиной смены норм, то почему эта причина не действует также медленным путем фактических изменений? Каким образом хозяйство определяет право? Мы видели, что хозяйственный субстрат может произвести сдвиг в функции нормы, может превратить ее в ее противоположность; однако сама норма пребывала неразрушимой, неразрушимой оставалась также и ее капиталистическая функция, и все развитие служило только ее усовершенствованию, ее культивированию. Таким образом, кажется, будто самое сильное изменение функций не имеет обратного действия на то туманное образование, на ту невесомую, нематериальную формулу, на те императивы, которые сами как будто не существуют или влачат лишь скромное существование на бумаге сборников узаконений. Разве нормы неразрушимы, неизменны, вечны,

или по меньшей мере не могут определяться ничем другим, кроме самих себя?

Если же они, как и все на этом свете, имеют свои причины изменения, то в чем последние заключаются? Если они — нечто существующее, то каковы признаки их бытия, то каков их характер бытия и способ изменений? Если они возникают из условий существования рода человеческого, если они сами не что иное, как способ сохранения человеческого общества, то какова их роль в существовании и развитии нашего поколения?

Попытка дать ответы на эти вопросы составит содержание следующего очерка, посвященного изменению норм правовых институтов. Одновременно этот очерк должен показать путь, по которому капиталистическое общество превратится в социалистическое.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Государственное Издательство.

Главное Управление. Москва.

Общественные науки.

Блос — Германская революция.
Бухарин — Теория исторического материализма.
Лили Браун — Женский вопрос.
Бонч-Бруевич — Из мира сектантов.
Бебель — Женщина и социализм.
Богданов и *Степанов* — Политическая экономия, т. I и II.
Вольтерс — Исследования по аграрной истории Франции.
Варга — Проблемы экономич. политики при диктатуре пролетариата.
Вольфсон — Очерки обществоведения.
Волков — Аграрно-экономическая статистика России.
Гурвич — Основы Советской Конституции.
Гильфердинг — Финансовый капитал.
Горев — Электрификация Франции.
Ерманский — Научная организация труда и система Тэйлора.
Жорес — История Великой Французской революции, т. I. Учредительн. собрание 1789—91 г.г.
" — История Великой Французской революции, т. III. Национальн. конвент.
Зиновьев — Об антисоветских партиях и течениях.
Кейнс — Экономические последствия Версальского мирного договора.
" — Пересмотр Версальского мирного договора.
Крицман — Новая экономическая политика.
Керженцев — Революционная Ирландия.
Каплун — Охрана труда.
Крупская — Народное образование и демократия.
Коллонтай — Положение женщины в эволюции хозяйства.
" — Общество и материнство, т. I и II.
Каутский — Предшественники новейшего социализма, т. I и II.
" — Экономическое учение Маркса.
" — Путь к власти.
Р. Люксембург — Накопление капитала.
Лозовский — Рабочая Франция.
Лавров — Парижская коммуна.
Лукин — Парижская коммуна.
Лафарг — Труд и капитал.
Луначарский — Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров.
Ленин — Собрание сочинений. Т. II. Экономические этюды и статьи 1897—99 г.г.
" — т. IV. Искра 1900—1903 г.
" — т. VI. Революция 1905 г.
" — т. VII, ч. I. 1905—06 г. От октября 1905 г. до роспуска первой Государственной Думы.
" — т. VII, ч. II. 1905—06 г. От роспуска I-й Государственной Думы до выборов во II-ую Государственную Думу.
" — т. XIV, ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От Февральской революции до наших дней.
" — т. XIV, ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От Июльских дней до Октябрьской революции.
" — т. XV. Пролетариат у власти 1918 г. 25 окт. 1917 г.—31 дек. 1918 г.
" — т. XVI. Пролетариат у власти 1919 г.

Ленин — т. XVII. Пролетариат у власти 1920 г.
„ — т. XIX. Национальный вопрос (статьи 1910—1921 г.).
Маркс и *Энгельс* — Полное собрание сочинений, т. III. Исторические работы;
„ „ — т. IV. Процесс производства капитала;
„ „ — т. V. Процесс обращения капитала;
„ „ — т. VI. Капитал. Критика политической экономии.
„ „ — Нищета философии.
Меринг — История германской социал-демократии до 1848 года, т. I.
„ — „ „ до прусского конституц. конфликта, т. II.
„ — „ „ до франко-прусск. войны, т. III.
„ — „ „ до выборов 1903 г. т. IV.
Полонский — Бакунин.
Покровский — Русская история. Т. I С древнейших времен до Грозного.
„ — т. II. Смута. Борьба за Украину. Петровская реформа.
„ — т. III. Монархия XVIII века. Александр I. Декабристы.
„ — т. IV. Крестьянская реформа. 60-ые годы. Конец 19 века.
Павлович — Империализм и борьба за великие железнодорожные и водные пути будущего.
„ — Советская Россия и капиталистическая Англия.
„ — Советская Россия и капиталистическая Франция.
„ — Советская Россия и капиталистическая Америка.
Преображенский — Итоги Генуэзской конференции.
Плеханов — Собрание сочинений, том I, II, III и IV.
„ — К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.
Раковский — Накануне Генуи.
Рейснер — Буржуазное государство и советский строй, т. I.
Степанов — Электрификация Р. С. Ф. С. Р.
Стучка — Революционная роль права и государства.
Сергеев — Европейский кризис на заре IX века.
Сеньобос — Политическая история современ. Европы, т. I.
Троцкий — 1905 г.
„ — Между империализмом и революцией.
Троцкий и *Раковский* — Очерки политической Румынии.
Фалькнер М. — Основы статистической методологии.
Фалькнер С. — Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства.
Шляпников — Канун 17-го года, т. I и II.
Шпенглер — Закат Европы.
Штейн — Генуэзская конференция.
„ — Гаагская конференция.
Эйдус — Очерки рабочего движения в странах Востока.
Энгельс — Крестьянский вопрос во Франции и Германии.
„ — Жилищный вопрос.

